

Теоретические проблемы региональной экономики	
<i>Суспицын С.А.</i> Макроэкономические оценки Стратегии развития Сибири	3
Региональная политика и экономические проблемы федерализма	
<i>Селиверстов В.Е.</i> Региональная политика России: выбор новой модели	15
Экономические проблемы развития регионов	
<i>Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В.</i> Федеральные округа России: особенности развития экономики и социальной сферы	41
<i>Михеева Н.Н.</i> Экономический рост на Дальнем Востоке: условия и ограничения	56
<i>Важенина И.С., Важенин С.Г.</i> Имидж как конкурентный ресурс региона	72
<i>Головина С.Г.</i> Социально-экономические проблемы аграрных регионов	84
Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области	
<i>Суспицын С.А., Суслов Н.И.</i> Граничные сценарии в Стратегии развития Новосибирской области	92
<i>Суслов В.И., Фомин Д.А., Костиков К.К., Воронов Ю.П.</i> Аграрно-промышленный комплекс Новосибирской области: ресурсы и сценарии развития	117
Социальные проблемы регионального развития	
<i>Дворянов А.А.</i> Социальные функции доверия	130
<i>Калугина З.И., Фадеева О.П.</i> Контуры будущего сибирской деревни	141
Эколого-экономические проблемы регионального развития	
<i>Журавель Н.М., Меркульев А.В.</i> Оценки эколого-экономических последствий изменения топливного баланса Сибири	159
Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики	
<i>Козырева Г.Б.</i> Институциональные проблемы формирования деловой среды: региональные аспекты	171
<i>Литвинцева Г.П.</i> Инвестиции в основной капитал: Сибирский федеральный округ и Россия	182
<i>Герт А.А., Мельников П.Н., Немова О.Г., Волкова К.Н., Соболев М.Ю., Супрунчик Н.А.</i> Сырьевая обеспеченность нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан	198
<i>Попов И.А.</i> Оценка потенциальной экономической эффективности достройки Амуро-Якутской железнодорожной магистрали	208
<i>Чурашев В.Н., Маркова В.М.</i> Перспективы энергообеспечения Сибирского федерального округа	216
<i>Чирихин С.Н.</i> Политика развития регионального рынка сжиженного газа как альтернатива потреблению бензина	228
Российско-канадская программа «Обмен опытом управления северными территориями»	
<i>Истомин А.В., Селин В.С., Зайцева Е.И.</i> Проблемы социально-экономического развития регионов Севера России в новых условиях	237
<i>Суляндзига П.В.</i> Традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера в рыночных условиях: российские реалии и международный опыт	246
<i>Быстрицкий С.П., Ермолин А.Б., Заусаев В.К.</i> Возможности устойчивого развития проблемных районов Севера	260
Наши авторы	271
Summary	274
Содержание журнала за 2006 г.	281

Theoretical Issues of Regional Economics

<i>Suspitsyn, S.A.</i> Macroeconomic estimations in Siberian Development Strategy	3
---	---

Regional Policy and Economic Issues of Federalism

<i>Seliverstov, V.Ye.</i> Regional policy in Russia: choosing a new model	15
---	----

Economic Issues of Regional Development

<i>Yershov, Yu.S., N.M. Ibragimov and L.V. Melnikova.</i> Russian federal districts: peculiarities of economic and social development	41
<i>Mikheeva, N.N.</i> Economic growth in the Far East: favorable conditions and constraints	56
<i>Vazhenina, I.S. and S.G. Vazhenin.</i> Image as a competitive regional resource	72
<i>Golovina, S.G.</i> Socio-economic issues of agrarian regions	84

Socio-Economic Development Strategy for Novosibirsk Oblast

<i>Suspitsyn, S.A. and N.I. Suslov.</i> Novosibirsk Oblast Development Strategy: extreme scenarios within socio-economic development strategy	92
<i>Suslov, V.I., D.A. Fomin, K.K. Kostikov and Yu.P. Voronov.</i> The agroindustrial complex in Novosibirsk Oblast: resources and scenarios of its development	117

Social Issues of Regional Development

<i>Dvorianov, A.A.</i> Social functions of confidence	130
<i>Kalugina, Z.I. and O.P. Fadeeva.</i> Outlining the future of rural community in Siberia	141

Ecological and Economic Issues of Regional Development

<i>Zhuravel, N.M. and A.V. Merkuliev.</i> Changes in Siberian fuel balance: ecological and economic consequences	159
--	-----

Regional and Interregional Aspects of Structural and Investment Policy

<i>Kozyreva, G.B.</i> Building a regional business community: institutional problems	171
<i>Litvintseva, G.P.</i> Fixed capital investments: Siberian Federal District and Russia	182
<i>Gert, A.A., P.N. Melnikov, O.G. Nemova, K.N. Volkova, M.Yu. Sobolev and N.A. Suprunchik.</i> Adequate resources provision of the Eastern Siberia – Pacific Ocean Pipeline	198
<i>Popov, I.A.</i> Completing the Amur – Yakutsk trunk-railway project: economic efficiency	208
<i>Churashev, V.N. and V.M. Markova.</i> Perspectives in power provision of Siberian Federal District	216
<i>Chirikhin, S.N.</i> Developing regional policy on fuel market: dry gas fuel instead of gasoline	228

Russian-Canadian Program «Exchange of Experience in Northern Development»

<i>Istomin, A.V., V.S. Selin and E.I. Zaitseva.</i> Socio-economic development in Northern Russia in new economic and political context	237
<i>Sulyandziga, P.V.</i> Traditional aboriginal economies in market economy: Russian realities and world's experience	246
<i>Bystritsky, S.P., A.B. Yermolin and V.K. Zausaev.</i> Opportunities for sustainable development in depressed northern regions	260
Our authors	271
Summary	274
Contents for 2006	281

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ

С.А. Суспицын

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 05-06-80455) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00253)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В 2005 г. по инициативе Полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе был выполнен новый этап исследований в области социально-экономического развития Сибири, уточняющих и развивающих основные положения Стратегии развития Сибири, которая была подготовлена в 2001 г. силами СО РАН и аппарата Полномочного представителя [1] и вариант которой, согласованный с Минэкономразвития России, в 2002 г. был принят Правительством РФ [2].

Новая редакция Стратегии развития Сибири в ее научно-методическом изложении представлена по основным разделам в серии публикаций в журнале «Регион: экономика и социология» в 2005–2006 гг. [3–5]. Главные продвижения при разработке последнего варианта стратегии состоят в ее наполнении большим числом значимых инвестиционных проектов по всем приоритетным направлениям развития сибирской экономики, а также в расчетах набора макроэкономических показателей при разных вариантах развития Сибири, и в том числе оценок общей результативности реализации стратегии. В процессе этих расчетов был решен ряд новых методических задач, обобщению которых и посвящена данная статья.

Обратная взаимосвязь детальности анализа и прогнозных горизонтов. Общее правило состоит в том, что чем конкретнее рассматривают-

ся проблема, явление, событие, тем короче срок, применительно к которому можно дать обоснованные и достоверные прогнозные оценки их изменения во времени. Так, большинство проектных разработок, вошедших в банк инвестиционных проектов Стратегии развития Сибири, рассматриваются в пределах 2006–2012 гг., малая часть – на горизонте до 2015 г., и абсолютно отсутствует что-либо определенное в терминах проектных предложений за пределами 2015 г. С другой стороны, общие методы макроэкономического прогнозирования позволяют делать непротиворечивые суждения об изменении группы корректно отобранных и взаимосвязанных макропоказателей развития крупного региона применительно к достаточно отдаленной перспективе. Туда же можно «дотянуться» и с некоторыми балансами и условиями промежуточного уровня детализации (динамика населения в укрупненной структуре его половозрастных групп, балансы производства и потребления электроэнергии и некоторые другие условия, пропорции и балансы, которые могут быть более точно рассчитаны на менее продолжительные периоды). Общая взаимосвязь конкретности (детальности) анализа и периода прогнозирования показана на рис. 1.

Ограниченность традиционного сценарного анализа и альтернативная схема. Достаточно очевидным требованием сценарного анализа являются проработанность сценария в разных срезах (в терминах рис. 1 – сводном, конкретном и проектном) и, более того, согласованность их между собой или по крайней мере непротиворечивость друг другу. Методически это нетрудно сделать, если обладать всей необходимой исходной информацией на всех уровнях анализа. Разработанный в этих условиях представительный набор внутренне согласованных сценариев развития региона может быть подвергнут процедурам сравнительного одно- или многокри-

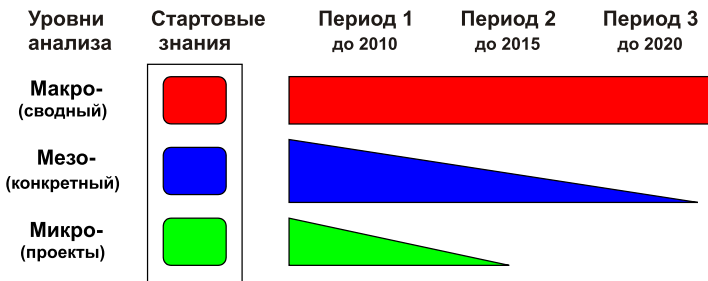

Рис. 1. Уровни анализа и прогнозные горизонты

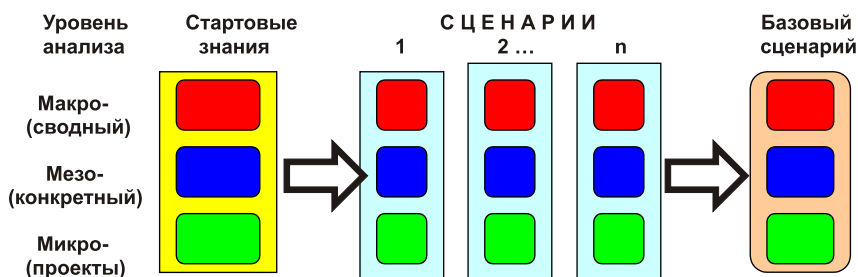

Рис. 2. Стратегия развития региона при традиционном сценарном подходе

териального анализа для выбора наилучшего из них. Такая схема разработки стратегии развития региона представлена на рис. 2.

К сожалению, в реальных условиях стратегического прогнозирования на долгосрочную перспективу такая схема неприемлема, в том числе и в силу изложенных выше обстоятельств. Поэтому работу вести лучше по другой схеме, в которой стратегические альтернативы рассматриваются в рамках макроэкономических прогнозов, а отобранный на этом уровне наилучший сценарий уточняется и дополняется проработками следующих уровней анализа – конкретного и проектного, как показано на рис. 3.

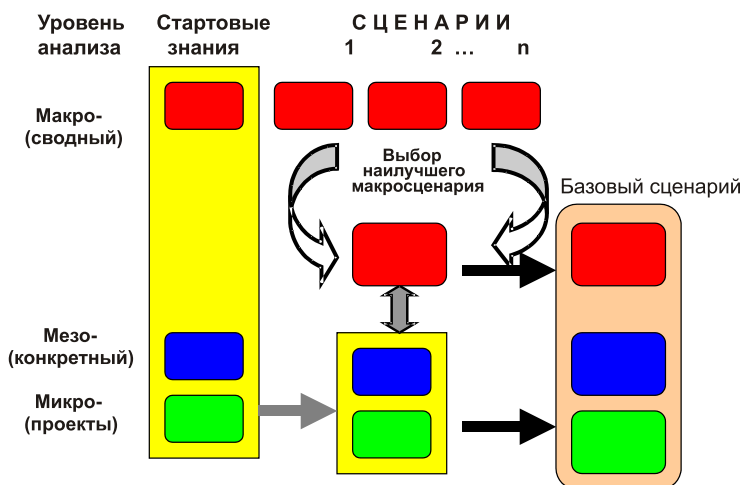

Рис. 3. Разработка стратегии региона при альтернативном подходе

Поле возможных сценариев регионального развития. Ввиду многообразия внешних условий и их вариаций, внутренних предпосылок и целевых установок возможных сценариев развития региона может быть достаточно много. На практике поступают проще, высекая в пространстве сценариев конус наиболее вероятных альтернатив развития и сосредоточивая внимание на его границах, определяя их часто как минимальный и максимальный сценарии, или эволюционный и программный, или инерционный и оптимальный и т.п.

Допустима и иная логика выделения конуса возможных сценариев развития региона. Основным понятием в ней является понятие траектории реального развития региона (на рис. 4 – линия $A_0-A_1-A_3$). Какие бы варианты развития региона ни рассматривались, реализуется лишь одна траектория. Ее положение в будущем размыто, но когда будущее станет настоящим, достигнутое состояние окажется единственным. Альтернативы 2010 г. существуют лишь с позиций 2005 г., но с позиций 2010 г. их нет.

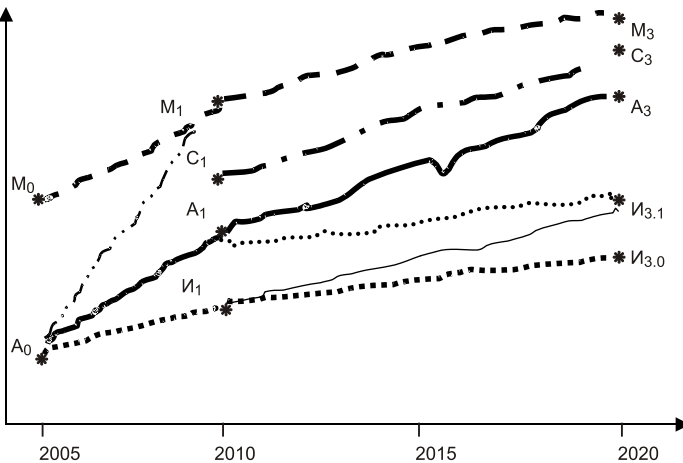

Рис. 4. Конус стратегических альтернатив развития региона

$A_0-A_1-A_3$ – траектория реального развития региона; $A_0-I_1-I_{3,0}$ – траектория инерционного развития с переносимыми на прогнозный период условиями ретропериода до 2005 г.; $A_1-I_{3,1}$ – траектория инерционного развития с воспроизводимыми в прогнозном периоде условиями ретропериода до 2010 г.; $A_0-C_1-C_3$ – траектория развития в соответствии с основным сценарием стратегии развития региона; $M_0-M_1-M_3$ – траектория потенциально возможного развития региона

В момент, когда из множества возможных идентифицируется лишь одно, реально осуществившееся состояние, возникает и понимание неиспользованных возможностей, или потенциально возможного развития. Для 2005 г. это точка M_0 , показывающая, что реально достигнутое состояние могло бы быть и иным. Для 2010 г. – это M_2 , для 2020 г. – это M_3 .

Так что кривая $M_0-M_1-M_3$ является геометрическим образом потенциально возможного уровня развития региона. Эта траектория также носит латентный характер, и каждая ее точка проявляется лишь в момент перехода от будущего к прошлому. Естественно желание приблизить реальные состояния к потенциальным, но проблема заключается в том, что из точки A_0 сдвинуться в направлении точки M_0 нельзя, так как событие A_0 уже произошло и изменить его уже нельзя. Из A_0 можно двинуться лишь в направлении M_1 . И механизмом такого движения являются мероприятия стратегии развития региона, представленной на рис. 4 линией C_1-C_3 . К моменту свершения очередного события мероприятия стратегии, заложенные в прежнем периоде, могут делиться на две группы: одни из них, осуществленные, пополняют возможности реализовавшегося состояния (сдвигая точку A_1 в положительный ортант в направлении точки A_2 на рис. 4); другие, не реализовавшие заложенные в них потенции, аналогичным образом влияют на траекторию потенциальных возможностей (точка M_1 относительно точки M_0). Таким образом, разумно выбранная стратегия развития региона, т.е. совокупность целенаправленных воздействий на реально достижимые состояния региона, способствует в идеале сближению траекторий реального и потенциального развития региона.

Минимальными границами конуса возможных сценариев регионального развития могут служить инерционные сценарии. Из каждого реального состояния может быть построена своя траектория инерционного развития, воспроизводящая в будущем условия этого состояния. На рисунке 4 выделены две такие траектории. Одна начинается в 2005 г. с точки A_0 , вторая – в 2010 г. с точки A_1 , т.е. реально достижимого состояния в этом году. Итоговым инерционным сценарием будет огибающая частных инерционных траекторий, склеенная из их отдельных участков. На рисунке 4 это траектория $A_0-I_1-I_{3.1}$. Такой сценарий столь же виртуален, как и сценарий потенциальных возможностей, но в отличие от последнего его можно аппроксимировать последовательностью частных инерционных сценариев, и в этом смысле его построение вполне операционально.

Методика и макроэкономическая модель расчета прогнозных показателей развития региона. Для расчетов вариантов социально-экономического развития региона использовалась модификация региональной

макрэкономической модели, описанной в работе [6]. Эта модель представляет собой имитационную систему рекуррентного типа мягкой балансировки параметров регионального развития: балансы выполняются с точностью до оцениваемых моделью их невязок: численности безработных (для баланса трудовых ресурсов), величины денежной эмиссии или превышения доходов над расходами (для баланса денежных доходов и расходов населения), дефицита регионального бюджета, величины сальдо финансовых потоков между регионом и федеральным уровнем, величины заемных средств (для баланса потребности в инвестициях и их предложения) и др.

Ядро модели составляют следующие четыре блока.

Производство. Макрэкономическая традиция предписывает использование производственных функций для описания объемов выпусков в зависимости от факторов производства. Ими в модели выбраны труд и капитал (основные фонды).

Динамика основных фондов определяется их вводом и выбытием. Ввод фондов определяется освоением инвестиций за ряд предыдущих лет. Финансирование инвестиций обеспечивается собственными возможностями производителей, расходами на инвестиции бюджетов (регионального и федерального), заемными средствами.

Основным финансовым результатом является получение прибыли от реализации товаров и услуг. Уравнение распределения прибыли включает налоги на прибыль, расходы на непроизводственное потребление, на инвестиции в основной капитал.

Налоги. Введенных показателей модели достаточно для расчета основных налогов: налога на добавленную стоимость, акцизов, налога на прибыль, налога на имущество, налога на доходы физических лиц, прочих налоговых и неналоговых поступлений в бюджетную систему.

Государственные доходы и расходы. В этом блоке формируются варианты распределения и использования государственных доходов. В соответствии с заложенными нормативами налоговых отчислений и неналоговых сборов и их распределения определяются доходы бюджетов (федерального и регионального) и внебюджетных фондов. Согласно целевым установкам определяется структура расходов бюджетов и внебюджетных фондов, оценивается степень сбалансированности доходов и расходов и формируются меры по ее повышению.

Население. Для каждого периода времени отслеживается три типа балансов: баланс собственно населения, баланс трудовых ресурсов, баланс денежных доходов и расходов населения.

Баланс населения основан на движении трех возрастных групп: в дотрудоспособном возрасте, в трудоспособном возрасте, в послетрудоспособном возрасте. Учитывается естественное и механическое движение населения.

Доходную часть баланса трудовых ресурсов формируют численность трудоспособных в трудоспособном возрасте с поправкой на работающих пенсионеров. Расходная часть определяется численностью занятых в народном хозяйстве – экономике и других сферах. Расчетным является показатель численности лиц, не занятых никаким видом деятельности.

В балансе денежных доходов и расходов населения основные статьи его доходов составляют доходы от трудовой деятельности, социальные трансферты, прочие доходы. В расходах выделены затраты на оплату товаров и услуг, обязательные платежи, прочие расходы. Результирующим показателем баланса является превышение доходов над расходами.

Прогнозных показателей такой модели достаточно, для того чтобы рассчитать основные индикаторы регионального развития: ВРП на одного жителя или занятого в экономике и темпы его роста, изменение занятости, фондоотдачу и производительность труда, налоговую нагрузку, собственные доходы федерального и регионального бюджетов, удельные инвестиции, долю отчислений в федеральный бюджет от налоговых поступлений и некоторые другие индикаторы.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СИБИРИ В КОНТРАСТНЫХ СЦЕНАРИЯХ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В новой редакции Стратегии развития Сибири изучались два основных сценария развития этого региона: инерционный по условиям до 2003–2005 гг. и сценарий, базирующийся на включении в рассмотрение последствий реализации основных мероприятий и проектов стратегии. Приведенные в работе [5] прогнозные оценки дают картину роста экономики Сибири в рамках этих сценариев, отраженную в табл. 1.

Основное назначение Стратегии развития Сибири и предложенного в ней пакета проектов состоит в резком ускорении темпов социально-экономического развития Сибири и осуществлении структурной перестройки ее экономики. Вне установок и мероприятий стратегии экономика Сибирского федерального округа способна развиваться достаточно устойчиво и в русле вполне рыночных тенденций с темпами прироста на уровне 4–5% в год. Весь вопрос в цене времени: удвоение ВРП за 10 лет не может быть достигнуто ни в период 2006–2015 гг., ни в период 2011–2020 гг. Задачи модернизации экономики, роста обрабатывающих отраслей, создания со-

Таблица 1

Среднегодовые приросты ВРП Сибирского федерального округа, %			
Отрасль экономики	2006–2010	2011–2015	2016–2020
<i>Инерционный сценарий</i>			
Экономика СФО в целом	4,2	4,9	5,5
В том числе:			
промышленность	2,6	3,0	3,4
транспорт и связь	4,7	5,0	5,3
прочие отрасли	4,9	5,7	6,4
<i>Сценарий с учетом проектов Стратегии развития Сибири</i>			
Экономика СФО в целом	7,0	7,9	6,1
В том числе:			
промышленность	6,3	6,9	4,5
транспорт и связь	8,1	9,0	6,0
прочие отрасли	7,2	8,1	6,8

временных инфраструктуры и сферы услуг отодвигаются в этом случае на достаточно отдаленную перспективу.

Осуществление мероприятий стратегии и реализация пакета масштабных проектов кардинально меняют ситуацию. В основной период выполнения стратегии – до 2015 г. – базисные отрасли экономики Сибири получают мощные импульсы для повышения своей активности, кратно увеличивая темпы прироста ВРП. В целом по Сибирскому федеральному округу среднегодовой прирост ВРП за период 2006–2020 гг. может составить не менее 7%, в том числе в 2006–2010 гг. – 7,0%, в 2011–2015 гг. – 7,9, за пределами 2015 г. – на уровне 6,1%.

Общий уровень необходимых инвестиций за период 2006–2020 гг. может составить величину в ценах 2005 г. на уровне 7600 млрд руб. (270 млрд долл. США). Инвестиционные потребности при реализации стратегии составляют 84 млрд долл., т.е. около 30% от общих инвестиций.

Предполагаемые масштабы инвестиций позволят полностью обновить технологическую основу экономики (общее выбытие основных фондов за период составит около 2000 млрд руб., что корреспондирует с их общей величиной на начало периода), снизить материалоемкость общественного производства на 30%, увеличить производительность общественного труда в 2,6 раза.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ПАРАМЕТРОВ РАЗВИТИЯ СИБИРИ В КОНУСЕ СЦЕНАРНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Основной недостаток приведенного выше максимального варианта развития Сибири с учетом реализации предлагаемого варианта Стратегии развития Сибири состоит в заметном снижении темпов экономического развития в период 2015–2020 гг. (см. табл. 1). Последнее обстоятельство объясняется скорее не объективными причинами затухания к этому периоду экономической активности в регионе, а отсутствием информации о конкретных проектах, возможных к осуществлению в этот период (заметим, кстати, что в инерционном сценарии такого снижения темпов роста не отмечается). Компенсировать отсутствие конкретных знаний об особенностях развития Сибири в конце 20-х годов можно макроэкономическим прогнозом группы взаимосвязанных индикаторов социально-экономического развития, в своей совокупности отражающих определенные пропорции и учитывающих возможные ограничения на их автономные изменения. Прогнозирование «пучком» повышает достоверность расчетов отдельных индикаторов. Обобщающие результаты такого прогноза близки к параметрам развития Сибири с учетом мероприятий и проектов стратегии, но они позволяют по-новому оценить итоги последнего периода (табл. 2).

Нарастающие темпы экономического роста Сибири объясняются в этом варианте двумя основными группами причин: высокой инвестиционной активностью в регионе (до 10% среднегодового за период прироста инвестиций в основной капитал) и устойчивым снижением уровня инфляции, доведением ее к 2020 г. до 3,5–4%. К концу периода изменяется соот-

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста экономики Сибири по периодам, %			
Показатель	2006–2010	2011–2015	2016–2020
Производство товаров и услуг	6,4	7,7	8,9
Производительность труда	7,3	7,4	8,3
ВРП	7,0	7,6	9,2
Инвестиции в основной капитал	9,9	9,3	10,4
Инфляция по ВРП	8,3	6,0	4,6
Реальная оплата труда	8,3	7,5	7,9
Реальная бюджетная обеспеченность	9,4	9,3	11,1

Таблица 3

Факторы роста экономики Сибири

Показатель	2005, % к 2000	2010, % к 2005	2015, % к 2010	2020, % к 2015
Рост производительности труда	141,0	136,2	142,4	149,0
Рост инвестиций в основной капитал	170,0	160,0	156,3	164,0
Доля инвестиций в собственных средствах предприятий и организаций	67,0	73,6	81,2	88,4

ношение роста производительности труда и роста реальной заработной платы: от отставания в период 2006–2010 гг. к близким темпам приростов в период 2011–2015 гг. и опережению роста производительности труда по сравнению с ростом реальной заработной платы в 2016–2020 гг.

В целом за период производительность труда возрастет в 2,9 раза, инвестиции – в 4,1 раза (табл. 3). Основным источником инвестиций во все больших объемах будут собственные средства предприятий и организаций, формируемые за счет амортизации и остающейся у них части прибыли. Устойчивый экономический рост в сочетании с возрастающими масштабами инвестиционной активности положительно влияет на инвестиционный климат в регионе, мотивируя предприятия все большую часть собственных средств инвестировать в основной капитал, – доля таких вложений в потенциальных инвестициях может возрасти с 67% в 2005 г. до 88% в 2020 г. При этом рост собственных средств, инвестируемых в экономику, отстает в начальные годы от роста общих потребностей в инвестициях и лишь в последнем периоде (2016–2020 гг.) заметно его опережает. Удельный вес заемных средств к концу прогнозного периода стабилизируется на уровне, близком к уровню 2000 г. (около 33%). Его заметный рост в 2010–2015 гг. позволяет компенсировать нехватку собственных средств у предприятий и организаций, еще не достигших должных масштабов своей деятельности и инвестиционной активности (табл. 4).

В расчетах закладывалось умеренное участие государственных ресурсов (средств федерального и региональных бюджетов) в финансировании инвестиций в сибирскую экономику – на уровне 13–13,5% от всех инвестиций. Это пропорция, близкая к имевшей место в 2000–2005 гг.

Рассчитанные во взаимосвязях индикаторы развития Сибири достаточно полно характеризуют возможные изменения в сибирской экономике в период до 2020 г. (табл. 5).

Таблица 4

**Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования
(в ценах 2005 г.), %**

Показатель	2000	2005	2010	2015	2020
Всего инвестиционных ресурсов	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средства предприятий и организаций	51,0	48,8	45,1	46,5	53,1
Бюджетные средства	14,9	13,4	12,4	13,3	13,4
Привлеченные ресурсы	34,1	37,8	42,5	40,2	33,5

Таблица 5

Индикаторы социально-экономического развития Сибири (в ценах 2005 г.)

Индикатор	2005	2010	2015	2020
Доля занятых в населении, %	44,0	45,1	46,2	46,9
Средняя зарплата, руб./чел.	6,3	9,2	13,3	19,3
Душевой ВРП, тыс. руб./чел.	96,0	137,8	198,2	304,1
Производительность труда, тыс. руб./чел.	481,5	686,2	977,4	1456,1
Средняя фондоотдача, коп./руб.	91,2	96,8	103,9	112,8
Инвестиции на 1 руб. ВРП, коп./руб.	16,4	18,6	20,4	21,6
Рентабельность основных фондов (по ВРП), коп./руб.	41,3	45,0	47,7	52,5
Налоговая нагрузка, % к ВРП	27,3	29,2	30,5	31,4
Доля доходов федерального бюджета в налоговых доходах, %	51,7	50,8	50,1	49,0
Бюджетная обеспеченность региона, тыс. руб./чел.	8,8	14,0	21,7	36,8

Представленный вариант является достаточно напряженным по балансу трудовых ресурсов. Численность населения, стабилизируясь к 2015 г., к концу периода достигает значений, близких к имевшим место в 2005 г. Расчетный рост занятости в народном хозяйстве обеспечивается мобилизацией «последних резервов»: сокращением безработицы, ростом численности работающих пенсионеров в связи с увеличением их общей численности к концу периода, некоторым сокращением численности занятых другими видами деятельности (вне народного хозяйства). В целом за период экономический рост по отдельным позициям по обсуждаемому варианту может быть следу-

ющим: средняя зарплата возрастет в 3,1 раза, душевой ВРП – в 3,2, производительность труда – в 3, бюджетная обеспеченность – в 4,2 раза.

Заметно опережение инвестиционных вливаний в экономику по сравнению с ее ростом: доля инвестиций в ВРП может увеличиться с 16,4% в 2005 г. до 21,6% к 2020 г.

Масштабный рост инвестиций позволяет изменить структурные пропорции в их распределении, увеличить инновационную составляющую во вводе новых мощностей, обеспечивающих иные уровни фондоотдачи в экономике, рентабельности и производительности труда.

Некоторый рост налоговой нагрузки (с 27,3% в 2005 г. до 31,4% к 2020 г.) объясняется при сохранении в расчетах на перспективу нормативов налоговых ставок, действовавших в 2005 г., ростом результативности функционирования налоговой системы, в частности увеличением собираемости ряда налогов. Несколько возрастет доля налоговых поступлений в региональные бюджеты, в основном за счет опережающего роста налогооблагаемой базы для налогов, направляемых в бюджеты субъектов РФ, – налогов на имущество и на доходы населения. Соответственно доля налоговых поступлений в федеральный бюджет может несколько снизиться (на 1,7%). Но общие масштабы поступлений в федеральный бюджет могут возрасти настолько, что при распространении на прогнозный период пропорций расходов федерального бюджета, сложившихся к 2005 г., общее сальдо доходов и расходов федерального бюджета в регионах Сибири будет положительно возрастать во все увеличивающихся масштабах.

Литература

1. Добрецов Н.Л., Конторович А.Э., Коржубаев А.Г. и др. Научные основы стратегии социально-экономического развития Сибири // Регион: экономика и социология – 2001. – № 4.
2. Стратегия экономического развития Сибири (официальная версия) // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 3.
3. Калугина З.И., Соболева С.В., Тапилина В.С. и др. Сибирский вектор социальной политики // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 2.
4. Селиверстов В.Е. Институциональные условия и механизмы реализации Стратегии социально-экономического развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 3.
5. Суслов В.И., Суспицын С.А. Стратегия развития Сибири: макроэкономическая и территориальная проекции // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4.
6. Кулешов В.В. Стратегические проекты развития важнейших хозяйственных комплексов Сибири // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1.
6. Проект СИРЕНА: влияние государственной политики на региональное развитие / Под ред. С.А. Суспицына. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ВЫБОР НОВОЙ МОДЕЛИ

В.Е. Селиверстов

Статья подготовлена в рамках исследований по проекту Отделения общественных наук РАН «Региональная политика России: сибирская проекция» и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00256)

Старт нового тысячелетия для России совпал с давно ожидаемым началом выхода страны из экономического кризиса, стабилизации политической системы, перехода на траекторию экономического роста. Усилились позиции государства на международной арене; более результативной и прозрачной стала социальная политика; стабильно высоким остается доверие к Президенту РФ В.В. Путину у россиян.

В оценке этих процессов нас интересует их федеративный и региональный компоненты. В своих работах мы последовательно отслеживали генезис развития российского федерализма и региональной политики, выявляли их основные достижения, фиксировали нерешенные проблемы и «узкие места» [1, 2]. Мы делали акцент на том, что с учетом огромной протяженности территории нашего государства, исключительного разнообразия природно-климатических, ресурсных, демографических, этнических, структурных и прочих особенностей регионов России, специфики ее федеративного государственного устройства нужна **сильная государственная региональная политика как важнейшая составная часть общегосударственной политики страны**. Позитивная в целом оценка мер по укреплению вертикали государственной власти сочеталась с нашей критикой недостаточной системности процессов регионализации и совершенствования федеративных отношений.

Политические и экономические новации последних лет дают пищу для новых размышлений и оценок. И главным здесь, на наш взгляд, становится проблема выбора самой концепции и модели региональной политики для России как федеративного государства.

В целом нашу оценку изменений, происходивших в России в последние годы в области государственного регулирования территориального развития, формирования правовых основ и новых институциональных структур региональной политики, упорядочения взаимоотношений центра и регионов, можно охарактеризовать как «осторожно оптимистическую». **Во-первых**, этот период ознаменовался одновременным осуществлением трех реформ: административной, муниципальной и реформы бюджетирования. Был практически завершен процесс приведения в соответствие регионального и федерального законодательств (путем корректировки или отмены законов и правовых актов субъектов Федерации и муниципальных образований). Правовое поле российского федерализма оказалось расчищенным за счет удаления «сорняков» прямых противоречий между федеральными и региональными законами (другое дело, что «урожай» с этого поля пока оставляет желать лучшего). Начала осуществляться административная реформа, с которой связывались надежды на существенное повышение эффективности и качества власти как таковой за счет исключения дублирования функций и полномочий ее исполнительных органов, разделения функций выработки федеральной политики, контроля и надзора и оказания государственных услуг. Это сопровождалось завершением процесса разграничения полномочий между федеральными и региональными органами исполнительной власти.

Фактически пройден первый этап административной реформы на федеральном уровне и началась реализация второго (2006–2008 гг.), гораздо более сложного этапа реформирования, на котором центр тяжести перемещается на уровень регионов. Основной целью второго этапа этой реформы признаны повышение качества и доступности государственных услуг, ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, прекращение избыточного государственного регулирования.

По многим позициям административная и муниципальная реформы смыкаются с реформированием бюджетного процесса. «Бюджетирование, ориентированное на результат», пронизывает эти преобразования и должно составить основу новой организации бюджетного процесса на уровне регионов и муниципалитетов. В ходе этих реформ делаются попытки на-

стройки таких точных инструментов, как регламенты и стандарты оказания государственных услуг на федеральном и региональном уровнях, составление реестров расходных обязательств и т.д.

Во-вторых, в результате существенного укрепления федерального бюджета (связанного в основном с благоприятной для России ситуацией на мировом рынке энергоносителей) увеличились финансовые ресурсы региональной политики и появились ее новые формы и инструменты. Помимо традиционных федеральных целевых программ региональной направленности в субъектах Федерации началась реализация национальных проектов, призванных решить наиболее злободневные социальные проблемы (жилье, образование, медицинское обслуживание). Началось осуществление федеральной адресной инвестиционной программы, средства которой на конкурсной основе выделяются для инвестиционной поддержки отдельных проектов (в основном инфраструктурных), реализуемых в регионах. Давно ожидаемой новацией стали конкурсы на создание в регионах особых экономических зон (ОЭЗ). Был принят специальный федеральный закон об особых экономических зонах, проведен конкурс на создание технико-внедренческих ОЭЗ в субъектах Федерации. Было подано 72 заявки, в конкурсе победили Санкт-Петербург, Москва (Зеленоград), Московская область (Дубна), Томская область (Томск). До конца 2006 г. должны быть подведены итоги конкурса на создание туристско-рекреационных ОЭЗ. Инновационное развитие в регионах нашло федеральную поддержку в виде организации технопарков и национальных университетов.

В-третьих, начали, наконец, формироваться институциональные структуры региональной политики. Наиболее важным шагом стало воссоздание Министерства регионального развития. В Положении о Министерстве регионального развития Российской Федерации, утвержденном Постановлением Правительства РФ в январе 2005 г., отражены важные функции по государственному регулированию территориального развития, совершенствованию административно-территориального устройства Российской Федерации, разграничению полномочий по предметам совместного ведения между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления, мониторингу и анализу реализации государственной региональной и национальной политики. В 2006 г. было создано Федеральное агентство по управлению особыми экономическими зонами, что также усиливает возможность проведения осознанной региональной политики.

Не менее важно, что институциональные структуры региональной политики начали формироваться на местах – в субъектах Федерации, в крупных городах, а также на уровне федеральных округов. Воплощается в жизнь давно пропагандируемая нами идея создания агентств (корпораций) регионального развития (часто такие органы называются агентствами инвестиционного развития). Эти структуры, находящиеся на пересечении интересов власти и бизнеса, должны на примере инициирования, подготовки и осуществления конкретных инвестиционных проектов, программ содействия развитию малого бизнеса в регионах и т.д. реализовывать идеи и принципы корпоративного управления и механизмы государственно-частного партнерства. Например, в Красноярском крае создана Корпорация экономического развития Красноярского края, одной из важных задач которой является реализация программы развития Нижнего Приангарья. В Новосибирской области действует Агентство инвестиционного развития¹. Более того, аналогичные структуры создаются в административных районах субъектов Федерации. Например, очень интересен опыт Центра инвестиционных программ Маслянинского района Новосибирской области, который активно занимается выявлением региональных точек роста, разработкой стратегических документов развития данной территории, подготовкой бизнес-планов местных инвестиционных проектов, поиском инвесторов и т.д.

В-четвертых, в рассматриваемый период начались акции по совершенствованию административно-территориального деления России, нашедшие отражение в объединительных процессах в ряде сложносоставных субъектов Федерации. Мы считаем, что помимо политических выгод (в том числе за счет легитимизации самой идеи укрупнения российских регионов) объединение субъектов Федерации может сыграть существенную роль в решении проблемы сокращения межрегиональных диспаритетов (например, при объединении Красноярского края, Таймырского и Эвенкийского автономных округов; Иркутской области и Усть-Ордынского автономного округа; Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа). Это позволит усовершенствовать систему межбюджетных отношений в таких регионах и повысить заинтересованность региональных властей «материнских» субъектов Федерации в решении социально-экономических

---

¹ Для реализации инвестиционных проектов и программ в Новосибирской области создается триада: Агентство инвестиционного развития – фонд инвестиционного развития – банк инвестиционного развития.

проблем депрессивных регионов, расположенных на их территории. Экономическую основу такого объединения могут составить интеграционные проекты, охватывающие территории нескольких существующих субъектов Федерации и задающие импульс региональным точкам роста.

В-пятых, на уровне федеральных округов и субъектов Федерации заметно интенсифицировалась работа по формированию стратегических программных документов регионального развития, что указывает на нацеленность региональных правительств на решение крупных перспективных задач, стоящих перед экономикой и социальной сферой соответствующих территорий.

И наконец, **в-шестых**, на федеральном уровне были разработаны документы, которые характеризуют правовые основы и саму идеологию региональной политики (проект Федерального закона «Об основах государственной региональной политики, порядке ее разработки и реализации» и Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, разработанные Министерством регионального развития РФ).

Таким образом, в последние годы наблюдаются подвижки в реформировании федеративных отношений и региональной политики в России по разным направлениям, и это порождает определенный оптимизм. Он вызван в первую очередь теми инициативами, которые проявляют федеральные округа, регионы, муниципалитеты. В то же время этот оптимизм является «осторожно-сдержанным», что связано с непоследовательностью ряда важных начинаний, их продолжающейся бессистемностью, отсутствием согласованности отдельных направлений и бюрократической формой их реализации (например, при осуществлении национальных проектов, при проведении конкурсов на создание ОЭЗ и т.д.). По каждому из отмеченных пунктов мы могли бы привести конкретные примеры непоследовательных и бюрократических действий центральной власти и упущенных возможностей. Особенно значительная критика должна прозвучать в адрес отдельных форм и направлений реализации административной реформы, что, впрочем, неудивительно: трудно было ожидать другого от реформы, осуществляемой в режиме «самореформирования», когда власть пытается реформировать саму себя, и иницируя, и контролируя эти процессы [3].

Ряд аналитиков высказывают более жесткие оценки самого вектора реформирования федерализма и региональной политики, заявляя, что последние годы явились началом конца российского федерализма.

Мы придерживаемся более сдержанной оценки в отношении динамики происходящих в России процессов централизации-децентрализации. Безусловно, прошедшие годы (особенно период 2003–2005 гг.) ознаменовались заметным усилением позиции федерального центра в системе взаимодействий «центр – субъекты Федерации». Это проявилось как при выстраивании и усилении «вертикали власти», так и в целом комплексе мер, связанных с концентрацией политической и экономической силы в рамках президентской линии власти и федерального правительства. Мы не будем заниматься детальным разбором этих тенденций, тем более что это достаточно квалифицированно отражено в ряде публикаций. Важно другое: во-первых, насколько оправданными были эти действия и, во-вторых, не потеряла ли Россия в ходе таких реформаций необходимые атрибуты страны как федеративного государства.

Ответ на второй вопрос достаточно очевиден. Даже столь существенная централизация власти в России в последние три-пять лет, безусловно, не смогла нарушить и изменить саму конструкцию федерализма в стране (воплощенную в ее Конституции), основные «родовые черты» федерализма здесь сохраняются (конститутирование субъектов Федерации на основе их Основного закона – Конституции или Устава, наличие в субъектах Федерации системы представительной, исполнительной и судебной власти, вертикальное разделение власти между Федерацией и ее членами при верховенстве Федерации [4] и т.д.).

Относительно оправданности, целесообразности и эффективности этих действий мы солидарны в В.Н. Лексиним и его коллегами, которые утверждают: «...Можно сделать однозначный вывод, что происшедшее в 2003–2005 гг. “стягивание” полномочий и ресурсов в федеральный “центр” оказало положительное воздействие на общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию» [5]. Это воздействие проявилось как в политической и административной, так и, особенно, в социально-экономической сфере, что выразилось в первую очередь в явной стабилизации ситуации с различными социальными выплатами (что ранее было невозможно, когда это осуществлялось и контролировалось на региональном уровне), в начале реализации ряда новых социальных программ, в существенно возросших инвестиционных возможностях государства и т.д.

К этому следует добавить, что произошедшее в 2002–2003 гг. резкое перераспределение предметов ведения и полномочий в пользу федерального центра в дальнейшем подверглось корректировке: под давлением субъектов Федерации им было возвращено более 100 полномочий в различных

сферах (управление лесным и водным хозяйством, ресурсами местного значения и т.д.). Правда, несмотря на серьезную критику со стороны ученых, специалистов и региональных властей нового Закона о недрах (в первую очередь за отмену правила «двух ключей» в сфере регулирования недропользования), эта «священная корова» федеральной власти осталась неприкосновенной. Продолжают действовать чрезмерно централизованные правила и процедуры управления недрами, что, на наш взгляд, существенно снижает заинтересованность регионов в их эффективном использовании.

Сейчас заметно корректируется Федеральный закон № 122 (печально известный как «закон о монетизации льгот»), который на этапе обсуждения подвергался резкой критике по целому ряду статей и позиций (в частности, автор настоящей статьи готовил заключение от Сибирского отделения РАН на проект этого закона). К сожалению, тогда точка зрения регионов в отношении концепции данного закона была проигнорирована, но жизнь внесла свои коррективы, и сейчас пересматривается целый ряд положений, касающихся предметов совместного ведения, что зафиксировано, например, в Федеральном законе № 184 «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Внимательный анализ показывает, что некоторые положения последних законов и поправок к ним фактически противоречат статьям ранее принятого Закона № 122. Специалистами высказывается точка зрения, что центр тяжести в происходящей сейчас муниципальной реформе смещен как раз в сторону исправления дефектов этого закона.

Безусловно, что отмеченные тенденции не следует рассматривать в качестве особых заслуг федеральной власти, которая якобы пошла на уступки власти региональной и муниципальной. Скорее это характеризует низкое качество законотворческой работы в России и указывает на тот факт, что принимаемые законы и правовые акты не вполне учитывают специфику возможных последствий их реализации для различных регионов и для разных слоев населения. «Унификация» федерального законодательства (т.е. слабый учет региональной специфики) остается в России серьезной проблемой. Спорадические последующие действия, направленные на корректировку таких законов, конечно, необходимы, но их цена слишком высока: это порождает «правовой нигилизм», вносит сумятицу в процесс законотворчества в регионах.

В целом мы считаем, что чрезмерное нагнетание эмоций по поводу значительного усиления централизации и концентрации власти в руках федерального центра является малопродуктивным. Осуществленная централизация власти и финансовых ресурсов была вызвана необходимостью элементарного наведения порядка в стране в социально-экономической, правовой и финансовой сферах и усиления позиций России в мировом сообществе. Конкретные форма и проявление этих процессов определялись, конечно, персональной позицией главы государства и его линией на укрепление президентской власти. История покажет, были ли эти действия правильными и целесообразными, но в целом, повторяем, они не нарушили общую федералистскую конструкцию Российского государства, хотя и подошли к опасной грани, за которой неразличимы черты федеративного и унитарного государства, а страна превращается в «квазифедерацию» (аналогично СССР).

В мире не существует унифицированных рецептов и правил для федераций по соотношению в них централизации и децентрализации в разных сферах. Федеративные государства заметно различаются в этом отношении, причем не всегда существует корреляция: больше децентрализации – больше демократии. Известный постулат «федерализм – территориальный каркас демократии» не вполне корректен даже на том основании, что совершенно игнорирует богатые демократические традиции унитарных государств.

Рассмотрим теперь два других упомянутых направления совершенствования региональной политики: разработку стратегических документов регионального развития и разработку документов, отражающих ее законодательную и идеологическую платформы.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ И РЕГИОНАХ

Как отмечалось выше, в последние годы существенно интенсифицировался процесс разработки стратегических документов регионального развития в субъектах Федерации и макрорегионах России. До недавнего прошлого основные усилия субъектов Федерации были сосредоточены на разработке среднесрочных программ социально-экономического развития, причем это зачастую определялось не насущными потребностями регионов иметь четкую долговременную программу действий, а формальным требованием Министерства экономического развития и торговли РФ иметь среднесрочные программы (разработанные по типовому макету) для полу-

чения средств из Федерального фонда поддержки регионов. Субъекты Федерации в спешном порядке стали разрабатывать подобные программы (как правило, с помощью специализированных московских организаций), и эти документы, по сути, представляли собой расширенную заявку на получение дополнительного финансирования из федерального бюджета. Это породило специальный неформальный «рынок» разработки региональных программ, на котором монопольное положение заняли несколько приближенных к Минэкономразвития частных компаний, тиражирующих подобные программы и стратегии по типовому шаблону. Их качество в ряде случаев не выдерживало критики², подход к разработке таких документов часто был формальным, и это фактически дискредитировало саму идею стратегического планирования.

В последние годы в ряде субъектов Федерации и крупных городах по их собственной инициативе стали разрабатываться долгосрочные программы и стратегии социально-экономического развития. На май 2006 г. среднесрочные программы и долгосрочные стратегии (программы) имели 64 региона, при этом 34 региона разработали среднесрочные программы, 35 – разработали долгосрочные стратегии. Качество этих документов сильно различается. Анализ показывает³, что лишь девять субъектов Федерации разработали нетиповые стратегии долгосрочного социально-экономического развития.

Мы считаем, что при формировании подобных программных документов существуют следующие потенциальные угрозы:

- «формализм», т.е. разработка стратегий в строгом соответствии с формальными требованиями, выдвигаемыми Минэкономразвития и Минрегионом (типовые макеты программ и стратегий). Однако опыт показал, что подобное «тиражирование» стратегий, среднесрочных и долгосрочных программ развития по унифицированным

---

² Например, автор статьи рецензировал проект среднесрочной программы по Новосибирской области на 2004–2008 гг., разработанный Международным центром развития регионов, и обнаружил в нем, в частности, такой перл: «В ходе реализации коммерческих проектов, начиная с 2005 г., будут сформированы поступления в бюджет *Самарской области*, которые во многом и определяют достижения основной цели Программы». Аналогичные примеры «штамповки» были выявлены и при анализе разработанной данным центром программы по Красноярскому краю.

³ Подробный анализ региональных стратегий и программ проведен аудиторско-консалтинговой компанией ФБК [6].

схемам, когда не учитывается специфика региона, оказывается непродуктивным;

- использование других стандартных схем и подходов, не вполне отвечающих природе таких документов и существующим экономическим и политическим реалиям. Здесь зачастую используются полярные подходы: или разработка стратегий по типу традиционных «госплановских» программ социально-экономического развития регионов, построенных по отраслевому принципу и без детальной проработки механизмов реализации и институциональных условий, или разработка стратегий и программ в форме простого конгломерата инвестиционных проектов, которые могут быть реализованы на соответствующей территории (такого рода разработки, как правило, инициируются и поддерживаются крупными бизнес-структурами, и при этом оказывается непонятной роль региональных органов власти и населения);
- гигантомания, т.е. попытка «вложить» в рамки стратегии социально-экономического развития субъекта Федерации все крупные стратегические программы основных секторов экономики;
- опасность «утонуть» в частных вопросах и проблемах;
- преувеличенные ожидания, в том числе ожидание немедленного эффекта от реализации стратегии.

Наша позиция по отношению к разработке стратегических документов долгосрочного регионального развития, которую мы пытались отразить при разработке Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2025 года [7], состоит в следующем:

- региональная стратегия – это не только «система мер государственного управления, опирающихся на долгосрочные приоритеты, цели и задачи политики органов государственной власти»⁴. Это должен быть масштабный ориентир для бизнеса, населения и институтов гражданского общества соответствующего региона;
- в региональной стратегии необходим выбор только действительно важнейших, стратегических направлений и приоритетов (например, число основных приоритетов не может измеряться десятками, целе-

---

⁴ Так формулируется понятие стратегии в типовом документе, выработанном в Министерстве регионального развития (см. «Требования (технический стандарт) к стратегии социально-экономического развития субъекта РФ»).

сообразно выделить не более трех-пяти стратегических приоритетов для каждого региона);

- разработка частных (отраслевых) стратегий (транспортной, энергетической, развития АПК и др.) не может быть составной частью стратегии субъекта Федерации, но должна инициироваться данным документом и найти отражение в его разделах. Крупномасштабная разработка частных стратегий – это предмет самостоятельных исследований, работ и финансирования;
- институциональные условия и механизмы реализации стратегии должны определяться в основном для первого десятилетнего этапа. Нереально сегодня прогнозировать, например, на 2025 г. предполагаемые изменения в федеральном законодательстве, которые окажут влияние на развитие региона;
- долгосрочная стратегия региона – это не «бумажный документ», но важный этап в совершенствовании *качества* регионального управления. В этой связи важнейшим блоком таких стратегий должен быть блок «обучение и переподготовка кадров»;
- при разработке региональных стратегий требуется максимальная согласованность с другими стратегическими документами (с долгосрочной стратегией территориального развития страны, со стратегией развития соответствующего федерального округа, со стратегическими планами крупных городов и их генпланами, со схемами территориального планирования субъекта Федерации);
- при разработке и особенно при реализации стратегий необходимо активное взаимодействие с бизнес-структурами и институтами гражданского общества. Кулуарная разработка подобных документов, как правило, подрывает доверие к ним. Поэтому требуются цивилизованный «пиар» стратегий и их пропаганда, чтобы уже на начальном этапе разработки сформировать в региональном сообществе устойчивое позитивное мнение относительно целей, задач и ожидаемых результатов развития данного региона на долгосрочную перспективу.

Пожалуй, наиболее важным и принципиальным является ответ на вопрос о *характере и предназначении региональных стратегий*. Или это действительно документ, отражающий только систему мер государственного управления в регионе, или же это документ и комплекс мероприятий, в которых наряду с этими мерами четко определены позиция и роль бизне-

са в реализации данной стратегии. Не секрет, что именно крупный и средний бизнес формирует инвестиционный имидж некоторых регионов, влияет на занятость населения, формирование региональных бюджетов и т.д. И поэтому оставлять его в стороне от разработки региональных стратегий (в лучшем случае – передавая в фирмы и компании уже подготовленный документ для ознакомления) по крайней мере недальновидно. Но одновременно, как отмечалось выше, не стоит и полностью отдавать бизнесу «контрольный пакет» в деле разработки и реализации программных документов долгосрочного регионального развития.

Другой важный момент – это *разработка стратегий развития макрорегионов и федеральных округов*. На примере разработки и начала реализации Стратегии социально-экономического развития Сибири мы достаточно подробно анализировали опыт и первые результаты такой деятельности [8]. При всей важности этих разработок, которые генерируют научно обоснованные представления о перспективах развития макрорегионов России, их специализации в системе мирохозяйственных связей, направлениях межрегиональных взаимодействий и реализации крупных межрегиональных проектов и программ и т.д., их конкретное выполнение натолкнулось на неясный правовой статус таких документов, что, естественно, ограничивает их поддержку из средств федерального бюджета. Формально существуют лишь две правовые формы возможной реализации подобных макростратегий: национальные проекты и федеральные целевые программы (ФЦП).

Поэтому руководство Сибирского федерального округа выступило с инициативой разработки ФЦП «Социально-экономическое развитие Сибири (2008–2020 годы)» как формы и механизма реализации разработанной ранее Стратегии социально-экономического развития Сибири. С этой целью была разработана концепция такой программы. Нами были подготовлены предложения и замечания к тексту данной концепции, суть которых заключается в следующем.

В проекте концепции сформулирована достаточно аргументированная позиция о необходимости усиления государственной поддержки развития экономики и социальной сферы Сибири и сделан вывод, что важнейшим направлением этой работы должна быть реализация новой ФЦП «Социально-экономическое развитие Сибири». Показаны негативные последствия для всей страны, которые наступят при продолжении сложившихся тенденций развития данного макрорегиона России в условиях фактического отсутствия здесь адекватных форм и механизмов государственной помощи важнейшим секторам экономики. Констатируется, что наиболее тревожной тенденцией являются сокращение населения сибирских регионов и су-

жение экономического пространства на востоке страны. Пожалуй, впервые выдвинуто предложение о создании Федерального агентства по развитию Сибири как институциональной структуры, ответственной за реализацию планов и программ развития этого макрорегиона.

В то же время, учитывая негативный опыт разработки и начала функционирования первой ФЦП «Сибирь», принятой в 1998 г., а также первой версии Стратегии экономического развития Сибири, утвержденной решением Правительства летом 2002 г., мы полагали, что следует особенно тщательно подойти к формированию концепции новой федеральной целевой программы, чтобы уже на начальном этапе ее обсуждения обеспечить высокую вероятность ее поддержки и сузить круг потенциальных противников. Предложенный вариант проекта концепции, как нам представлялось, не мог гарантировать «беспроигрышного» прохождения данного документа, поскольку в нем, с одной стороны, не были отражены действительно выигрышные позиции Сибирского федерального округа, связанные с инициированием новой ФЦП, а с другой – сформулированы излишне амбициозные и вряд ли найдушие поддержку со стороны федерального центра предложения.

Так, из текста концепции следовало, что данная ФЦП должна быть своеобразным «мегапроектом», в котором концентрируются практически все инвестиционные проекты и программы, реализуемые на территории Сибири. Сказано, что она должна формироваться и осуществляться как государственная комплексная программа, обеспечивающая координацию реализации отраслевых ФЦП, комплексных программ социально-экономического развития субъектов Федерации Сибирского федерального округа и муниципальных образований, межрегиональных программ, программ развития системообразующих отраслей экономики России, а также программ размещения производительных сил на территории Сибири. Сделан даже вывод, что такой ФЦП следует придать статус «национального проекта». При этом предложено, чтобы государственным заказчиком-координатором программы выступило Министерство регионального развития РФ.

Мы полагали, что эти предложения, несмотря на их заманчивость, недостаточно реалистичны. Во-первых, в условиях принятого правительством курса на сокращение числа федеральных целевых программ региональной направленности заявка на подобную «супер-ФЦП» вряд ли могла пройти по причине ограниченного количества финансовых ресурсов, выделяемых на федеральные целевые программы. Данная ФЦП существенно превосходит все остальные по масштабам финансирования, и должны быть сформулированы и обоснованы чрезвычайно весомые аргументы, чтобы

или серьезно увеличить общий фонд финансирования ФЦП и эти средства израсходовать на новую ФЦП развития Сибири, или перераспределить средства от существующих ФЦП в пользу сибирской. И то, и другое проблематично. Хотя мы были солидарны с предложением о передаче Министерству регионального развития функций заказчика-координатора данной ФЦП, мы прогнозировали достаточно ревностное отношение к этой акции со стороны Министерства экономического развития и торговли РФ.

Во-вторых, декларируемое в проекте концепции положение о том, что ФЦП «Социально-экономическое развитие Сибири» должна быть не столько программой целевого распределения бюджетных средств, сколько программой привлечения частного капитала и накоплений населения и обеспечения координации их рационального и гарантированно прибыльного применения в отраслях и сферах, определенных государством в качестве приоритетных, представлялось недостаточно операциональным. Ранее при обосновании ФЦП «Сибирь» (1998 г.) также формулировалось, что данная программа должна стать не столько формой целевого распределения финансовых средств, сколько инструментом зарабатывания и капитализации средств. Но при отсутствии необходимых механизмов это в принципе правильное положение осталось лишь лозунгом.

И наконец, мы полагали, что инициирование подобной супер-ФЦП, когда «под одну крышу» собираются и новые инвестиционные проекты, реализуемые частным бизнесом, и «сибирская» часть национальных проектов, и новые инфраструктурные проекты, и программы развития субъектов Федерации и муниципальных образований, вызовет нездоровую конкуренцию со стороны других федеральных округов, и можно было ожидать, что каждый из них заявит подобную супер-ФЦП. Финал такой «гонки» ФЦП макрорегионов понятен: проиграют все. Излишне большие запросы при минимальном реальном финансировании по принципу «всем сестрам по серьгам» лишь дискредитируют программный принцип решения региональных проблем.

По этой же причине нереальным было и предложение о придании ФЦП «Экономическое и социальное развитие Сибири» статуса национального проекта. В то же время мы считаем, что с учетом исключительной значимости для экономической и политической безопасности России ее северных и восточных регионов, обладающих колоссальными природными ресурсами и выполняющих особую миссию в новой индустриализации страны, гораздо большие шансы на успех имело бы инициирование такого национального проекта, как *«Север России XXI века»*, в рамках которого

ФЦП «Социально-экономическое развитие Сибири» могла бы рассматриваться в качестве составной части. Это позволило бы проработать новые интеграционные проекты (транспортные, энергетические, социальные), охватывающие Сибирь, Европейский Север, Урал и Дальний Восток, и усилить их обоснование и реализацию на принципах ресурсно-экономического взаимодополнения хозяйственных комплексов этих макрорегионов, взаимодействия северных и южных территорий (в том числе на основе решения проблемы модернизации и переспециализации экономики регионов), содействовало бы совместному решению задач по государственной поддержке Севера, решению проблем коренных народов и т.д.

Следует отметить, что несмотря на поддержку со стороны всех сибирских губернаторов и Министерства регионального развития РФ, предложение о начале разработки и реализации ФЦП «Экономическое и социальное развитие Сибири» не встретило энтузиазма у федеральных структур, особенно у Министерства экономического развития и торговли и Министерства финансов. Тем не менее стоит положительно оценивать проявляемые в последнее время на уровне федеральных округов инициативы по разработке стратегий их развития и поиску источников финансирования. Более того, в Сибирском федеральном округе начата работа по созданию *системы стратегического планирования* на всех уровнях: федерального округа, субъектов Федерации, муниципальных образований и поселений. Очевидно, что на уровне поселений трудно говорить об осознанной 20-летней стратегии развития. Тем не менее видение перспективы – это необходимое условие эффективного управления, и такие инициативы заслуживают поддержки. Гораздо хуже другое: спускаясь на уровень поселений, мы до сих пор не имеем четкой, осознанной и поддержанной всеми слоями общества и различными территориями Стратегии территориального развития России.

ПРОЕКТ ЗАКОНА «ОБ ОСНОВАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, ПОРЯДКЕ ЕЕ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ» И КОНЦЕПЦИЯ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

До недавнего времени единственным документом, регламентирующим основные направления региональной политики в России, оставался Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. «Об основных положениях регио-

нальной политики в Российской Федерации». В нем были определены следующие ее основные цели:

- обеспечение экономических, социальных, правовых и организационных основ федерализма в Российской Федерации, создание единого экономического пространства;
- обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав граждан, установленных Конституцией Российской Федерации, независимо от экономических возможностей регионов;
- выравнивание условий социально-экономического развития регионов;
- предотвращение загрязнения окружающей среды, а также ликвидация последствий ее загрязнения, комплексная экологическая защита регионов;
- приоритетное развитие регионов, имеющих особо важное стратегическое значение;
- максимальное использование природно-климатических особенностей регионов;
- формирование местного самоуправления и обеспечение его гарантий.

Данный указ сыграл определенную роль в самом признании региональной политики как самостоятельного направления государственной политики Российской Федерации, однако его исполнение было затруднено по причине нечеткого определения субъекта и объекта региональной политики, слабой организации ее разработки, недостаточно продуманных форм и методов реализации, финансового и информационного обеспечения. И безусловно, региональная политика должна быть легитимизирована не президентским указом, а специальным федеральным законом.

Проект Федерального закона «Об основах государственной региональной политики, порядке ее разработки и реализации» был подготовлен в 2006 г. в Министерстве регионального развития РФ. Этот документ вызывает двойственное впечатление. С одной стороны, безусловной поддержки заслуживает сам факт подготовки и принятия данного закона, который должен послужить правовой основой государственного регулирования территориального развития в России. В отличие от упомянутого президентского указа, который фактически сформулирован в жанре научной статьи, этот документ содержит более четкие и конкретные положения и статьи. В нем определены основные понятия, обозначены предмет, цели и задачи регио-

нальной политики, ее содержание, участники разработки и реализации. Особое внимание уделено вопросам организации разработки государственной региональной политики, порядку ее реализации и информационному обеспечению. В частности, в проекте закона содержатся следующие определения:

«Государственная региональная политика имеет своей целью:

– реализацию конституционно установленных принципов федеративных отношений в Российской Федерации и обеспечение целостности и неразрывности России как демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления.

К задачам государственной региональной политики относятся:

– формирование единого экономического, социального и правового пространства на всей территории Российской Федерации с учетом интересов и приоритетов регионального развития;

– создание условий для обеспечения самодостаточного, сбалансированного и устойчивого экономического и социального развития каждого региона;

– создание условий для обеспечения равного качества жизни в различных регионах Российской Федерации» [9].

Как видим, ряд целей и задач, обозначенных в Указе Президента РФ и проекте федерального закона, близки и по сути, и по формулировкам. В то же время (и, как мы покажем ниже, не случайно) в проекте закона из целей региональной политики исчезло упоминание о выравнивании условий социально-экономического развития регионов.

Безусловного одобрения и поддержки заслуживает внесение в проект данного закона положения о необходимости разработки и использования государственной системы регионального мониторинга. Автором настоящей статьи вместе с В.Н. Лексиним и А.Н. Швецовым в 1998–1999 гг., пожалуй, впервые в России был четко поставлен вопрос о необходимости и целесообразности наличия в нашей стране развитой федеральной системы регионального мониторинга [10]. Определение регионального мониторинга, формулировка его целей и задач, отраженные в проекте закона, и в идейном плане, и текстуально близки к нашим предложениям.

С другой стороны, проект данного закона весьма уязвим для критики. Отметим лишь некоторые спорные моменты и положения.

1. Формулировка главной цели государственной региональной политики лишь в контексте поддержки федеративных отношений в России сужает ее предназначение. Основные проблемы сбалансированного и эффективного территориального развития и соответствующей государственной полити-

ки по его регулированию, в общем, инвариантны форме государственного устройства страны (федеративной или унитарной). Представим гипотетическую ситуацию, что конституционным путем Россия преобразована в унитарное государство. Очевидно, что все существующие и прогнозируемые проблемы территориального развития (резкие диспаритеты в развитии регионов, поддержка региональных точек роста, формирование эффективной инфраструктуры, обеспечивающей межрегиональные взаимодействия, и т.д.) останутся и также будут требовать мер государственного управления.

2. Ни в одной из статей проекта закона даже не содержится упоминание о роли бизнеса в реализации региональной политики и о порядке взаимодействия государственных органов с бизнес-структурами. Лишь в ст. 6 говорится, что к разработке государственной региональной политики могут привлекаться иные заинтересованные органы, организации и граждане.

3. Основным (и фактически единственным) инструментом реализации региональной политики провозглашаются федеральные целевые программы регионального развития, которым посвящена едва ли ни треть всего текста данного документа. Однако существующий порядок разработки, утверждения, реализации ФЦП и объемы их финансирования не внушают уверенности в том, что такой инструмент региональной политики будет эффективным, прозрачным и в принципе действенным. В то же время в ст. 20 и 21 скупно и недостаточно четко прописаны задачи и механизмы функционирования федерального фонда регионального развития и региональных фондов содействия реализации федеральных целевых программ. Вне внимания разработчиков проекта закона остались такие важные институциональные структуры региональной политики, как агентства (корпорации) регионального (инвестиционного) развития, создаваемые в субъектах Федерации, городах и административных районах на стыке интересов власти и бизнеса (об этом говорилось выше).

4. Сроки проведения государственной региональной политики определены следующим образом: «...Государственная региональная политика оформляется в виде среднесрочных (три-пять лет) федеральных целевых программ». Установка лишь на решение текущих и среднесрочных задач явно сужает потенциал региональной политики, не предусматривается необходимая институциональная и правовая поддержка стратегических долгосрочных программ регионального развития и межрегиональных взаимодействий. Предложение о ежегодном государственном докладе, освещающем реализацию государственной региональной политики, безусловно, конструктивное, однако это не отменяет необходимости разработки другого специального документа – госу-

дарственной стратегии пространственного (территориального) развития России на долгосрочную перспективу. О включении такой пространственной стратегии в систему государственного регулирования территориального развития в проекте закона не сказано ни слова.

5. В тексте имеются нечеткие и малопонятные формулировки типа «федеральная целевая программа регионального развития должна включать... порядок межрегиональной интеграции совместно с ассоциациями экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации».

Нам представляется, что отмеченные дефекты данного проекта закона обусловлены двумя основными причинами. Первая – это отсутствие нормального правового поля для реализации главных целей и задач государственной региональной политики. Авторы проекта закона были вынуждены работать в «прокрустовом ложе» единственного Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (в редакции от 9 июля 1999 г.), который морально устарел и нуждается в серьезной модернизации. Вторая причина связана с самой идеологией новой региональной политики России, пропагандируемой Министерством регионального развития. Остановимся на этом принципиально важном вопросе более подробно.

Суть этой идеологии отражена в достаточно объемном (70 страниц) документе, получившем название «Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации». В нем достаточно детально рассмотрены проблемы социально-экономического развития российских регионов, миссия, стратегические цели, приоритеты и механизмы социально-экономического развития регионов и т.д. Наиболее сильное впечатление производят разделы концепции, посвященные социальным (демографическим, квалификационным и этнокультурным) проблемам. Прослеживаются новые подходы к формированию кластерной политики в российских регионах, управлению инновационным развитием, поощрению регионов, ориентированных на проведение реформ.

В самом начале рассматриваемого документа приводятся данные, характеризующие исключительно сильную поляризацию российских регионов и негативную тенденцию к усилению разрыва в показателях социально-экономического развития субъектов Федерации. Правда, при этом делается весьма неожиданный вывод о том, что причина разрыва в темпах роста отдельных субъектов Федерации – это «слабая связность и непродуктивность взаимодействия регионов» (с. 5), т.е. этот разрыв обусловлен не

внутренними проблемами регионов, связанными с их неэффективной и отсталой экономикой, низкой инвестиционной активностью, слабым управлением, особенностью структуры хозяйства и т.д., а внешними факторами (отсутствием связности и непродуктивностью взаимодействия с другими регионами).

Что же предлагают авторы данной концепции, для того чтобы изменить такую ситуацию в региональном развитии России, с учетом того, что одним из важнейших индикаторов продуктивности и эффективности региональной политики любого государства как раз и является способность управлять процессами по сокращению региональных диспаритетов? И вот здесь самое интересное: предлагается новая парадигма региональной политики, а именно, «поляризованное развитие» взамен политики выравнивания и государственная поддержка «регионов-локомотивов» («опорных регионов»). Не нужно быть специалистом, чтобы понять, что такая политика лишь резко усилит деление российских регионов на «богатые» и «бедные». При этом если раньше «богатые» субъекты Федерации скромно старались не афишировать свое преимущество, то теперь адепты новой концепции региональной политики предлагают узаконить их привилегированный статус вплоть до «придания данным регионам специального экономического статуса в Российской Федерации» (с. 30).

Мы не будем рассматривать все достоинства и недостатки этого документа, а постараемся высказать свою точку зрения относительно идеи поляризованного развития, формирования регионов-локомотивов и нового территориального каркаса страны, основу которого должны составить эти опорные регионы.

Внешне такая схема выглядит достаточно привлекательной для неспециалиста: ускоренное развитие регионов-локомотивов и на этой основе наращивание экономической мощи страны; превращение регионов-локомотивов в специальные «девелоперы», которые «подтянут» к себе отстающих соседей; передача другим районам отдельных производственных функций на аутсорсинг и т.д. Эта идея, конечно, целиком убедит и тех, кто озабочен лишь выполнением президентского указания об удвоении ВВП (за строчками этой концепции читается, что только поддержка регионов-локомотивов, показывающих более высокие результаты роста, и позволит решить эту жизненно важную для всех задачу). Но не удвоением единым жив человек, тем более что все мы знаем цену «лукавой цифре». Современные термины «девелопер» и «аутсорсинг», конечно, хороши, когда речь идет об управлении фирмой, но давно известно, что регион – это вовсе не «большая фабрика»,

которую можно закрыть или обанкротить. Это сложный социальный организм с живыми людьми, которые не хотят просто называться «населением» и быть заложниками той или иной модели региональной политики.

Не все умозрительные конструкции обречены на успех. Чаще всего работает железное правило «хорошо-то на бумаге, да забыли про овраги...». И об этом, похоже, забывают авторы данной концепции.

Для придания убедительности утверждениям о необходимости переориентации на концепцию «поляризованного развития» в документе подвергается жесткой критике «политика выравнивания», под флагом которой и осуществлялась якобы вся региональная политика и СССР, и современной России. Автор настоящей статьи мог бы представить гораздо более «зубодробительную» критику осуществлявшейся ранее и осуществляемой сегодня региональной политики. Но за одним лишь исключением: он никогда не назвал бы эту политику «политикой выравнивания». Да, это название официально и неофициально употреблялось, но оно не имело ничего общего с настоящей политикой выравнивания (политикой сокращения региональных диспропорций), в которой используются совсем другие механизмы, а не просто идет «накачивание» отстающих территорий финансовыми ресурсами в ущерб другим регионам. Настоящая политика выравнивания направлена в первую очередь на стимулирование источников саморазвития, поддержку региональных точек и очагов роста, поддержку малого и среднего бизнеса, обучение кадров, она содержит специальные меры по структурной перестройке хозяйства и т.д. Все эти формы и механизмы хорошо известны.

Что же касается современной региональной политики России, то с большим основанием ее следовало бы назвать не «политикой выравнивания», а как раз политикой «квазиполяризованного развития», когда наиболее масштабная поддержка регионов идет не по линии пресловутых трансфертов отстающим территориям, а по другим, явным и скрытым, каналам таким субъектам Федерации, как Москва и Санкт-Петербург, Республика Татарстан и Республика Башкортостан. Утверждение сторонников концепции «поляризованного развития» о том, что во всем мире якобы отказались от политики регионального выравнивания, мягко говоря, не соответствует действительности. Поэтому на вопрос, заданный в ходе дискуссии на Красноярском экономическом форуме одному из идеологов этой концепции П.Г. Щедровицкому: «А как же быть с региональной политикой ЕС, которая и идеологически, и практически реализует политику “выравнивания” и сближения европейских регионов, и от этой политики никто отказывать-

ся не собирается? По общему признанию, эта политика показывала зримые результаты. Как быть с политикой, реализуемой в Германии, которая на самом деле демонстрирует пример гипертрофированной политики выравнивания западных и восточных земель ради единства германской нации? Как быть с новыми установками европейской региональной политики на реализацию “политики сплоченности” (cohesion policy), являющейся современной модификацией политики выравнивания?» – вразумительного ответа автор настоящей статьи не получил.

Сторонники концепции «регионов-локомотивов» утверждают, что не следует бояться усиления региональной дифференциации. Это, дескать, есть цена реформ и «побочный продукт» экономического роста, и опыт такой страны, как Китай, это доказывает⁵. То есть оказавшись перед извечной дилеммой экономической науки и практики «социальная справедливость или экономическая эффективность», сторонники данной концепции однозначно выбирают экономическую эффективность. И при этом одновременно готовят проект закона о государственной региональной политике, в который вписываются такие ее цели, как «реализация конституционно установленных принципов федеративных отношений в Российской Федерации и обеспечение целостности и неразрывности России как демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления».

Существует весьма обоснованная позиция, заключающаяся в том, что любая федерация не может быть признана успешной и состоявшейся, когда на ее территории одновременно существуют регионы, у которых разрыв в уровнях социально-экономического развития больше, чем у развитых стран и стран третьего мира. Одним из постулатов федерализма являются конституционное равенство субъектов федерации, поддержка более слабых территорий и обеспечение всем гражданам федерации равного доступа к социальным и экономическим благам и услугам. И при решении вопроса о том, кому помогать, руководствоваться только принципом максимума экономической эффективности – значит игнорировать принципы федерализма

---

⁵ Руководство Китая, кстати, отчетливо понимает угрозу экономической и политической безопасности страны за счет резкого усиления разрыва в уровнях развития технологически передовых южных провинций и провинций северных и восточных. Поэтому одной из наиболее важных задач там считается задача сокращения этой асимметрии, в том числе на основе сильной государственной поддержки. Например, с этой целью в северо-восточной провинции Хэйлунцзян реализуется государственная программа модернизации старопромышленной базы северо-востока Китая, показывающая очень серьезные результаты.

и демократии. Таким образом, основные принципы региональной политики, предложенные в рассматриваемой концепции, на наш взгляд, противоречат основной цели региональной политики, провозглашенной в проекте соответствующего закона. Поэтому мы считаем, что утверждение о том, что «административные и институциональные механизмы государственного управления региональным развитием во многом утратили свою эффективность, в контексте использованных инструментов *достигнут предел эффективности политики выравнивания*» (с. 18 текста концепции), просто основано на подмене понятий: вместо необходимости государственной поддержки депрессивных и отсталых регионов подразумевается реальная неэффективная практика «псевдовыравнивания» в СССР и России.

Мы не будем подробно доказывать пагубность практической реализации теории поляризованного развития и «назначения» регионов-локомотивов (опорных регионов). Самый главный аргумент «против» заключается в том, что не существует ныне и не предвидится в обозримом будущем реальных механизмов распространения позитивного эффекта от опорных регионов на другие территории, которые будут лишены государственной поддержки. Имеющиеся механизмы региональной конкуренции поставят здесь плотный заслон. И это неизбежно повлечет за собой усиление разрыва в уровнях развития территорий. Резко усилившаяся региональная конкуренция за квалифицированную рабочую силу приведет к тому, что в опорные регионы, официально признанные более «главными», чем все остальные (как при этом быть с российской Конституцией, провозглашающей равенство всех субъектов Федерации?), устремится поток квалифицированных кадров, особенно более мобильной молодежи, из других, «слаболокомотивных» регионов. Их потеря не может быть восполнена ни «аутсорсингом», ни девелоперской поддержкой, оказываемой регионами-лидерами.

Автор с трудом может себе представить цивилизованное решение вопроса о федеральном конкурсе по определению таких регионов-локомотивов, которое будет сопровождаться беспрецедентным давлением со стороны региональных лидеров.

Справедливости ради следует сказать, что в Концепции Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации отмечено, что если территория не получила статуса опорного региона, то государственная поддержка должна быть направлена в первую очередь на обеспечение населению этой территории равного доступа к бюджетным услугам, гарантирующего реализацию конституционных прав граждан. Однако,

с одной стороны, не прописаны конкретные формы и механизмы такой поддержки (в условиях отсутствия системы минимальных социальных стандартов эта проблема малоразрешима). С другой стороны, при общей ориентации региональной политики на селективную поддержку процветающих территорий, которые в силу своей развитости могут ощутить только значимые размеры федеральной поддержки, для «помощи малоимущим», похоже, останется слишком мало ресурсов.

Мы вовсе не призываем отказаться целиком от идеи государственной поддержки наиболее эффективных территорий⁶. Мы лишь возражаем против того, чтобы это было единственной доминантой государственной региональной политики, а поддержка и помощь депрессивным и отсталым регионам, да и всем остальным территориям, не победившим в борьбе за статус опорных регионов, отошли бы на второй план. Мы считаем, что в государственной поддержке нуждаются все – и «сильные», и «слабые», но конкретные формы и механизмы такой поддержки должны для них различаться. Что действительно нужно изменить – так это саму концепцию федеральной помощи, сориентировать ее на стимулирование точек роста на всех территориях и на поощрение за реальный рост экономики и реальное развитие социальной сферы. Нужно ликвидировать как «черные дыры» федеральной поддержки, так и практику, когда «бедным быть выгодно». Регионы должны поощряться за эффективную работу, и такие предложения уже формулируются в ряде инициатив губернаторов.

Другим, не менее важным проблемным моментом, общим для обоих рассматриваемых здесь документов, является сама постановка вопроса о характере региональной политики. Как отмечалось выше, государственная региональная политика России трактуется разработчиками этих документов как «политика органов государственной власти»⁷. В таком случае ее и следовало бы назвать «региональной политикой органов государственной власти Российской Федерации». Таковой, по сути, она сегодня и яв-

---

⁶ Такая поддержка может оказываться неформальным регионам-локомотивам в рамках других направлений государственной политики (например, в рамках реализации инновационной политики).

⁷ См. статью 3 проекта закона: «Предметом настоящего Федерального закона являются правоотношения органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, возникающие по поводу организации разработки и реализации государственной региональной политики».

ляется. В этом контексте можно говорить о региональной политике в «узком смысле».

Если же иметь в виду *региональную политику Российской государственности*, то в ее орбиту, безусловно, должны быть на равных основаниях включены и бизнес, который создает материальные условия для регионального развития, и институты гражданского общества, представляющие интересы различных слоев населения. При подобном подходе «узкая» региональная политика трансформируется в региональную политику «в широком смысле». Именно она будет непосредственно отражать интересы населения различных регионов (а не только интересы власти), именно такую политику можно будет рассматривать как наиболее эффективную региональную проекцию принципов государственно-частного партнерства. Но игнорировать бизнес и население в этом процессе – значит целиком находиться на платформе госплановской модели территориального планирования и управления, не учитывающей современные экономические и политические реалии.

В данной статье мы не имели возможности рассмотреть все аспекты реформирования федерализма и региональной политики в России в последние годы. Повторяем, что наряду с явным прогрессом здесь есть также большие упущения и неиспользованные возможности. До сих пор слабо внедряются эффективные формы и механизмы межправительственных отношений (отношений различных уровней власти), построенных на принципах партнерства и баланса интересов, а не соподчинения. Как нам представляется, недостаточно активен Совет Федерации в отстаивании интересов регионов и в инициировании новых форм и методов регионального развития. К сожалению, не принята практика цивилизованного рассмотрения спорных вопросов, возникающих между федеральным центром и субъектами Федерации, между самими субъектами Федерации, в Конституционном суде, сам факт обращения в этот орган рассматривается как чрезвычайная ситуация. Большие резервы заложены в совершенствовании форм и механизмов межрегиональной интеграции и в реализации различных межрегиональных программ.

В то же время само появление новых программных документов региональной политики, законодательных инициатив, дискуссионных материалов, нетрадиционных точек зрения ученых и специалистов внушает оптимизм. Наибольший интерес вызывает доклад «О механизме взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти при разработке программ комплексного социально-экономического развития ре-

гионов», подготовленный для Госсовета Российской Федерации рабочей группой по вопросам комплексного социально-экономического планирования развития регионов под руководством А.Г. Хлопонина. Мы весьма высоко оцениваем данный документ и солидарны с большинством его позиций (он заслуживает особого рассмотрения, но его анализ выходит за рамки настоящей статьи).

Как нам представляется, сегодня преодолена «эпоха застоя» в региональной политике России, которая в существенной мере была предопределена сложной политической и экономической обстановкой 90-х годов. Так что мы будем свидетелями еще многих сильных новаций в сфере федерализма и региональной политики, которых наша страна, безусловно, заслуживает.

Литература

1. **Клисторин В.И., Селиверстов В.Е.** Трансформация федерализма и региональной политики в России на рубеже веков // Регион: экономика и социология. – 2002. – № 3.
2. **Селиверстов В.Е.** Федерализм и региональная политика в России в условиях укрепления вертикали власти // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 1.
3. **Лексин В.Н., Лексин И.В., Чучелина Н.Н.** Административная реформа в Российской Федерации: нормативная база, проблемы реализации, рекомендации. (Рабочие материалы проекта Тасис «Институциональный, правовой и экономический федерализм в Российской Федерации»).
4. **Федерализм:** теория, институты, отношения. – М.: Юристь, 2001.
5. **Аналитическая** записка по итогам первого года работы проекта Тасис «Институциональный, правовой и экономический федерализм в Российской Федерации». – Arcadi BMB / GOPA / VNG International / ILPP. – С. 17–18.
6. **Стратегии** и программы развития регионов: сравнительный анализ. – М., 2006.
7. **Кулешов В.В., Селиверстов В.Е.** Стратегические цели и потенциал развития Новосибирской области // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3.
8. **Кулешов В.В., Селиверстов В.Е.** Стратегия социально-экономического развития Сибири: институциональные условия и механизмы реализации // Экономика региона. – 2005. – № 4.
9. <http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?DocID=179&PageID=148>.
10. **Лексин В.Н., Селиверстов В.Е., Швецов А.Н.** О формировании государственной системы мониторинга социально-экономической, национально-этнической и политической ситуации в регионах Российской Федерации // Региональная политика, направленная на сокращение социально-экономической и правовой асимметрии. – Москва; Новосибирск: Экор; Сибирское соглашение, 2000.

© Селиверстов В.Е., 2006

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОКРУГА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Ю.С. Ершов, Н.М. Ибрагимов, Л.В. Мельникова

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 05-02-02001)*

Итоги развития экономики России за предшествующие пять лет в части динамики важнейших макропоказателей заметно превзошли те ожидаемые результаты, которые прогнозировались в самом начале периода Министерством экономического развития и торговли РФ и независимыми экспертами. Сложившиеся тенденции с большой вероятностью свидетельствуют о том, что по важнейшему результирующему показателю – используемому на нужды потребления и накопления валовому внутреннему продукту задача удвоения за десятилетний период будет перевыполнена. Вместе с тем вполне реалистичное в условиях сложившейся и ожидаемой в ближайшей перспективе благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры удвоение произведенного ВВП при сохранении существующей политики правительства по изъятию из экономического оборота, т.е. неиспользованию на нужды потребления и накопления, значительной части «сверхдоходов» от экспорта вряд ли будет достигнуто.

Среднегодовые темпы роста ВВП за период 2001–2005 гг. составили 106,1%, промышленного производства – 105,1, сельскохозяйственного – 103,1%. За этот же период показатели роста реальных денежных доходов населения составили 111,0%, розничного товарооборота – 110,7, инвестиций в основной капитал – 109,3%.

Аналогичные соотношения продолжают сохраняться и в текущем, 2006-м, году: при росте ВВП, превысившем 106%, рост промышленного производства по сравнению с первым полугодием 2005 г. составил 104,4%, сельскохозяйственного – 101,4%, в то время как реальные денежные дохо-

ды населения увеличились на 11,1%, розничный товарооборот – на 11,3, инвестиции в основной капитал – на 9,4%.

Сложившиеся тенденции развития экономики России обусловили уменьшение дифференциации темпов экономического роста при сопоставлении их в разрезе крупных регионов, в частности федеральных округов. Так, за период 2001–2004 гг. (за 2005 г. пока не опубликованы даже предварительные данные) отклонения среднегодовых темпов роста валового регионального продукта федеральных округов от среднероссийских показателей не превышали 1 п.п., а различие между максимальными и минимальными темпами роста за эти четыре года составили всего 1,7 п.п. Наиболее высокими темпами за этот период прирастал ВРП в Северо-Западном (107,3%), Южном (107,1%), Уральском (107%) и Центральном (106,9%) федеральных округах. В Сибирском федеральном округе темп роста ВРП практически совпал со среднероссийским (106,6%), а замыкающими по динамике этого макропоказателя оказались Приволжский и Дальневосточный федеральные округа (по 105,6%).

На сравнительные показатели развития региональных экономик существенное влияние оказывает территориальное распределение доходов всех субъектов экономической деятельности, т.е. территориальная структура валового регионального продукта. Институциональные изменения, имевшие место почти все годы рыночных реформ, привели, в частности, к утрате восточными регионами России преимуществ, которые у них были в прошлом в части уровня денежных доходов населения, темпов роста производства и капитальных вложений. Территориальная структура ВРП в период до 2004 г. практически монотонно изменялась не в пользу Востока России и самого крупного в плане масштабов промышленного производства Приволжского федерального округа (табл. 1). Главной причиной этого процесса стал возникший за годы реформ большой разрыв между ценами производителей (основными ценами) и ценами потребления, обусловивший быстрый рост торгово-посреднической наценки в отраслевой структуре валового продукта и, соответственно, концентрацию доходов у субъектов, осуществляющих торгово-посредническую деятельность, в том числе у головных контор крупных корпораций, сосредоточенных преимущественно в Москве. В условиях, когда в структуре конечного потребления более половины приходится на нетранспортабельные товары и услуги, изменения в территориальной структуре доходов (а значит, и расходов) обуславливали в последующем и соответствующую межрегиональную дифференциацию индексов физического объема ВРП.

Таблица 1

**Территориальная структура ВРП России в 2000–2004 гг.
(в фактических ценах), %**

Федеральный округ	2000	2001	2002	2003	2004
Центральный	33,00	32,32	33,81	34,01	31,51
Северо-Западный	9,82	9,71	9,99	9,96	10,14
Южный	7,61	7,93	7,85	7,77	7,46
Приволжский	18,08	18,03	17,05	16,96	16,59
Уральский	15,06	15,60	15,13	15,34	17,96
Сибирский	11,40	11,31	11,10	10,93	11,64
Дальневосточный	5,03	5,10	5,07	5,02	4,70

2004 г., возможно, окажется переломным в плане изменения территориальной структуры ВРП. Частичный поворот в пользу товаропроизводителей произошел вследствие больших различий в темпах роста общего уровня цен и цен производителей (основных цен). Так, если на потребительском рынке средний уровень цен вырос на 11–12%, то цены производителей в промышленности увеличились за этот год более чем на 28%. Больше всего поднялись основные цены на продукцию нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, газовой, угольной промышленности и черной металлургии (соответственно на 65, 49, 89, 51 и 66%). В результате в суммарной добавленной стоимости промышленности доля топливных отраслей в 2004 г. возросла до 32,0% (по сравнению с 29,4% в 2003 г.), черной металлургии – до 9,2% (против 7,4%), доля всех остальных отраслей уменьшилась, и особенно заметно сократилась доля машиностроения (с 16,9 до 15,6%), несмотря на то что эта отрасль имела в 2004 г. самый большой индекс роста физического объема выпуска (110,2%). Этот фактор стал одним из главных в объяснении причин резкого уменьшения в суммарном ВРП доли Центрального федерального округа (точнее, Москвы, несмотря на повышенный темп роста ВРП в физическом выражении) и увеличения долей Северо-Западного, Сибирского и особенно Уральского федеральных округов. На экономику Дальнего Востока ценовой фактор не мог оказать положительного воздействия. Рост цен на продукцию главных отраслей специализации этого региона – цветной металлургии, лесной и пищевой промышленности – оказался небольшим (соответственно 14, 11 и 11%), а доля топливной промышленности в суммар-

ном выпуске здесь относительно невелика. Вполне вероятно, что произошедшие в 2004 г. изменения территориальной структуры ВРП продолжились и в 2005 г., по крайней мере цены производителей в топливной промышленности возросли за этот год на 35%.

Одна из характерных особенностей последних лет состоит в том, что межрегиональные различия в темпах экономического роста почти не были связаны с различиями в темпах увеличения инвестиций в основной капитал. Так, из всех округов с повышенными темпами роста ВРП лишь Северо-Западный отличается заметно превышающими среднероссийские темпами роста инвестиций (за период 2001–2005 гг. 115,5% против 109,3% в целом по стране). Напротив, один из аутсайдеров по среднегодовым темпам роста ВРП – Дальневосточный федеральный округ имел за этот же период самые высокие среднегодовые темпы роста инвестиций – 116,9%. Повышенными темпами роста этого показателя отличался и Сибирский федеральный округ – 111,8%. Во всех остальных округах темпы роста инвестиций были ниже среднероссийских, в том числе и в Южном округе – регионе с относительно высокими темпами роста ВРП (здесь среднегодовые темпы роста инвестиций за рассматриваемые пять лет составили всего 101,8%).

Другая важная особенность в изменении территориальной структуры инвестиций – очень быстрое снижение доли Уральского федерального округа (точнее, Тюменской области). Среднегодовые темпы роста инвестиций в этом регионе составили за пятилетие всего 104%, а в 2004–2005 гг. даже были отрицательными. В результате в 2005 г. впервые за многолетнюю историю доля округа в суммарных инвестициях России оказалась меньше его доли в суммарном ВРП (табл. 2), – упомянутый выше ценовой фактор привел в этом округе к увеличению разрыва между результатами производства и затратами.

Противоречия между темпами роста ВРП и темпами роста инвестиций в основной капитал объясняются спецификой современного этапа развития экономики России. Во-первых, это наличие значительных резервов производственных мощностей, особенно пассивной части основных фондов, что обеспечивает возможность увеличения выпуска во многих отраслях лишь вследствие увеличения спроса, без нового строительства и реконструкции. Во-вторых, это благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, позволяющая даже при низких темпах роста физического объема экспорта увеличивать импорт темпами, существенно опережающими рост выпуска отечественной продукции, что само по себе обеспечивает рост валового внутреннего продукта за счет торгово-посреднической и транспортной

Таблица 2

**Территориальная структура инвестиций в основной капитал в 2000–2005 гг.
(в фактических ценах), %**

Федеральный округ	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Центральный	26,08	23,21	24,73	25,76	26,64	26,31
Северо-Западный	10,01	11,17	11,30	13,04	12,79	13,66
Южный	11,58	11,14	10,54	9,70	9,31	9,07
Приволжский	17,75	17,80	16,71	16,04	16,61	16,85
Уральский	21,52	22,00	21,75	20,40	18,91	17,36
Сибирский	8,47	8,98	8,52	8,86	9,18	9,87
Дальневосточный	4,60	5,70	6,46	6,21	6,57	6,87

наценок на импортные товары, и этот способ увеличения выпуска также не требует существенных капитальных затрат.

Сложившиеся в последние годы различия в индексах физического объема экспорта и импорта (за 2003–2005 гг. экспорт вырос на 34%, в то время как импорт – на 68%; в 2006 г. темпы роста импорта возросли еще более: за первое полугодие он увеличился в физическом выражении на 28%, что более чем в 5 раз превышает прирост предложения отечественных товаров; экспорт в этот же период увеличился в физическом выражении лишь на 3–4%) имеют место в условиях все более увеличивающегося положительного сальдо экспорта и импорта в текущих внешнеторговых ценах (только за восемь месяцев 2006 г. оно составило 100 млрд долл. США и по итогам года может достигнуть величины около 150 млрд долл.). Столь большие различия между экспортом и импортом обусловили положительное сальдо внешнеторгового товарооборота для всех федеральных округов, несмотря на то что статистическая регистрация экспорта и импорта осуществляется очень часто не по месту производства (потребления) экспортируемого (импортируемого) товара, а по месту расположения (регистрации) формального экспортера (импортера) – собственника продукции, участвующей во внешнеторговом обороте, и, соответственно, получателя внешнеторговой наценки. В результате более 40% экспорта и более 50% импорта России приходится на Центральный федеральный округ, в то время как на производителя товаров, обеспечивающих более половины экспортной выруч-

ки, – Уральский федеральный округ формально приходится менее 18% российского экспорта.

Возможность обеспечения высоких темпов увеличения импорта – это лишь одна из причин повышенных темпов роста ВВП на современном этапе развития российской экономики. Другой, не менее важной, причиной является относительная легкость увеличения рублевой денежной массы – необходимого условия роста внутреннего платежеспособного спроса, происходящего вследствие превышения покупок иностранной валюты Центральным банком над продажами. Значительное превышение экспорта над импортом во всех федеральных округах обеспечивает более или менее равномерное распределение дополнительной денежной массы по округам (территориальная структура экспорта не намного отличается от территориальной структуры суммарного ВВП, лишь у Южного федерального округа очень низкая доля в российском экспорте – около 3%), что является одним из факторов выравнивания региональных темпов роста ВВП в условиях, когда на нетранспортабельные товары и услуги приходится более половины потребления.

Однако этот фактор наряду с другими, сглаживающими межрегиональные различия в темпах роста производства (поддержка региональных бюджетов за счет средств федерального, а также прямое финансирование из федерального бюджета), не может оказать столь же сильного влияния на сближение темпов роста промышленного производства в целом. Поэтому межрегиональная дифференциация темпов роста промышленного производства за последние пять лет была намного более выразительной. Очень высокими среднегодовыми темпами развивалась промышленность Центрального и Северо-Западного федеральных округов (111,3 и 109,8% соответственно), повышенными темпами росло промышленное производство в Южном, Уральском и Сибирском округах (соответственно 108,2, 106,7 и 105,4%), пониженными – в Приволжском (104,8%) и особенно в Дальневосточном (102,2%). Средний по России темп роста составлял 105,1%.

На территориальную структуру промышленного производства (табл. 3) оказали существенное влияние как различия в индексах роста физического объема, так и ценовой фактор, причем иногда они действовали в одном направлении, приводя к росту или снижению доли соответствующего федерального округа в суммарном промышленном производстве (с одной стороны, это Приволжский и Дальневосточный округа, с другой – Уральский).

Территориальная структура сельскохозяйственного производства (табл. 4) более консервативна. Как и на изменение структуры промышлен-

Таблица 3

**Территориальная структура промышленного производства в 2000–2005 гг.
(в фактических ценах), %**

Федеральный округ	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Центральный	19,90	21,52	22,73	22,39	21,41	23,89
Северо-Западный	11,71	11,68	11,85	12,30	12,30	11,16
Южный	5,89	6,24	6,11	6,21	5,87	6,31
Приволжский	24,15	23,59	23,00	22,66	22,74	20,11
Уральский	19,38	19,07	19,29	19,47	21,15	22,42
Сибирский	13,28	12,38	11,85	12,12	12,32	12,81
Дальневосточный	5,69	5,51	5,18	4,85	4,21	3,29

Примечание. Территориальная структура промышленного производства, рассчитанная для 2005 г., не полностью сопоставима со структурой в предшествующие годы в связи с переходом на новый классификатор (ОКВЭД). В частности, существенное сокращение долей Северо-Западного и особенно Дальневосточного федеральных округов отчасти объясняется исключением из состава промышленности рыболовства.

Таблица 4

**Территориальная структура сельскохозяйственного производства в 2000–2005 гг.
(в фактических ценах), %**

Федеральный округ	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Центральный	23,08	21,99	22,69	22,77	21,73	21,78
Северо-Западный	6,23	5,98	6,30	5,94	5,74	5,80
Южный	18,33	19,23	19,51	19,93	21,88	21,33
Приволжский	26,51	26,75	26,09	25,79	25,70	25,58
Уральский	6,34	6,58	6,45	6,59	6,33	7,30
Сибирский	16,16	16,02	15,43	15,54	14,96	14,26
Дальневосточный	3,35	3,46	3,54	3,44	3,67	3,95

ного производства, на нее оказывают влияние не только различия в индексах роста физического объема выпуска, но и ценовой фактор – межрегиональная дифференциация индексов роста цен. К наиболее заметным изменениям следует отнести прежде всего существенное увеличение доли Южного федерального округа, обусловленное очень высокими среднегодовы-

ми темпами роста выпуска (107,3% за период 2001–2005 гг.). Из других регионов повышенные темпы роста имел лишь Уральский федеральный округ (103,6%), в остальных округах темпы роста были ниже средних по стране (Центральный – 101,7%, Приволжский – 102,8, Сибирский – 101,3, Дальневосточный – 102,6, Северо-Западный – 99,6%).

Ценовой фактор на территориальную структуру сельского хозяйства существенно не повлиял. Лишь в Дальневосточном округе он сумел противодействовать влиянию пониженных индексов роста физического объема.

Различия в темпах роста ВРП не оказали адекватного воздействия на территориальную структуру денежных доходов населения. В течение предыдущего пятилетия она оставалась относительно стабильной. Характерный для 90-х годов этап концентрации денежных доходов в российской столице и, соответственно, в Центральном федеральном округе, по-видимому, завершен, тенденция сменилась на противоположную. В 2005 г. у всех остальных регионов, кроме Уральского федерального округа, доля в суммарных денежных доходах оказалась выше, чем в 2000 г. Наиболее устойчивой закономерностью было почти монотонное повышение доли Южного округа, но он по-прежнему остается регионом с самыми низкими душевыми показателями денежных доходов (в 1,5 раза ниже среднероссийских).

На территориальную структуру денежных доходов (табл. 5) очень сильное влияние оказывает «столичный» фактор, являющийся главной причиной высоких показателей Центрального федерального округа, где проживает 26,17% населения России (по состоянию на 1 января 2006 г.). В результате в подавляющем большинстве субъектов Федерации (в том

Таблица 5

Территориальная структура денежных доходов населения в 2000–2005 гг., %						
Федеральный округ	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Центральный	38,16	36,90	36,26	36,76	37,21	36,55
Северо-Западный	9,96	9,81	9,86	10,11	10,21	10,35
Южный	9,05	9,35	9,74	9,70	9,83	10,18
Приволжский	16,30	16,40	16,62	16,36	16,17	16,42
Уральский	10,11	10,70	10,41	10,16	9,96	10,01
Сибирский	11,51	11,75	11,90	11,70	11,47	11,55
Дальневосточный	4,99	5,05	5,17	5,19	5,11	5,06

числе во всех остальных регионах Центрального округа) как номинальные, так и, особенно, реальные душевые денежные доходы оказываются ниже среднероссийских.

Вместе с тем следует отметить определенные позитивные сдвиги в распределении денежных доходов, обеспечивающие хотя и очень медленное, но уменьшение межрегиональной дифференциации душевых показателей. В большинстве федеральных округов душевые денежные доходы росли повышенными темпами. Северо-Западный, Приволжский, Сибирский и Дальневосточный округа увеличили свои доли в суммарных денежных доходах, несмотря на то что за последние годы их доли в общем населении страны уменьшились.

Достаточно странным выглядит положение Уральского федерального округа: очень быстрое увеличение его доли в суммарном ВРП не привело к повышению доли региона не только в инвестициях, но и в суммарных денежных доходах. Основная причина заключается в особенностях взаимодействия округа (фактически – Тюменской области) с бюджетной системой России: на него в 2005 г. приходилось 33% всех распределенных по регионам поступлений в бюджетную систему (более 1,5 трлн руб.), в том числе 43% (более 1 трлн руб.) всех поступлений из регионов в федеральный бюджет (при отсутствии адекватных встречных финансовых потоков). Для сравнения: самый крупный по абсолютному показателю ВРП федеральный округ – Центральный – направил в бюджетную систему лишь 1,2 трлн руб. (в том числе в федеральный бюджет – 0,5 трлн руб.).

На территориальную структуру денежных доходов заметное влияние оказывает многообразие их источников, прежде всего в плане деления на «трудовые» и «нетрудовые» доходы. В частности, территориальная структура фонда оплаты труда наемных работников заметно отличается от территориальной структуры всех денежных доходов: на Центральный федеральный округ из него приходится лишь 28,4% (в среднем за период 2000–2005 гг.), в то время как на Уральский, Сибирский и Дальневосточный – соответственно 14,1, 13,2 и 6,9%. Территориальная структура социальных выплат (пенсий, пособий, стипендий) достаточно близка к территориальной структуре населения. Совсем иным выглядит распределение доходов от собственности (дивидендов, процентов, доходов от ценных бумаг и т.п.). Здесь Центральному округу принадлежит 53% всех доходов, в то время как, например, Южному – 4,4%, а Дальневосточному – всего 2,8%. Таким образом, на территориальную структуру денежных доходов и их динамику – важнейший фактор роста платежеспособного спроса на региональных рынках и, соот-

ветственно, роста валового регионального продукта – существенное влияние оказывает не только межотраслевая (межпрофессиональная) дифференциация оплаты труда, но и характер распределения совокупных доходов по критерию трудового вклада и иным критериям. К сожалению, хорошую оценку такого распределения дать невозможно, поскольку значительная часть регистрируемых статистикой доходов является смешанной (например, в предпринимательском доходе объединены и трудовой доход предпринимателя, и доход, полученный им на правах собственника).

Одним из важнейших показателей межрегиональной дифференциации уровня жизни является территориальная структура розничного товарооборота. Данные, приведенные в табл. 6, также свидетельствуют об уменьшении межрегиональных различий в уровнях потребления населения, а также об уменьшении межрегиональной дифференциации в степени насыщенности региональных рынков (доли покупок за пределами территории постоянного проживания в общих покупках товаров), – такой вывод является следствием сопоставления территориальных структур товарооборота и денежных доходов.

Изменение территориальной структуры розничного товарооборота в гораздо большей степени связано с динамикой физических объемов. За период 2001–2005 гг. в суммарном товарообороте возросла доля регионов с повышенными среднегодовыми индексами физического объема (Южный федеральный округ – 113,8%, Приволжский – 111,7, Уральский – 116,8, Сибирский – 113%) и уменьшилась доля регионов с пониженными среднегодовыми индексами (Центральный – 108,3%, Северо-Западный – 110,3,

Таблица 6

Территориальная структура розничного товарооборота в 2000–2005 гг., %						
Федеральный округ	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Центральный	42,32	41,76	40,39	39,19	38,63	37,37
Северо-Западный	9,04	9,25	9,27	9,08	8,99	8,87
Южный	9,83	9,93	10,40	10,74	11,05	11,49
Приволжский	16,47	16,36	16,47	16,68	16,81	17,08
Уральский	7,23	7,55	7,93	8,42	8,71	9,36
Сибирский	10,95	11,07	11,41	11,68	11,67	11,75
Дальневосточный	4,15	4,08	4,12	4,22	4,14	4,09

Дальневосточный – 110,7%). В среднем по России среднегодовой индекс роста товарооборота за 2001–2005 гг. составил 110,7%. Таким образом, влияние ценового фактора – межрегиональных различий в темпах роста потребительских цен на изменение территориальной структуры было минимальным. Наиболее заметной особенностью изменения территориальной структуры стало существенное понижение доли Центрального федерального округа (фактически – Москвы), которая в предшествующее десятилетие, напротив, очень быстро возрастала (в 1990 г. доля Центрального округа составляла всего 29%). По-видимому, доля столицы в суммарном розничном товарообороте страны будет снижаться и впредь, что будет способствовать также сокращению межрегиональной дифференциации душевых показателей ВРП, поскольку розничная торговля является одной из самых крупных отраслей экономики, а ее доля при современных соотношениях между темпами роста отечественного производства товаров и темпами роста розничного товарооборота в ближайшие годы будет возрастать.

Таким образом, можно констатировать преимущественно позитивный характер тех перемен в экономике и социальной сфере, которые отчасти уменьшают деформации в территориальной структуре, происходившие в 90-х годах. Но если оценивать перспективы развития народного хозяйства, то необходимо отметить главное слабое звено – исчерпаемость тех факторов экономического роста, которые и обусловили его высокие темпы в последние шесть лет и которые сохраняют свое влияние на ближайшие годы. Даже если в ближайшие годы внешнеэкономическая конъюнктура в части цен на энергоносители стабилизируется или немного ухудшится, наличные резервы, а именно, большое положительное сальдо внешнеторгового оборота и накопленные валютные резервы, позволяют, по крайней мере, на среднесрочную перспективу обеспечить сравнительно высокие темпы роста ВВП и особенно показателей потребления, в том числе реальных денежных доходов населения, розничного товарооборота и платных услуг.

В целом в текущем пятилетии ожидается сохранение тех особенностей развития российской экономики, которые имели место в последние годы: показатели потребления будут расти более высокими темпами, чем показатели производства. Но с течением времени различия между темпами роста производства и темпами роста потребления будут сокращаться. Такие соотношения заложены и в прогнозах Минэкономразвития России на среднесрочную перспективу, и в расчетах по межотраслевым моделям, проведенным в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН.

Оценка перспектив развития экономики федеральных округов на ближайшие годы позволяет ожидать дальнейшего сокращения межрегиональных различий в темпах роста показателей производства и потребления, в том числе и вследствие реализации приоритетных национальных программ, которые в равной мере затрагивают экономику и социальную сферу всех федеральных округов и за счет расширения возможностей федеральных органов власти в части влияния на экономику страны в направлении уменьшения этих различий (доходы федерального бюджета в последние годы растут более высокими темпами, чем валовой внутренний продукт).

Выполненные в ИЭОПП СО РАН расчеты по оценке темпов роста валового регионального продукта на период до 2010 г. показывают дальнейшее сокращение межрегиональных различий в темпах экономического роста (табл. 7). Темпы роста потребления, как и в предшествующем пятилетии, будут заметно опережать темпы роста производства (реальные доходы населения, розничный товарооборот будут прирастать ежегодно в среднем на 8–10%). Напротив, межрегиональные различия в темпах роста инвестиций останутся достаточно большими. Регионами – лидерами по этому показателю останутся Северо-Западный, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, что будет одним из факторов их более динамичного развития в дальнейшем, после 2010 г.

За пределами 2010 г. развитие экономики России все в большей степени будет определяться динамикой «классических» факторов производства:

Таблица 7

Среднегодовые прогнозные темпы роста ВРП и инвестиций в основной капитал на период 2006–2010 гг., %

Федеральный округ	Валовой региональный продукт	Инвестиции в основной капитал
<i>Россия</i>	<i>105,9–106,7</i>	<i>107,9–109,3</i>
Центральный	105,6–106,5	106,0–107,9
Северо-Западный	106,2–107,0	112,0–113,4
Южный	106,4–107,1	104,9–106,1
Приволжский	105,9–106,8	107,2–108,9
Уральский	106,1–107,0	105,6–106,4
Сибирский	106,2–106,7	110,8–112,2
Дальневосточный	105,1–105,9	113,1–114,0

наличным производственным аппаратом, количеством и качеством рабочей силы. В настоящее время, несмотря на сравнительно высокие темпы роста инвестиций в основной капитал, их роль в расширении и модернизации основных производственных фондов остается пока (в целом для экономики) малозначительной. Степень износа основных фондов продолжает увеличиваться, и сам их объем в физическом выражении, по данным Федеральной службы государственной статистики, растет символическими темпами – около 0,5% в год.

В 2003–2006 гг. в ИЭОПП СО РАН в рамках сотрудничества с СОПС, Министерством транспорта РФ и Министерством экономического развития и торговли РФ проведена серия прогнозных расчетов для оценки долгосрочных перспектив развития экономики России в территориальном разрезе (на периоды до 2010, 2015, 2020 гг.). Наиболее вероятным, реалистичным сценарием при условии сохранения основных черт современной рыночной модели российской экономики неизменными признается сценарий с постепенно понижающимися, но остающимися относительно высокими (по сравнению со среднемировыми показателями и особенно с показателями наиболее развитых стран) темпами роста валового внутреннего продукта. На понижение в перспективе темпов экономического роста будут влиять весьма существенные факторы, среди которых следует выделить прежде всего исчерпание наличных резервов производственных мощностей, небольшую вероятность дальнейшего быстрого роста мировых цен на главные экспортные товары России, невозможность увеличения добычи энергоресурсов столь высокими темпами, как это было в предшествующие годы, ухудшение демографической ситуации (абсолютное снижение численности трудовых ресурсов, увеличение коэффициента демографической нагрузки).

Важнейшими предпосылками реализации сценария относительно высоких темпов роста ВВП на долгосрочную перспективу (до 2020 года) являются следующие:

- сохранение благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Вероятность этого, по оценкам большинства экспертов, за последние годы стала очень большой, и даже в правительственных оценках на ближайшие годы используется такая предпосылка);
- постепенное сокращение положительного сальдо торгового баланса, использование все большей части валютной выручки на нужды национальной экономики, переход от политики накопления Стабилизационного фонда к его использованию на эти же цели.

Приведенные ниже прогнозные оценки даны в двух вариантах – так называемом «базовом» и «оптимистическом», хотя оба они по критерию удержания на протяжении столь длительного периода повышенных среднегодовых темпов экономического роста относятся к классу оптимистических. Главное их различие заключается в том, что «оптимистический» вариант основан на предпосылках, обеспечивающих стабильно высокие темпы как в среднесрочной перспективе, так и в дальнейшем, в то время как «базовый» предполагает небольшое постепенное сокращение погодных темпов роста. Одна из важнейших предпосылок реализации «оптимистического» варианта – постепенное повышение склонности к инвестициям в реальный сектор экономики как следствие значительного снижения темпов роста среднего уровня цен и, соответственно, ставок процента на российском денежном рынке. Если в расчетах по «базовому» варианту доля инвестиций в ВВП страны к 2020 г. достигает 25%, то для реализации «оптимистического» варианта требуется довести этот показатель к концу периода до 30%.

Как видно из табл. 8, те народно-хозяйственные предпосылки, которые были заложены при разработке вариантов прогноза, не обеспечивают вос-

Таблица 8

Среднегодовые темпы роста основных показателей развития экономики России и ее восточных регионов на период 2006–2020 гг., %

Показатель	Россия	Сибирский федеральный округ	Дальневосточный федеральный округ
Валовой региональный продукт	105,4–106,7	105,6–106,8	105,3–106,2
Конечное потребление	106,0–107,4	106,3–107,7	106,2–107,7
Инвестиции в основной капитал	107,8–110,6	109,6–112,6	109,3–111,1
Промышленность	103,1–104,7	102,8–104,0	102,4–103,1
Строительство	106,3–108,1	108,3–110,5	107,9–109,1
Сельское хозяйство	102,0–102,9	101,9–102,1	101,8–103,0
Транспорт и связь	106,5–107,8	106,9–108,2	105,7–106,9
Торговля и обществ. питание	106,1–107,4	107,0–108,2	106,7–107,8
ЖКХ и бытовое обслуживание	104,1–105,5	103,5–104,9	103,8–105,1
Здравоохранение, образование	105,9–107,4	105,4–106,9	105,3–106,7
Управление, финансы	105,9–107,3	106,8–108,2	104,4–105,7

точным регионам России каких-либо заметных приоритетов в развитии по сравнению с совокупностью остальных регионов. Удельный вес Сибирского федерального округа в суммарном ВРП хотя и возрастает, но почти символически. Дальневосточный федеральный округ остается аутсайдером по темпам экономического роста в среднем за 15-летний период, хотя сопоставление показателей среднесрочного и долгосрочного прогнозов показывает, что с течением времени разрыв в темпах экономического роста не в пользу Дальнего Востока должен сокращаться так, что к концу периода темпы роста ВРП в регионе могут даже немного превысить среднероссийские.

На экономику отдельных регионов страны существенное воздействие будет оказывать изменение отраслевой структуры промышленного производства. Во всех известных прогнозах, в том числе и правительственных, предполагается заметное снижение в суммарном производстве доли сырьевых и топливных подотраслей как просто вследствие невозможности увеличения добычи высокими темпами, так и в силу целесообразности изменения структуры промышленного производства в прогрессивном направлении. Так, при среднегодовых темпах роста промышленности по двум вариантам прогноза на уровне 103,1–104,7% по топливной промышленности оценка составляет 100,5–101,5%, по нетопливым добывающим отраслям – 102–103%, в то время как по машиностроению она достигает 105,4–108,5%. Восточные регионы страны в силу известных естественных причин не являются приоритетными в плане развития существующих или создания новых машиностроительных предприятий.

Таким образом, «естественный» ход экономического развития, без серьезных изменений в государственной экономической политике не обещает заметных позитивных изменений в экономическом положении Сибирского и Дальневосточного федеральных округов относительно других регионов страны. Обоим восточным регионам для обеспечения прогнозных показателей требуются серьезные внешние источники финансирования. Особенно велика значимость внешнего инвестирования для Дальнего Востока: чтобы реализовать приведенные выше варианты прогноза, необходимо увеличение доли инвестиций в ВРП региона к 2020 г. до 36–40%, и если рассчитывать лишь на внутренние источники финансирования, такие показатели инвестиционной активности не могут быть достигнуты. Еще одна из специфических черт будущего развития как Дальнего Востока, так и, особенно, Сибири – это то, что крупномасштабные инвестиционные проекты развития топливных отраслей, энергетики, цветной металлургии могут не дать адекватного ожидаемому толчка в развитии всей осталь-

ной экономики Востока России, если значительная часть доходов от реализации этих проектов будет уводиться через головные конторы компаний-инвесторов за пределы данных регионов, поскольку такие производства не являются трудоемкими (не обеспечат большого числа высокозарплатных рабочих мест) и относительно слабо сопряжены с остальной частью экономики этих регионов как на стадии реализации проектов, так и при последующем функционировании новых предприятий, и в этом случае регистрация доходов за пределами регионов не позволит рассчитывать и на радикальное изменение доходной части бюджетов сибирских и дальневосточных субъектов Федерации. В этой связи приоритетными по критерию воздействия на местную экономику являются, безусловно, транспортные проекты.

© Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В., 2006

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: УСЛОВИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Н.Н. Михеева

В условиях роста российской экономики Дальний Восток прочно занял позицию все более отстающей окраины, что особенно заметно на фоне экономического роста в других регионах страны. Подъем производства на Дальнем Востоке, как и в большинстве российских регионов, начался в 1999 г., однако его темпы здесь оставались более низкими, чем на других территориях. Среднегодовые темпы прироста ВРП и промышленного производства в 2000–2003 гг. были заметно ниже среднероссийских и почти в 2,5 раза ниже, чем в быстро развивающихся Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Кардинальных изменений в экономической ситуации не произошло и в последующие годы.

Переход к стратегии поляризованного роста, который становится преобладающей тенденцией в региональной политике последнего времени, вероятнее всего, обострит проблемы Дальнего Востока, поскольку реальные шансы стать «локомотивом роста» у этого региона очень невелики.

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Экономическая ситуация на Дальнем Востоке определяется преимущественно общенациональными факторами, поэтому тренды экономической динамики в данном регионе примерно соответствуют общенациональным, но подъем оказывается меньшим, чем в среднем по стране, а спад – большим. В 1999–2004 гг. общие тенденции развития дальневосточной экономики и факторы, их определяющие, в целом совпадали с общероссийскими тенденциями и факторами. К их числу относятся

- сокращение влияния промышленного роста и увеличивающийся вклад отраслей услуг в общеэкономическую динамику;
- снижение влияния экспортного спроса на общерегиональную экономическую динамику;
- рост внутрирегионального спроса на товары отечественного производства и импорт;
- рост импорта и его доли в удовлетворении регионального спроса;
- усиление влияния на экономический рост конечного потребления домашних хозяйств.

Динамика промышленного выпуска в регионе практически повторяет общероссийскую динамику, но на более низком уровне, при этом все годы, исключая 2004 г., темпы роста промышленного выпуска здесь были ниже, чем темпы роста ВРП. Доля промышленности в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) Дальнего Востока, так же как и в российской экономике в целом, последовательно снижается, и происходит это за счет роста доли непромышленных отраслей, в первую очередь отраслей услуг.

Совокупная доля промышленности, транспорта и строительства в структуре НДС Дальнего Востока превышает среднероссийскую, однако такая особенность характерна и для всех других федеральных округов, исключая Центральный. Этот феномен обусловлен разницей удельного веса торговли в дальневосточной и российской структурах НДС. Причиной высокой доли торговли в НДС России являются торгово-посреднические наценки в отраслях российского нефтегазового комплекса [1], которые включают в себя часть НДС, созданной производителями нефти и газа, причем эти доходы концентрируются преимущественно в Центральном федеральном округе. Доля нефтегазового сектора в производстве и экспорте Дальнего Востока невелика, поэтому доля торгово-посреднических услуг в регионе почти

вдвое ниже, чем в России в целом, за счет чего удельный вес всех других отраслей экономики в регионе оказывается выше среднероссийского.

Однако даже при учете этой особенности структуры дальневосточной экономики прирост ВДС на Дальнем Востоке формируется в значительно большей степени, чем в целом по стране, за счет остальных отраслей услуг. На их долю пришлось в 2002 г. 49,6%, в 2003 г. – 44,6, в 2004 г. – 30,8% прироста ВДС региона (по России в среднем – 41,4, 35,7 и 25,0% соответственно).

С одной стороны, эти факты отражают развитие сферы рыночных и нерыночных услуг и приближение структуры хозяйства региона к «стандартам» рыночных экономик, где доля сектора услуг несравненно выше, чем в российской экономике. С другой стороны, доля сектора услуг на Дальнем Востоке и так выше среднероссийской, а на фоне развития других российских регионов опережающее повышение доли сервисного сектора для Дальнего Востока, который не является ни финансовым, ни торговым центром России, отражает лишь факт более низких темпов роста промышленного производства и фактической деиндустриализации экономики этого региона.

В 2004 г. по сравнению с предыдущими годами увеличился вклад промышленности в производство ВДС региона, однако связано это было с конъюнктурным ростом производства в промышленности, который в 2005 г. уже не повторился. Таким образом, влияние на экономический рост промышленного сектора на Дальнем Востоке оказывается значительно меньшим, чем в целом по стране.

В течение рассматриваемого периода в регионе изменилось соотношение элементов конечного спроса, что проявилось в уменьшении влияния экспортного спроса и росте влияния внутреннего спроса. Последний был обусловлен увеличением спроса как на товары отечественного производства, так и на импорт, а также ростом спроса на услуги (табл. 1). Динамика структуры конечного спроса на Дальнем Востоке в целом соответствовала общероссийским закономерностям, однако в регионе эти изменения проявлялись более резко, чем в стране в целом.

Модель развития Дальнего Востока в 1999–2001 гг. можно назвать сильно экспортно-ориентированной, поскольку вклад экспортного фактора в прирост ВДС региона последовательно увеличивался и обеспечил в 2001 г. почти три четверти прироста ВДС. После обвала экспорта в 2002 г., когда его абсолютный объем на Дальнем Востоке снизился по сравнению с предыдущим годом на 15%, а весь прирост ВДС был обеспечен за счет внутринациональных факторов, произошла трансформация модели развития региона, характерная для российской экономики в целом, когда преобладающую

Таблица 1

**Вклад отдельных факторов в прирост ВДС
Дальневосточного федерального округа**

Фактор	1999		2000		2001		2002		2003	
	п.п.	%	п.п.	%	п.п.	%	п.п.	%	п.п.	%
ВДС, всего	6,2	100,0	3,0	100,0	5,9	100,0	3,8	100,0	6,0	100,0
Экспортный спрос	2,4	38,5	1,6	53,9	4,4	74,2	-1,8	-47,8	1,0	17,0
Внутренний спрос	3,7	59,9	1,0	33,4	0,6	10,1	4,7	123,4	4,0	66,4
Отечественные товары	4,3	69,3	0,8	25,7	1,3	21,8	5,3	139,3	4,7	79,1
В том числе домашние хозяйства	2,5	40,9	1,2	39,1	3,5	60,2	1,9	50,5	3,4	57,0
Импорт	-0,6	-9,4	0,2	7,7	-0,7	-11,7	-0,6	-15,9	-0,8	-12,7
Услуги	0,1	1,6	0,4	12,7	0,9	15,7	0,9	24,4	1,0	16,6

роль в росте ВДС стали играть внутринациональные факторы. В итоге, по данным за 2003 г., за счет экспорта было обеспечено лишь 17% прироста ВДС в регионе.

Высокая степень зависимости дальневосточного экспорта от внешне-экономической конъюнктуры приводит к тому, что вклад экспорта в экономический рост Дальнего Востока, на стабилизирующую роль которого в региональной динамике 90-х годов неоднократно обращали внимание исследователи, в условиях реального экономического подъема оказался весьма нестабильным его фактором, несмотря на то что объем экспорта в 2004 г. увеличился по сравнению с 1999 г. в 1,9 раза.

В товарной структуре экспорта Дальнего Востока доминируют такие товарные группы, как топливо, минеральное сырье, металлы, древесина и продукты ее переработки, пищевкусовые товары (в основном сырая рыба и рыбопродукция), на долю которых в 1999 г. приходилось 87% регионального экспорта, а в 2004 г. – уже более 90%. Сложившаяся тенденция к усилению сырьевой специализации и обеднению структуры дальневосточного экспорта отражает растущую зависимость региональных производителей от ограниченного числа покупателей и ухудшает условия конкуренции для производителей экспортной продукции в регионе [2].

Несмотря на то что экспорт Дальнего Востока обеспечивается преимущественно продукцией промышленности, прямой связи между темпами

роста промышленного выпуска и экспорта не обнаруживается, так же как стабильной остается экспортная квота в промышленности, которая достигает почти половины промышленного выпуска. Экспортный сектор оказывается достаточно автономной частью дальневосточной экономики, в силу своего ресурсного характера он слабо связан с остальными ее отраслями.

Отмеченное выше изменение модели развития региона – переход с «сильно экспортно-ориентированной» на модель, опирающуюся преимущественно на внутрорегиональный спрос, – произошло в 2002 г., когда за счет внутреннего спроса был обеспечен весь прирост ВРП на Дальнем Востоке, а в 2003 г. – почти две трети его. Однако рост внутрорегионального спроса, который был обусловлен растущим потребительским и инвестиционным спросом, в условиях невысоких темпов регионального производства покрывался увеличивающимися поставками из-за пределов региона.

Для Дальнего Востока, так же как и для российской экономики в целом, после 2000 г. наблюдается экспансия импорта на потребительском и инвестиционном рынках, что отражает факт снижения конкурентоспособности российских товаров. При неоднозначной динамике экспорта в регионе объем импорта начиная с 2001 г. стабильно растет, в 2004 г. он достиг 53% от величины экспорта.

Основным фактором, обусловившим рост импорта, является импорт машин и оборудования, доля которых в 2004 г. превысила половину совокупного импорта, однако часть регистрируемого импорта машин и оборудования в регион представляет собой импорт поддержанных японских автомобилей, не являющихся, по сути, инвестиционными товарами. Импорт товаров народного потребления, на долю которых до 2004 г. приходилось около трети совокупного импорта, также стабильно увеличивается. Собственное производство потребительских товаров на Дальнем Востоке весьма ограничено, основная часть потребительского спроса удовлетворяется за счет ввоза из других регионов либо импорта. В условиях укрепления рубля, а также из-за географической близости стран АТР, прежде всего Китая, российские товары народного потребления, производимые в центральной части страны, оказываются неконкурентоспособными.

Структура использования ВРП на Дальнем Востоке традиционно отличается от российской более низкой долей фактического потребления домашних хозяйств и более высокой долей валового накопления основного капитала. По данным за 2003 г., доля фактического потребления домашних хозяйств составляла 63,9% ВРП, доля валового накопления – 24,9% (соответствующие российские показатели – 67,5 и 20,9%). Таким образом, воз-

действие динамики потребительского спроса на рост ВРП в регионе изначально оказывается меньшим.

Рост реальных доходов населения на Дальнем Востоке начался только с 2000 г., тогда как в среднем по России – с 1999 г. Темпы роста реальных доходов здесь незначительно отличались от среднероссийских, однако в условиях, когда часть доходов дальневосточников реализуется за пределами региона, воздействие доходов на формирование спроса на Дальнем Востоке ниже, чем в среднем по стране. В результате рост розничного товарооборота в регионе отставал от среднероссийских показателей (173,1% в 2005 г. по сравнению с 1999 г. на Дальнем Востоке и 181,3% – по России целом). Еще слабее оказалось воздействие фактора спроса на услуги. Заметный прирост потребления платных услуг был отмечен только в 2004 г., а до этого он сильно отставал от среднероссийских показателей, что связано не столько с низкими доходами населения, сколько с неразвитостью сферы услуг в регионе.

Несмотря на указанные ограничения, именно рост потребительского спроса в 2001–2003 гг. обеспечил более половины прироста ВРП Дальнего Востока, хотя потенциал роста экономики за счет покупательского спроса на Дальнем Востоке существенно ниже, чем в других регионах.

Рост производства на Дальнем Востоке происходил на фоне увеличения занятости. Численность занятых в экономике в 2004 г. по сравнению с 1999 г. увеличилась на 4,1%, соответствующий показатель по стране в целом составил 2,9%. В результате рост занятости обеспечил около 15% прироста ВРП в регионе, около 85% было обеспечено за счет роста производительности труда (по России – 8,3 и 91,7% соответственно).

Темпы роста производительности труда в регионе ниже среднероссийских, а структурные сдвиги, обеспечивающие этот рост, происходят более медленно. Для оценки влияния изменений производительности труда¹ в отдельных секторах на совокупный экономический рост в динамике производительности можно выделить три составляющие: внутренний эффект, эффект перераспределения и перекрестный эффект [3]. Внутренний эффект относится к влиянию роста производительности внутри отдельных секторов на совокупную производительность труда в экономике. Эффект перераспределения отражает перераспределение рабочей силы между секторами. Положительный эффект перераспределения означает, что совокуп-

---

¹ Производительность труда рассчитывалась как выработка ВРП в постоянных ценах на одного занятого в экономике.

Таблица 2

**Компоненты роста производительности труда в экономике Дальневосточного
федерального округа и Российской Федерации в 1999–2004 гг., %**

Отрасль	Дальневосточный федеральный округ				Россия			
	Внут- ренний эффект	Эффект перерас- деле- ния	Перек- рестный эффект	И т о г о	Внут- ренний эффект	Эффект перерас- деле- ния	Перек- рестный эффект	И т о г о
Промышленность	3,1	0,1	0,0	3,2	6,2	-0,1	-0,1	6,1
Сельское хозяйство	0,0	0,0	0,0	-0,1	1,5	0,7	-0,4	1,9
Строительство	3,1	0,0	-0,1	3,0	1,2	0,0	0,0	1,2
Транспорт	1,3	-0,1	-0,1	1,2	0,1	0,1	0,0	0,2
Торговля	3,0	0,2	-0,1	3,1	3,9	0,0	0,8	4,7
Остальные отрасли	3,6	-0,1	0,1	3,6	3,7	0,0	0,0	3,8
Всего	14,1	0,1	-0,2	14,0	16,8	0,7	0,3	17,8

ная производительность увеличивается либо потому, что в данном секторе производительность труда выше средней и рабочая сила перемещается в него, либо, наоборот, потому, что производительность труда ниже средней и рабочая сила уходит из сектора, – тогда эффект отрицателен. Перекрестный эффект относится к перераспределению рабочей силы между секторами с увеличивающейся и сокращающейся производительностью. Положительный эффект означает рост совокупной производительности труда в связи с притоком рабочей силы в сектора, в которых производительность растет, или ее оттоком из секторов с отрицательным ростом².

Рост производительности труда на Дальнем Востоке (табл. 2) был на 3,8 п.п. ниже, чем в среднем по стране. Он был практически полностью обеспечен за счет внутреннего эффекта, т.е. за счет роста производительности труда в отдельных секторах экономики.

В отличие от российской экономики, где лидирующую позицию в росте производительности труда обеспечивала промышленность, эффект от

² Для разложения производительности труда на компоненты была использована формула

$$R_i - R_{i-1} = \sum S_{i,t-1}(R_{it} - R_{i,t-1}) + \sum (S_{it} - S_{i,t-1})(R_{i,t-1} - R_{i-1}) + \sum (S_{it} - S_{i,t-1})(R_{i,t} - R_{i,i-1}),$$

где R – уровень производительности труда; S – доля рабочей силы; подстрочные индексы i, t обозначают отрасли и время соответственно; R_i, R_{i-1} относятся к экономике в целом [3].

роста производительности труда в промышленности Дальнего Востока оказался даже меньшим, чем от остальных отраслей, представленных сектором услуг. Прирост валовой добавленной стоимости в промышленности Дальнего Востока был только на три четверти обусловлен приростом производительности труда, еще четверть была обеспечена за счет увеличения численности занятых. Для российской экономики соответствующие показатели составили 97,3 и 2,7%. Тем не менее величина эффекта перераспределения в промышленности незначительна, поскольку прирост числа занятых в промышленности, так же как и в других отраслях дальневосточной экономики, происходил за счет вовлечения новых работников, а не их перераспределения между секторами.

Таким образом, вклад производительности труда в экономический рост на Дальнем Востоке оказывается меньшим, чем в среднем по стране. Даже рост в промышленности региона происходит в значительно большей степени за счет экстенсивных факторов, т.е. промышленность не является лидирующей отраслью региона с точки зрения обеспечения роста производительности труда. Изменение секторной структуры производства на Дальнем Востоке также пока нельзя отнести к числу факторов, обеспечивающих опережающий рост производительности труда в регионе.

ИНВЕСТИЦИИ В ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА

Существенным фактором роста конечного спроса на Дальнем Востоке является инвестиционный спрос. В 90-е годы процесс инвестирования в регионе почти прекратился, в 1998 г. инвестиции составляли около 15% от уровня 1990 г. В 1999 и 2001 гг. наблюдался взрывной рост инвестиций, обусловленный реализацией крупных инвестиционных проектов (сахалинские нефтегазовые проекты, строительство Бурейской ГЭС, освоение природных ресурсов Якутии). При нивелировании влияния этих проектов темпы прироста инвестиций в дальневосточную экономику были ниже средне-российских, как это было в 2000, 2003, 2005 гг., либо немного превышали их. Но за счет инвестиций в указанные проекты в 2003 г. Дальний Восток вышел на второе место среди федеральных округов (после Уральского) по величине среднегодовых инвестиций на душу населения. Однако рост инвестиций в экономику региона не привел к соразмерному росту производства в нем, более того, непосредственной связи между ростом инвестиций и ростом ВРП здесь не наблюдается. Эффективность инвестиций в регионе остается невысокой, прирост ВРП на единицу прироста инвестиций ниже

Таблица 3

Темпы прироста инвестиций и ВРП в экономике Дальневосточного федерального округа и Российской Федерации, %						
Показатель	1999	2000	2001	2002	2003	2004
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>						
Инвестиции (1)	44,3	−01,6	47,9	15,3	4,5	13,5
ВРП (2)	6,2	3,0	5,9	3,8	6,0	6,6
Эластичность (2/1)	0,140	−1,875	0,123	0,248	1,333	0,489
<i>Россия</i>						
Инвестиции (3)	5,3	17,4	10,0	2,8	12,5	10,9
ВРП (4)	6,4	10,0	5,1	4,7	7,3	7,4
Эластичность (4/3)	1,208	0,575	0,510	1,679	0,584	0,679

Источник: **Регионы России: Социально-экономические показатели. 2005.** – М.: Федеральн. служба гос. статистики, 2005.

среднероссийского (табл. 3), что ставит под сомнение эффективность масштабных капитальных вложений в экономику региона.

Инвестиции на Дальнем Востоке делаются в основном в три сферы региональной экономики: промышленность, транспорт и связь. Доля инвестиций в промышленность, как правило, превышает половину всех инвестиций в регион, тогда как для российской экономики этот показатель лишь в отдельные годы достигает 40%. Доля инвестиций в транспорт и связь также выше среднероссийской. При этом инвестиции в промышленность региона приводят лишь к незначительному приросту ВДС отрасли; для инвестиций в транспорт и связь и прироста ВДС в данных отраслях такой зависимости не прослеживается. Доли инвестиций в жилищно-коммунальное хозяйство, образование, здравоохранение и другие отрасли услуг в регионе значительно ниже соответствующих среднероссийских показателей, что увеличивает отставание развития инфраструктуры социальной сферы региона.

Несмотря на многочисленные декларации о необходимости создания условий для развития Дальнего Востока, этот регион был и по-прежнему остается малопривлекательным объектом для частных инвесторов. Их доля в общем объеме инвестиций здесь вдвое ниже, чем в целом по стране, в 2004 г. она составляла 20% по сравнению с 47,5% в Российской Федерации. Высокой остается доля государственной собственности в инвестициях (соответственно 24,5

и 17,5%). Хотя она и снижается, в целом в инвестициях в регионе явно преобладают смешанная и государственная формы собственности.

Инвестиционная деятельность на Дальнем Востоке всегда опиралась на мощную государственную поддержку. Это происходило не только в советский период, но и в царской России, когда успешно функционировали рыночные механизмы и институты. В советское время развитие региона осуществлялось в рамках государственных программ и за счет государственных ресурсов. Специальные программы развития экономики действовали на Дальнем Востоке практически в течение всего советского периода. Идея государственной поддержки развития этого региона на основе централизованных государственных инвестиций была заложена в Программу социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2005 года, принятую в 1996 г. Программа помогла в определенной степени добиться решения отдельных проблем региона, но существенно ситуацию не изменила. Инвестиционная часть программы, реализуемая за счет государственного бюджета, к 2000 г. была выполнена только на 9%.

Корректировка программы, предпринятая Правительством Российской Федерации в 2001 г., была нацелена на то, чтобы превратить ее в «инвестиционную лоцию» [2], когда инвесторы будут ориентироваться на задачи программного развития региона и тем самым цели программы будут реализованы в основном за счет внебюджетного финансирования. Однако реальность не подтверждает этих предположений. Практика реализации нового варианта программы показывает, что радикального изменения хода ее выполнения не произошло. В 2002 г. фактически профинансировано 23,3% из предусмотренных программой инвестиций, в 2003 г. – 50,3%. В 2004 г. была осуществлена новая корректировка программы, которая изменила сам принцип программного планирования. Вместо поддержки и формирования секторов и направлений, ориентированных на решение стратегических задач развития региона, предполагается сосредоточить ресурсы на решении внутренних, текущих проблем субъектов Федерации на Дальнем Востоке. Создание же условий для привлечения в регион ресурсов за счет особых институциональных решений было блокировано неолиберальными идеями о необходимости унифицировать экономическое пространство.

В настоящее время в качестве альтернативы неэффективным программам предлагается механизм государственно-частного партнерства, когда развитие региона базируется на совместных усилиях государства, которое вкладывает средства в инфраструктуру, и частного бизнеса, вкладывающего средства в инвестиционные проекты. Приоритетными с точки зрения го-

сударственной поддержки являются масштабные инвестиционные проекты, способные повлиять на изменение ситуации в регионе.

Анализ инвестиционных проектов крупных компаний, проведенный Институтом региональной политики [4], показывает, что инвестиционные намерения крупного бизнеса на востоке страны связаны преимущественно с использованием природных ресурсов региона, включая их добычу и переработку. Для Дальнего Востока предполагаемые инвестиционные проекты связаны в первую очередь с развитием нефтегазового комплекса в Сахалинской области, объем инвестиций в экономику которой может составить 52–67 млрд долл. США. Еще около 22,4–24,8 млрд долл. могут составить инвестиции в Республике Саха (Якутии). Практически все заявленные проекты предполагается реализовать в ресурсном секторе экономики Дальнего Востока и его транспортной инфраструктуре. Инвестиции по крупнейшим инвестиционным проектам должны составить [4]: в нефтегазовой промышленности – 74,0–89,3 млрд долл., в угольной промышленности – 2,6–4,4, в тепловой энергетике – 12,4–13,1, в гидроэнергетике – 10,8, в черной металлургии – 3,3, в цветной металлургии – 4,8–5,5, в лесном комплексе – 15,0, в судостроении – 0,3, в транспортной инфраструктуре – 4,2 млрд долл. Итого – 113,9–132,4 млрд долл., без нефтегазовой промышленности – 39,9–43,1 млрд долл.

Большинство инвестиционных проектов, включенных в Проект развития Востока России, предполагалось к реализации в программе развития Дальнего Востока и Забайкалья, однако количество их по сравнению с программой значительно меньше, в их число практически не входят проекты, касающиеся обрабатывающего сектора дальневосточной экономики, так же как и глубокой переработки добываемых в регионе ресурсов.

УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНЕ

Низкая инвестиционная привлекательность Дальнего Востока является результатом всего предыдущего развития региона, когда его экономическая структура формировалась без учета рыночных критериев. В настоящее время Дальний Восток уступает по показателям сравнительной экономической эффективности большинству российских регионов.

Высокий уровень номинальной заработной платы, обусловленный преобладанием на Дальнем Востоке добывающих отраслей с наиболее высоким уровнем заработной платы, вместе с северными удорожаниями приводит к тому, что доля компенсации наемным работникам в структуре ВРП здесь

является одной из наиболее высоких среди российских регионов. Ее величина составила в 2003 г. 51,1% при среднероссийском показателе 41,2%.

При более неблагоприятной по сравнению с другими российскими регионами структуре создаваемой валовой добавленной стоимости Дальний Восток имеет реальные преимущества перед другими регионами только в добывающих отраслях (табл. 4). Рентабельность обрабатывающих производств на Дальнем Востоке на порядок ниже, чем в других восточных регионах страны, и почти в 2 раза ниже, чем в Южном федеральном округе. Тем самым шансы на развитие здесь обрабатывающих производств на базе рыночных критериев очень невысоки. Следует отметить, что неконкурентоспособными оказываются обрабатывающие производства даже в южных районах Дальнего Востока, располагающих наиболее благоприятными условиями для их развития. Рентабельность активов в 2004 г. составляла в Приморском крае 6,6%, рентабельность продукции – 4,8%, в Хабаровском крае – соответственно 5,5 и 6,6%.

Таблица 4

Рентабельность активов и продукции (услуг) предприятий и организаций в отдельных регионах Российской Федерации в 2004 г., %

Регион	Активы			Продукция		
	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
Российская Федерация	13,8	10,5	2,1	32,5	14,9	5,4
Уральский федеральный округ	16,0	14,6	2,7	33,1	17,7	4,8
Сибирский федеральный округ	9,6	14,3	1,0	26,0	25,8	3,6
Дальневосточный федеральный округ	12,1	1,3	2,0	33,4	4,9	–3,1
Приморский край	–9,2	0,7	3,0	1,5	4,8	–0,8
Хабаровский край	13,9	2,2	2,8	29,0	6,6	1,9
Амурская обл.	–1,6	2,2	–0,3	20,5	5,5	5,2

Источник: **Регионы России: Социально-экономические показатели. 2005.**

Отмеченный выше рост реальных доходов населения Дальнего Востока происходил главным образом за счет роста реальной заработной платы. Для российской экономики в целом отмечалось, что рост доходов в последние годы недостаточно связан с ростом эффективности экономики. Это утверждение более чем справедливо для Дальнего Востока. Темпы роста реальной заработной платы в регионе значительно превышали темпы роста производительности труда. Если для России этот разрыв составлял в отдельные годы 4,4 раза, то для Дальнего Востока в 2000 г. – более 10 раз. Такая ситуация еще больше ухудшает сравнительные конкурентные позиции региона.

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РЕГИОНЕ

Перспективы развития Дальнего Востока во всех имеющихся стратегических разработках связаны с экспортно-ориентированной моделью его развития, основанной на эксплуатации традиционных минерально-сырьевых ресурсов региона, реализации энергетических проектов и проектов международного транспортного транзита.

Основу экономики Дальнего Востока во всех сценариях его развития составляет ресурсный сектор. Доля добычи полезных ископаемых в промышленности региона, по данным 2005 г., составила 44,8%, доля обрабатывающего сектора – 30,3% (соответствующие данные по российской экономике – 33,5 и 55,6%). Согласно нашим оценкам, на долю ресурсного сектора дальневосточной экономики в 2002 г. приходилось 23,3% в ВДС региона (для России – 13%) и 27,9% в валовом выпуске.

В литературе последних лет неоднократно отмечалось, что развитие ресурсного сектора не может обеспечить высоких темпов роста в силу того, что имеется ряд проблем в самом этом секторе, а также из-за его ограниченного влияния на все другие сектора. Собственные проблемы ресурсного сектора связаны с исчерпанием сегодняшних источников роста, увеличением затрат на добычу полезных ископаемых, необходимостью значительного увеличения инвестиций в геологоразведку, производственную и транспортную инфраструктуру. Для Дальнего Востока существенной проблемой является невысокая конкурентоспособность экспортных продуктов по сравнению не только со странами Северо-Восточной Азии, но и с другими российскими регионами.

Выше упоминалось, что продукция ресурсного сектора Дальнего Востока почти полностью ориентирована на экспорт. Перспективы роста спроса на продукцию дальневосточного экспорта в странах Северо-Восточной

Азии, которые являются основными потребителями сырьевых продуктов Дальнего Востока, оцениваются как благоприятные [5], хотя для реального увеличения экспортных поставок требуются модернизация сырьевых отраслей и повышение конкурентоспособности их продуктов.

Однако даже при благоприятных условиях развития дальневосточного экспорта его стимулирующее воздействие на экономический рост региона ограничено его современным состоянием, когда сектор ориентирован на экспорт первичных ресурсов с низкой степенью их переработки. Анализ межотраслевых взаимодействий в экономике Дальнего Востока, проведенный нами на основе таблиц «затраты – выпуск» [2], показал, что ресурсный сектор дальневосточной экономики представляет собой «экономику в экономике», слабо связанную с производственным комплексом региона. Впрочем, это справедливо и для российской экономики в целом.

Подавляющая часть спроса в ресурсном секторе (около 80%) формируется за счет внешнего (экспортного) и внутрикомплексного спроса. На долю внутрирегионального конечного спроса на продукцию ресурсных отраслей приходится чуть более 20% от совокупного спроса. В структуре промежуточного спроса ресурсных отраслей преобладают внутрикомплексные связи. Спрос на продукцию других отраслей региона со стороны ресурсного сектора очень мал, он формируется в основном за счет спроса на продукцию электроэнергетики, услуги транспорта и торговли. Учет индуцированных в результате межотраслевых взаимодействий эффектов показывает, что стимулирующее влияние на регион со стороны ресурсного сектора почти в 3 раза ниже, чем со стороны обрабатывающего сектора.

Основным фактором, который может обеспечить существенный рост экспорта Дальнего Востока и, следовательно, рост ресурсного сектора региона, являются проекты создания в регионе энергетической инфраструктуры, обеспечивающей потребности стран Северо-Восточной Азии в энергоресурсах. В стадии реальной разработки в настоящее время находятся сахалинские проекты. Предполагаемый объем экспорта до 2010 г. по проектам «Сахалин-1» и Сахалин-2» составит по нефти 19,3 млн т (3,4 млрд долл. США), по сжиженному природному газу – 4,8 млн т (около 1 млрд долл.) [4]. Это может обеспечить около 12% ежегодного прироста регионального экспорта в период до 2010 г. Если предположить, что в регионе сохранится сложившаяся в 2003 г. структура экономического роста, то за счет экспортного сектора может быть обеспечено около 2% ежегодного прироста ВРП. Даже при оптимистичной оценке возможностей реализации в регионе других ресурсных проектов они вряд ли смогут обеспечить рост на уровне более 3–4% в год.

Вторая группа проектов предполагает создание на территории Дальнего Востока транзитно-транспортных коридоров и использование Транссибирской железнодорожной магистрали в качестве связующего звена между Азией и Европой. В настоящее время в Северо-Восточной Азии предлагаются к реализации ряд крупных магистральных проектов, которые могут изменить существующие схемы доставки грузов, а также обеспечить транспортный доступ к мощным месторождениям сырья. Реализация этих проектов и их возможные параметры связаны с высокой степенью неопределенности, что не дает возможности количественно оценить их влияние на развитие Дальнего Востока, однако вряд ли они смогут сыграть роль локомотива развития региона.

Проекты создания транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке чрезвычайно капиталоемкие и могут быть реализованы только за счет общенациональных ресурсов. В настоящее время на долю транспорта приходится 11% ВРП Дальнего Востока, в этом секторе работают около 9% занятых в экономике региона. Особенностью данного сектора является высокая фондоемкость производства. На транспорт Дальнего Востока приходится 32,5% всех основных фондов региона, стоимость фондов транспорта почти в 1,5 раза превышает стоимость основных фондов отраслей промышленности. Степень износа основных фондов на транспорте Дальнего Востока (24,6%) является одной из самых высоких среди федеральных округов (средний по России показатель – 20%). Для последних лет характерна высокая динамика перевозок, определяемая преимущественно динамикой объемов экспортных грузов, которая усиливает зависимость транспортного сектора от внешнеэкономической конъюнктуры.

В этой связи реализация транспортно-транзитной функции региона может обеспечивать и поддерживать его экономический рост лишь при наличии значительных инвестиций в инфраструктуру региона, которые должны обеспечиваться преимущественно за счет внерегиональных источников.

Внутрирегиональные условия экономического роста на Дальнем Востоке ограничиваются сложившейся структурой производства. Наиболее труднореформируемым элементом регионального хозяйства является сектор социальных услуг, который производит около 20% ВДС и в котором занято более четверти трудовых ресурсов региона. Несмотря на отставание Дальнего Востока по уровню реальной обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры, доля этого сектора в дальневосточной экономике выше соответствующего среднероссийского показателя. Особенностью сектора социальных услуг в регионе является преобладающий нерыночный ха-

рактически. Около 80% услуг, включая услуги ЖКХ, производится либо государственными учреждениями, либо локальными монополиями. Для сектора характерны высокая зависимость от бюджетного финансирования, которая на Дальнем Востоке выше средней по стране, непрозрачность и неэффективность функционирования его структур, низкая зарплата, общая убыточность предоставляемых услуг, значительный объем инвестиций при сохранении невысокой интенсивности обновления основных фондов, низкая динамика производства услуг. Развитие сферы платных услуг в регионе отстает от среднероссийских показателей. В этой связи перспективы развития сектора социальных услуг почти полностью определяются возможностями его бюджетного финансирования, и он вряд ли может рассматриваться как мощный стимулятор экономического роста в регионе.

Таким образом, при нынешней структуре производства ВРП на Дальнем Востоке высокие темпы развития этого региона могут быть обеспечены только за счет обрабатывающих производств, которые сконцентрированы преимущественно в Хабаровском и Приморском краях. Однако в современном их состоянии обрабатывающие отрасли в южных районах Дальнего Востока конкурентоспособны только по сравнению с его северными территориями (см. табл. 4) и значительно уступают по уровню эффективности этим отраслям в других регионах. Проблемы развития обрабатывающих отраслей на Дальнем Востоке известны: для их эффективного роста необходимы модернизация производства, повышение конкурентоспособности продукции, т.е. фактически создание новой обрабатывающей промышленности.

В этой связи в ближайшем будущем при сохранении сложившегося на Дальнем Востоке типа экономического роста и при существующем уровне государственной поддержки развития региона здесь, вероятнее всего, продолжится дифференцированный по территориям небольшой экономический рост. Он позволит отдельным субъектам Федерации добиться улучшения их сравнительного экономического положения, однако регион в целом по-прежнему останется отстающей периферией, хотя и обладающей значительным потенциалом роста.

Вероятно, и в последующем Дальний Восток будет источником сырьевых ресурсов для России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а возможности роста благосостояния населения здесь будут определяться тем, как будут распределяться доходы от добычи ресурсов и их экспорта между федеральным центром, крупными компаниями и самим Дальним Востоком.

Литература

1. Kuboniwa M., Tabata S., Ustinova N. How large is the oil and gas sector of Russia: A research report // Eurasian Geography and Economics. – 2005. – V. 46, No. 1.
2. Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006.
3. От экономики переходного периода к экономике развития: Меморандум об экономическом положении Российской Федерации / Мировой банк / www.worldbank.org.ru (2005 г.).
4. Проект развития Востока России / Институт региональной политики / <http://www.regionalistica.ru>.
5. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития. – Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005.

© Михеева Н.Н., 2006

ИМИДЖ КАК КОНКУРЕНТНЫЙ РЕСУРС РЕГИОНА

И.С. Важенина, С.Г. Важенин

В настоящее время для территорий стали актуальными вопросы повышения конкурентоспособности. При этом в обеспечении преимущества все большую роль начинают играть нематериальные факторы, прежде всего имидж и репутация, которые сегодня становятся реальными и чрезвычайно важными ресурсами экономики. Происходит это в связи с ростом значения информации для обеспечения конкурентных преимуществ хозяйствующих и политических субъектов.

Имидж региона, его репутация в отечественных и зарубежных общественно-политических и деловых кругах становятся основополагающими факторами продвижения внешнеэкономических и политических проектов, важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений. «Доброе имя» региона выступает предпосылкой ускорения его социально-экономического развития, повышения уровня и качества жизни населения, поскольку способствует решению ряда фундаментальных вопросов, имеющих важное значение для интенсивного развития региона. Речь идет прежде всего о привлечении инвестиций (в том числе иностранных), расширении рынков сбыта продукции региональных производителей, привлечении трудовых ресурсов, развитии въездного туризма. Если

благоприятный имидж того или иного региона во многом определяет успешность решения этих проблем, то репутация территории в этих условиях выступает главным фактором осуществления выбора.

В экономической литературе в настоящее время обсуждаются преимущественно отдельные проблемы формирования имиджа и брэндинга территории [1–3]. А. Дайан указывает, что маркетинг территории призван улучшить ее имидж, привлечь промышленников, заставить говорить о себе [1]. Г. Даулинг анализирует взаимосвязь и механизм взаимодействия репутации компании с имиджем и репутацией территории [4]. В книге «Маркетинг мест» дается анализ опыта продвижения территорий в конкурентной среде, а также приводятся конкретные рекомендации по маркетингу мест [5]. Проблемы маркетинга территории основательно изложены в работах А.П. Панкрухина [6, 7]. Н.Я. Калюжнова рассматривает теоретические вопросы анализа имиджа и практические аспекты совершенствования имиджа Иркутского региона, превращения его в конкурентный ресурс [8].

«Имидж» в переводе с английского – «образ», «изображение». Первоначально это понятие использовалось в качестве термина эстетики и искусствоведения. Позднее представление об имидже как неотъемлемой характеристике товара превратилось в категорию маркетинга. Придание товару определенного имиджа есть дифференциация продукта среди многоликой товарной массы, достигаемая уже не столько за счет его реального изменения, сколько за счет формирования привлекательного образа товара посредством рекламы, брэндинга. Имидж превратился в один из важнейших факторов обеспечения конкурентоспособности и успешности товаров, причем со временем это его качество стало активно эксплуатироваться применительно к другим объектам и в других сферах (например, в шоу-бизнесе, политике и т.д.) и наконец распространилось на такие объекты, как территории. Сегодня города, регионы и страны также рассматриваются в маркетинге в качестве специфического товара, имидж которого является его важным конкурентным ресурсом.

Имидж региона базируется прежде всего на территориальной индивидуальности. Территориальная индивидуальность включает в себя, с одной стороны, официальные, так сказать, «опознавательные» характеристики территории (страны, региона, города и т.д.), – это комплекс визуальных, вербальных и других признаков, по которым люди идентифицируют территорию (место на карте, страновая принадлежность, название, герб, флаг, гимн и т.д.). По сути дела, это «паспорт» территории с «фотографией» –

картой, с указанием ее «имени» – названия, «пропиской» – местонахождением и т.д.*

Территориальная индивидуальность включает в себя также характеристику совокупности особенностей и ресурсов территории. К ним относятся

- **природные, демографические, исторические, социальные и культурные особенности и ресурсы:** природно-климатические особенности и сырьевые ресурсы; история; человеческий фактор, демографические особенности; уровень и качество жизни населения; социальная политика и социальная инфраструктура; культурное наследие и ресурсы;
- **экономические особенности и ресурсы:** уровень развития и особенности экономики; производственная инфраструктура; трудовые ресурсы, наличие квалифицированной рабочей силы, занятость; инвестиционный потенциал и инновационные ресурсы; финансовые ресурсы; уровень деловой активности, степень благоприятности для бизнеса;
- **организационно-правовые и информационные особенности и ресурсы:** информационные и консалтинговые ресурсы, аудит; рекламный рынок и PR-услуги; институциональный капитал, в том числе законодательство; эффективность правительства; репутация руководства.

Территориальная индивидуальность помимо объективно заданных особенностей (природно-климатические и сырьевые, этнографические, исторические и культурные особенности, особенности экономики, уровень развития производственной и социальной инфраструктуры и проч.) включает в себя также технологии и подходы к работе, доверие партнеров и экспертную информацию, уровень и качество руководства, особенности об-

---

* «Неудачное», например неблагозвучное или труднопроизносимое, название может существенно затруднить продвижение территории. Ханты-Мансийский автономный округ, название которого является сложным для запоминания и воспроизведения (особенно для иностранных партнеров), в 2003 г. получил право использовать еще одно имя – Югра.

Официальные визуальные символы территории (герб, флаг) играют очень важную коммуникативную роль. Например, Испания выбрала информативный и узнаваемый логотип – стилизованное солнце с надписью «España», которое нарисовал известный сюрреалист Хоан Миро. Эмблема, несмотря на свою лаконичность, очень удачна и эмоциональна: она отражает и тепло южной страны, и достижения современной культуры, и, наконец, авторитет мировой знаменитости.

щения и многое другое. Все эти факторы влияют на имидж, репутацию и в конце концов на конкурентоспособность региона, и для закрепления их в сознании целевых групп простого информирования о регионе недостаточно, – с потенциальными потребителями территории необходимо налаживать отношения исходя из их интересов и забот.

Совокупность особенностей и ресурсов территории формируется объективно, независимо от каждого отдельно взятого человека и представляет собой фундамент, на котором образуются имидж и репутация этой территории. Представляется, что ***имидж территории – это набор убеждений и ощущений, которые возникают у людей по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории.*** Субъективное представление о регионе может формироваться вследствие непосредственного личного опыта (например, в результате проживания на данной территории) или опосредованно (например, со слов очевидцев, из материалов СМИ и т.д.).

Имидж территории – очень разноплановый, иногда искусственно создаваемый образ объекта, который складывается в сознании людей. Сколько людей – столько и представлений о конкретном регионе может быть продемонстрировано. Поскольку сами люди совершенно разные, постольку специфично и их восприятие, а кроме того, люди имеют различающуюся информацию о регионе, неодинаков их опыт, связанный с ним. Вследствие этого и имидж одной и той же территории в сознании разных людей формируется различный. Нередко имидж региона складывается у людей при отсутствии достаточной информации и собственного опыта. В этом случае в основу образа ложатся массовые стереотипные представления (а иногда даже заблуждения), факты, почерпнутые из средств массовой информации, литературных, кинематографических и других источников.

В значительной степени имидж региона формируют средства массовой информации. Их роль возрастает в случае необходимости сознательного построения или коррекции имиджа, например в условиях социального или политического заказа. При этом искусственно созданный имидж может не отражать основополагающих социальных и экономических характеристик, проблем и противоречий региона, реальных принципов и методов ведения регионального бизнеса, особенностей жизни населения, влияния региональной экономики на окружающую среду и т.д. И наоборот, иногда какая-либо реально существующая или существовавшая ранее, а иногда даже вымышленная региональная особенность (страны, территории, города)

в гипертрофированном или искаженном виде может подаваться как основная характеристика объекта.

В зависимости от качественных характеристик имидж региона может быть как положительным, так и отрицательным (с самым различным содержанием в том и другом случае). При этом следует помнить, что не может быть абсолютного «минуса» или безусловного «плюса». Речь всегда идет о преобладании положительных или отрицательных характеристик. Образ региона со знаком «минус» формируется вследствие доминирования аномальных природно-климатических либо негативных политических, социально-экономических или других явлений, представляющих какую-либо угрозу для человека, для его жизни и деятельности, для бизнеса. Например, крайне суровый холодный климат или, наоборот, очень жаркий, цунамиопасный в равной мере не способствуют положительному восприятию территории. Точно так же, например, военные действия, преступность, наркомафия, бедность становятся основой негативного имиджа территории. Регионам, имеющим отрицательный имидж, требуются не только активное развитие и продвижение всегда имеющихся положительных аспектов образа, но и одновременная работа по реабилитации имиджа, снижению актуальности негативных характеристик.

Достаточно часто территория может иметь смешанный имидж, когда разные аспекты ее образа могут быть как положительными, так и отрицательными. В каждом конкретном случае речь должна идти о преобладании «плюсов» или «минусов». Задача корректировки имиджа как раз и состоит в закреплении положительных характеристик образа региона и возможной нивелировке отрицательных.

В ряде случаев территория имеет противоречивый имидж, который, с одной стороны, свидетельствует о существенных возможностях, а с другой – демонстрирует негативные факторы, являющиеся обратной стороной позитивных составляющих. Так, например, промышленно развитые регионы предоставляют большие возможности для жизни, карьеры, ведения бизнеса и т.д. Одновременно именно эти регионы вызывают отрицательные ассоциации в связи с загрязненным воздухом и водой, перенаселенностью городов, слишком интенсивным автодвижением, высоким уровнем преступности, распространением наркотиков и т.д. В этом случае коррекция имиджа неразрывно связана с работой по устранению таких негативных явлений.

Большинство регионов имеют слабовыраженный имидж. Это проявляется в том, что потенциальные потребители почти ничего не знают о возможностях, предоставляемых им данной территорией. Даже жители Рос-

сии, не говоря уже об иностранцах, плохо представляют себе отличия одного российского региона от другого, одной области от другой. Например, в проекте Стратегии регионального маркетинга в Омской области прямо указано, что имидж области с позиций маркетинга территорий выражен крайне слабо. По репрезентативному опросу организаций, имеющих деловые контакты с омскими фирмами, позиционирование имиджа Омской области выглядит следующим образом:

Москва: 1) ничего, что-то совершенно серое; 2) что-то далекое, холодное, зимнее; 3) «Авангард» (в разных вариациях – хоккейная команда); 4) Колчак; 5) Иртыш;

Европейское Предуралье и Урал: 1) ничего, белое пятно; 2) «Авангард»; 3) Сибирь, тайга, Иртыш, кедр, кедровые орешки, бобры;

европейская часть России (средняя полоса): 1) «Авангард»; 2) пиво «Сибирская корона»; 3) Сибирь; 4) плавленый сырок «Омичка»;

Средняя Азия, Казахстан: 1) «Авангард»; 2) «Омскшина»; 3) пиво «Сибирская корона»; 4) Иртыш;

Дальний Восток: 1) «Авангард»; 2) «Омскшина» [9].

Причины существования слабовыраженного имиджа региона – отсутствие необходимой информации и рекламы, слабое позиционирование конкурентных преимуществ территории на рынке, недооценка необходимости ее грамотного продвижения, неумение или нежелание привлекать внимание к возможностям региона. Однако постепенно ситуация меняется. Так, например, проблемам имиджа и брэнда Челябинской области была посвящена региональная конференция «От брэндов предприятий к брэнду “Челябинская область”: точки роста», прошедшая в январе 2006 г. Вывод, к которому пришли участники конференции, состоит в осознании необходимости формирования брэнда области на основе выявления и продвижения региональных конкурентных преимуществ и «ретуширования» недостатков [10].

Иногда процесс формирования и коррекции имиджа региона рассматривается как своеобразная «лакировка» действительности, при которой желаемое выдается за действительное. Это достаточно часто применяемый прием, когда всячески подчеркиваются, а порой и преувеличиваются позитивные характеристики и одновременно замалчиваются отрицательные. Такая тактика может давать временный эффект, однако впоследствии подобное замалчивание недостатков может нанести существенный ущерб не только имиджу, но и репутации территории.

Имидж территории играет большую роль в выборе ее в качестве объекта потребления. Поэтому формирование привлекательного образа региона

приобретает особое значение. Построение имиджа нам видится как комплексный процесс информирования целевой аудитории об уже имеющихся, но мало известных потребителям ресурсах и возможностях, предоставляемых регионом для жизни и бизнеса. В этом плане интересен опыт Екатеринбурга по созданию специфического информационного продукта, не имеющего аналогов в России, – мультимедийного диска инвестиционного образа Уральского федерального округа. Диск содержит развернутую информацию о 55 крупнейших предприятиях округа, о состоянии социальной и коммунальной сферы, культуры и науки, а также значительное количество самых свежих аналитических материалов. Главная цель этого информационного продукта – донести объективную и актуальную информацию об инвестиционной привлекательности и промышленном потенциале округа до всего мира. Диск был разослан во все торговые представительства и бизнес-центры мира, в федеральные министерства, главам областей и руководителям предприятий – участников проекта.

Наряду с информированием потенциальных потребителей о возможностях территории построение имиджа предполагает его перманентную коррекцию, увязанную с изменениями реалий этой территории. Например, руководство Краснодарского края строит серьезные планы по изменению имиджа и повышению престижа своего региона, надеясь принять Олимпиаду 2014 г. Приоритетным является строительство высококлассных отелей. Для решения этой и многих других проблем разработан и внедрен целый ряд программ. Одна из них – «Сочи – курорт мирового уровня» – предусматривает привлечение в течение семи лет 11 млрд евро в виде государственных и частных инвестиций. Кроме того, власти края собираются сагитировать владельцев уже имеющихся гостиниц пройти государственную сертификацию. Большие надежды возлагаются на создание на всем Азовско-Черноморском побережье Кубани особой экономической зоны (ОЭЗ) курортно-рекреационного типа. Получение статуса ОЭЗ привлечет инвесторов, поскольку даст им значительные льготы и дополнительные возможности. Рост инвестиций позволит использовать новые прибрежные территории. Так, например, в Геленджике из-за неразвитости инфраструктуры сегодня используется лишь 15–20% территории. Для формирования позитивного имиджа курортов Кубани помимо развития инфраструктуры необходимы расширение спектра предоставляемых отдыхающим услуг, повышение качества и культуры обслуживания.

Новые имиджевые характеристики приобретает также Уральский регион. В Екатеринбурге открыт крупнейший в России крытый аквапарк

«Лимпопо» площадью 29 тыс. кв. м. В аквапарке 12 бассейнов, 18 горок общей длиной более полукилометра, детская развлекательная зона, сауны, фитнес-центр, SPA-салоны, бары. Благодаря масштабам водного комплекса он уже превратился в объект развлечения окружного значения. Сегодня турфирмы многих крупных городов Уральского федерального округа предлагают автобусные туры в екатеринбургский аквапарк. Таким образом, Екатеринбург, один из крупнейших промышленных городов России, постепенно становится привлекательным объектом для туризма и отдыха.

Первый этап и необходимое условие формирования имиджа региона – выявление целевой аудитории, поскольку необходимо знать мнение людей и организаций, которые принимают решение о выборе территории для того или иного вида сотрудничества, их оценки и исходные установки.

В самом общем виде потребителей территории принято подразделять на три группы: жители, бизнес, гости. Критериев более детального сегментирования рынка «потребителей территории» может быть множество. Например, по территориальной принадлежности выделяются резиденты и нерезиденты, в зависимости от юридического статуса – физические лица и юридические лица. Внутри каждой группы и на их пересечении формируются подгруппы целевой аудитории [6].

В конечном итоге срезов и подгрупп целевой аудитории, на которые необходимо ориентироваться в процессе коррекции имиджа региона, как правило, бывает достаточно много. Это международное и российское сообщества; представители государственной законодательной и исполнительной власти; представители международного и отечественного (регионального) бизнеса; журналисты; российские и иностранные покупатели и инвесторы (реальные и потенциальные); жители города; туристы и т. д., и т.п.

С точки зрения групп (подгрупп) целевой аудитории комплекс предоставляемых регионом возможностей и гарантий реализации существенных интересов членов этих групп есть воплощение репутации данного региона. В чем могут быть заинтересованы реальные и вероятные потребители территорий? В наиболее эффективном использовании конкурентных преимуществ этих территорий для жизни, бизнеса, капиталовложений, отдыха, учебы и т.д. данного контрагента. Реализация интересов всех групп определяется ресурсной базой региона. При этом речь идет не только о природных ресурсах, но и о трудовых, социальных, инновационных, инфраструктурных, технологических, институциональных, историко-культурных и прочих возможностях региона.

Для каждой группы целевой аудитории на первый план выступают те составляющие имиджа и репутации региона, которые им интересны. Например, для жителей региона важны уровень и качество жизни на данной территории, особенности социально-экономической политики территории, деятельность региональных властей по созданию для населения благоприятных условий для жизни, работы, ведения бизнеса, уровень развития социальной инфраструктуры, социальная и экологическая безопасность и т.д. Для потенциальных инвесторов на первом плане оказываются гарантии сохранности бизнеса, возможности минимизации рисков, наличие необходимых для организации бизнеса ресурсов, развитость инфраструктуры, законодательные и налоговые условия ведения бизнеса, репутация региональных руководителей и т.д. Туристов привлекают, с одной стороны, уникальные природные объекты, с другой – достижения цивилизации (историко-архитектурные памятники, музеи, рекреационные зоны), естественно дополненные развитой инфраструктурой.

Так, реальными претендентами на создание туристических зон в Сибири являются Иркутская область, Бурятия, Алтайский край и Горный Алтай. Правительство РФ в ближайшее время планирует объявить конкурсы на создание особых рекреационных зон. Г. Греф заверил, что эти проекты будут сопровождаться соответствующими федеральными средствами для привлечения инвесторов, а потом и туристов. Уже сегодня консультанты при Правительстве РФ приступили к разработке туристической концепции развития оз. Байкал [11].

Для формирования устойчиво положительного имиджа территории у членов разных групп целевой аудитории недостаточно минимальной информации, которую можно почерпнуть, например, из СМИ. Минимум информации обеспечивает лишь узнавание региона и дает очень приблизительное представление о его жизни. Узнаваемость – это констатация фактов, которая может иметь множество оттенков: от позитивного до нейтрального или даже негативного. К тому же узнаваемость не гарантирует повышения продуктивного интереса к региону, например появления конструктивного желания инвестировать деньги в региональные проекты или переехать в данный регион на жительство. Обеспечение узнаваемости – это лишь первый шаг на пути формирования имиджа и брэнда региона.

Теоретически интересно и практически значимо разграничение понятий «имидж», «брэнд» и «репутация» региона [12]. Брэнд вообще – это исключительно положительная разновидность продвинутого, ярко выраженного имиджа. Любой брэнд – это имидж, но далеко не всякий имидж стано-

вится брэндом. Нам представляется, что *брэнд региона – это совокупность непреходящих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные потребительские свойства данной территории и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом у потребителей данной территории. Брэнд формируется на основе ярко выраженного позитивного имиджа региона, в основе этого имиджа лежат уникальные возможности удовлетворения тех или иных запросов потребителей территории.* Брэнд является высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений.

Впервые продвигать территорию, а именно страну, как брэнд предложил Д. Огилви. В середине 50-х годов к нему обратилось правительство Пуэрто-Рико, выразив заинтересованность в привлечении туристов. Для этого было необходимо решить почти невыполнимую задачу – изменить отношение американцев к стране. Агентство «Ogilvy & Mather» работало над коррекцией имиджа Пуэрто-Рико более пяти лет. Было много печатной рекламы в популярных СМИ. Результаты не заставили себя ждать: существенно вырос поток туристов, а регулярные опросы подтвердили, что имидж Пуэрто-Рико в сознании американцев кардинально изменился.

Брэнд территории вообще и региона в частности – это:

- уникальный эмоционально-позитивный образ, обусловленный природными, историческими, производственными, социально-культурными и другими особенностями территории, ставший широко известным общественности;
- обещание потребителям территории желаемых потребительских качеств;
- гарантия качественного удовлетворения запросов потребителей территории, получения определенных выгод;
- повышенный субъективный уровень ценности территории для потребителя и его удовлетворенности, формируемый через позитивные ассоциации, побуждающие к потреблению территории и напоминающие о ней;
- важнейший фактор конкурентных преимуществ и доходов региона, ценный актив региональной экономики.

Достаточно часто брэнд опирается на природно-климатические и историко-культурные особенности территории. На имидж и брэнд региона также существенно влияют историко-культурные факторы.

В отличие от брэнда репутация территории зависит от природно-климатических факторов очень мало, от историко-культурных – в несколько большей степени. *Репутация территории – это динамическая характеристика ее жизнедеятельности, формирующаяся в обществе в течение достаточно продолжительного периода времени из совокупности достоверной информации о ней; это ценностные убеждения, мнение о территории, сложившееся у людей на основе полученной информации о ней, личного опыта взаимодействия (комфортность проживания, безопасность, социальная защищенность, степень благоприятности условий для ведения бизнеса, авторитет властей и т.д.).*

Репутация территории тесно связана с ее имиджем, они достаточно сильно влияют друг на друга. В то время как имидж в большей степени отражает эмоциональное восприятие территории (нравится – не нравится), репутация формируется на основе достоверных знаний и оценок (например, надежный, выгодный, удобный партнер). Имидж создается и изменяется относительно быстро, главным инструментом его формирования и корректировки выступают связи с общественностью. Устойчивая репутация складывается преимущественно в процессе непосредственного взаимодействия с потребителями территории в течение достаточно длительного времени, зато больше и «эксплуатируется». В идеале формирование и развитие имиджа (брэнда) и репутации региона должны происходить параллельно, в тесной увязке.

Процесс формирования имиджа (брэнда) и управления им включает в себя его создание, усиление, продвижение, обновление, возможное репозиционирование, ребрэндинг. Брэндинг территории предполагает использование технологий формирования особого ее образа и отношения к ней целевой аудитории. Он является предпочтительным способом идентификации территории, выделения ее среди других регионов, привлечения к ней внимания потенциальных потребителей и, в конечном итоге, важнейшим способом реализации ее конкурентных преимуществ. Благополучие региона сегодня определяется не столько наличием природных ресурсов, сколько доступом к ресурсам социальным: финансовым, инвестиционным, информационным, технологическим. Поэтому регион, который хочет жить достойно, просто обязан заниматься формированием своего имиджа. Именно с этой целью, например, в Ханты-Мансийском автономном округе проводят кинофестиваль с участием Пьера Ришара. Это мероприятие направлено на то, чтобы репозиционировать регион, показать, что здесь есть не только нефть и буровые вышки, но и интересная культурная жизнь, обратить внимание на регион не только нефтяных магнатов, но и, в частности, зарубежных туристов.

Значительно трансформировать имидж территории (страны, региона, города), сформировать региональный брэнд возможно только параллельно с проведением реальных мероприятий, придающих новые черты облику этой территории, параллельно с формированием ее репутации. При этом имидж, брэнд и репутация территории должны рассматриваться как важнейший нематериальный актив, как один из основных конкурентных ресурсов данной территории, значимость которого постоянно возрастает.

Представляется, что организация процессов формирования имиджа территории, ее брэндинга, формирования репутации и продвижения территории в конкурентной среде должны основываться на следующих положениях.

- ✓ Имидж, брэнд и репутация территории должны быть признаны одним из ее активов, в основе которого лежат эксклюзивные особенности территории, нуждающиеся в изучении, развитии и активном продвижении.
- ✓ Необходима единая стратегия продвижения территории, основанная на традициях и предполагающая нововведения.
- ✓ Вопросы формирования имиджа и репутации территории должны рассматриваться на уровне региональных властей.
- ✓ Рекомендуются создание специального регионального комитета, занимающегося брэндингом территории, формированием ее репутации. Основной задачей данного комитета является разработка рекомендаций как для региональных органов власти, так и для частных компаний.
- ✓ В состав специального комитета необходимо включить социологов, историков, деятелей культуры, лидеров бизнеса, политических деятелей, специалистов по связям с общественностью, журналистов, экономистов, специалистов по маркетингу, юристов, экспертов по продвижению территории.
- ✓ К процессу продвижения стратегического имиджа территории, формирования ее репутации желательно при необходимости и возможности подключать дипломатические ведомства.

Литература

1. Дайан А. Маркетинг города // Академия рынка: маркетинг: Пер. с фр. – М.: Экономика, 2003.
2. Лавров А.М., Сурнин В.С. Реформирование экономики: региональные аспекты. Ч. 2: Региональный маркетинг и тенденции его развития. – Кемерово, 1994.

3. **Важенин С.Г., Татаркин А.И., Важенина И.С.** Конкурентоспособность города: технологии и инструменты роста. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2005.
4. **Даулинг Г.** Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности. – М.: ИНФРА-М, 2003.
5. **Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.** Маркетинг мест. – СПб.: Стокгольм. шк. эк-ки в Санкт-Петербурге, 2005.
6. **Панкрухин А.П.** Маркетинг территорий. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006.
7. **Панкрухин А.П.** Маркетинг города, муниципального образования // Рекламодатель: теория и практика. – 2002. – № 1.
8. **Калюжнова Н.Я.** Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации. – М.: ТЕИС, 2004.
9. <http://www.omskportal.ru>.
10. **Ханафиева С.** Как корабль вы назовете // Эксперт-Урал. – 2006. – № 6.
11. www.strana.ru.
12. **Важенина И.С.** Теоретико-методологические основы определения сущности репутации территории. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2006.

© Важенина И.С., Важенин С.Г., 2006

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АГРАРНЫХ РЕГИОНОВ

С.Г. Головина

Формирование рационального агропромышленного комплекса зависит от многих факторов и направлено в конечном итоге на решение двудеиной задачи: обеспечить продовольственную безопасность страны и создать нормальные условия жизни для сельского населения. Беспрецедентная трансформация аграрной экономики, заключающаяся во введении института частной собственности на землю и ресурсы, создании новых моделей управления производством и транзакциями, началась в 90-х годах и должна уже принести ощутимые плоды. Сейчас очевидно, что процесс реформирования сельского хозяйства оказался гораздо более дорогостоящим и медленным, чем это ожидалось. Российская деревня встретила новое тысячелетие с полностью разрушенным финансовым, физическим и человеческим капиталом. В значительной степени это является результатом не только предпринятых институциональных преобразований и формиро-

вания новой макроэкономической среды, но и воздействия исторически сложившихся в российской деревне неформальных институтов.

Наиболее остро кризис охватил регионы, не имеющие в структуре своих хозяйственных комплексов видов производств и отраслей, обеспечивающих извлечение крупных рентных доходов, которые при сложившемся экономическом механизме в значительной мере присваиваются территориальными образованиями по месту расположения предприятий этих отраслей (прежде всего газовой, нефтехимической). К числу таких «дотационных» территорий относятся, как правило, регионы с традиционно аграрной направленностью экономики. В составе Уральского федерального округа это Курганская область.

На начало 2005 г. в аграрном секторе Зауралья действовало 218 крупных и средних, 341 малое предприятие по производству сельскохозяйственной продукции, 3045 крестьянских (фермерских) хозяйств, 184,5 тыс. семей имели личные подсобные хозяйства. Активный рост числа новых хозяйственных структур – крестьянских (фермерских) хозяйств на фоне финансовых трудностей, недостатка материально-технических средств и некомпетентности многих владельцев сменился значительным его сокращением в последние годы.

Общая площадь сельскохозяйственных угодий, используемых в аграрном производстве, в последнее время стабилизировалась. В 2004 г. в Курганской области она даже увеличилась по сравнению с 1998 г. на 4,3%, однако в сельскохозяйственных организациях сократилась в 2 раза за счет передачи земель членам хозяйств в качестве земельной доли. Часть этих наделов использована гражданами для расширения личного подсобного хозяйства. Доля крестьянских (фермерских) хозяйств в площади сельскохозяйственных угодий всех землепользователей, занимающихся аграрным производством, составляет 7,8%. Незначительный рост площадей в крестьянских хозяйствах происходит при сокращении количества фермеров (с 1998 г. на 1101 хозяйство). В 2004 г. фермеры осуществляли сельскохозяйственное производство на 293,3 тыс. га сельхозугодий, средний размер земельного участка составил 98 га против 68 га в 1998 г.

Процессы реформирования сельского хозяйства отразились прежде всего на размерах посевной площади, которая в годы реформ повсеместно уменьшалась. В промышленных областях Уральского региона, имеющих значительно большие финансовые возможности для поддержки сельского хозяйства, к 2003 г. общая площадь посевов сельскохозяйственных культур уменьшилась на 30–40%, в Курганской области – более чем наполовину.

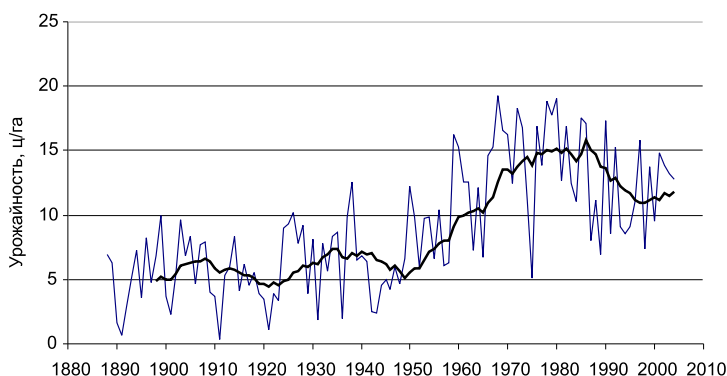
Таблица 1

**Посевные площади сельскохозяйственных культур по категориям хозяйств
в Курганской области, тыс. га**

Категория хозяйства	1991	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Хозяйства всех категорий	2589,6	2057,2	1971,8	1772,4	1675,9	1588,0	1488,7	1202,5	1295,0
Сельскохозяйственные предприятия	2556,6	1877,5	1788,2	1593,1	1489,4	1355,0	1231,4	935,7	996,1
Хозяйства населения	25,8	41,1	44,8	52,4	62,1	77,8	91,1	111,9	123,7
Крестьянские (фермерские) хозяйства	7,2	138,6	138,8	127,0	124,4	155,3	166,1	154,8	175,3

Наряду с ухудшением использования земельных площадей в годы реформ произошли сдвиги в структуре хозяйств, изменилось соотношение между различными их категориями. Вследствие сокращения деятельности на сельхозпредприятиях вынужденно растут площади посевов в хозяйствах населения, повышается их доля в общей структуре. В фермерских хозяйствах наблюдается та же тенденция, хотя рост менее стабильный (табл. 1).

Интересную информацию дает длительный, начиная с первых обследований Зауралья, динамический ряд урожайности зерновых культур по сопоставимой территории Курганской области (см. рисунок). При общей направленности ряда к медленному росту в первый период реформ средняя урожайность снизилась до уровня 1955–1965 гг. Сглаженный ряд свиде-

Урожайность зерновых культур в хозяйствах всех форм Курганской области

тествует о том, что все периоды социальных катаклизмов (революций, войн, коренных реформ) сопровождаются понижающейся волной. Не явилась исключением и последняя реформа. Несмотря на некоторый рост урожайности, он не восполняет недобора урожая, обусловленного уменьшением посевных площадей. Если среднегодовой сбор зерна в 1996–2000 гг. по областям Уральского федерального округа составлял 4,7 млн т, то в 2001–2004 гг. он снизился до 4,2 млн т. Проблемы, обострившиеся в зерновой отрасли в конце советского периода, в годы реформ еще более усугубились. Это наглядно видно на примере курганского зернопроизводящего региона (табл. 2).

Таблица 2

**Основные показатели производства зерна в Курганской области
(все категории хозяйств)**

Показатель	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001–2005
Посев зерновых культур, тыс. га	1695,8	1455,5	1258,3	994,8
То же, % к предыдущему периоду	94,5	85,8	86,5	79,1
Урожайность зерновых культур с 1 га убранной площади, ц	12,1	9,3	9,8	13,9
То же, % к предыдущему периоду	85,8	76,9	105,4	141,8
Валовой сбор зерна после доработки, тыс. т	1885	1491	1451	1129
То же, % к предыдущему периоду	78,2	79,1	97,3	77,8
Продано зерна, тыс. т.	538	409	764	561
То же, % к предыдущему периоду	52,8	76,0	186,8	73,4

Разрушительные процессы особенно затронули производственный потенциал животноводческих отраслей. Многократное сокращение поголовья скота на сельскохозяйственных предприятиях сопровождается ликвидацией ферм, разрушением животноводческих помещений, отступлением от сложившихся систем сельского хозяйства и необходимых пропорций между животноводством и растениеводством. В целом по стране поголовье крупного рогатого скота, свиней и овец уменьшилось в 2,5–3 раза. В отдельных регионах сокращение поголовья произошло в еще больших масштабах, причем этот процесс не остановлен. В Уральском федеральном округе практически ликвидировано шерстное тонкорунное овцеводство, овцепоголовье сохраняется лишь в хозяйствах населения (более 93% от об-

щей численности). Доля сельхозпредприятий в общем поголовье крупного рогатого скота и свиней составляет около половины, 3–4% его содержится в фермерских хозяйствах, остальное – в хозяйствах населения.

Продуктивность животных в первые годы реформ повсеместно упала, затем медленными темпами была восстановлена. Так, надой молока на одну корову на сельхозпредприятиях Уральского федерального округа в предреформенном 1990 г. составлял 2832 кг, в 1995 г. – 2017, в 2000 г. – 2360, в 2004 г. – 3157 кг (по стране – соответственно 2781, 2007, 2343, 3080 кг). Однако некоторый рост продуктивности далеко не восполняет недобора животноводческой продукции. Производство мяса и молока, как по России, так и в Уральском регионе уменьшилось почти в 2 раза, шерсти – в 5–7 раз. Дореформенные объемы производства достигнуты лишь в птицеводстве.

Известно, что сокращение производства сельскохозяйственной продукции может обуславливаться причинами, лежащими как на стороне предложения, так и на стороне спроса. В аграрных регионах уровень развития сельского хозяйства в значительной мере определяется не только производственными факторами, но и спросом на продукты питания. Рост сельскохозяйственного производства в таких регионах происходит, как правило, при улучшении макроэкономической динамики под влиянием повышения доходов и уровня жизни населения. В Зауралье показатели душевого потребления по большинству продуктов до начала трансформации экономики были близки к уровню западно-европейских и североамериканских стран. Централизованное планирование экономики позволяло фиксировать цены на уровне ниже реального (равновесного), что создавало завышенный спрос на продовольствие. Отмена субсидий и либерализация цен привели к снижению душевого потребления и ухудшению его структуры во всех регионах страны, в том числе в Курганской области, производившей ранее в расчете на одного жителя по 1,5–2 среднероссийские нормы основных видов продовольствия (табл. 3).

За 90-е годы почти в 2 раза сократилось потребление яиц, примерно на 40% – мясных и молочных продуктов, растительного масла. Как обычно бывает в подобных ситуациях, снижение потребления этих наиболее ценных видов продовольствия компенсируется ростом потребления картофеля. В последние три-четыре года структура среднедушевого потребления несколько улучшается, но она далека от дореформенной. Единственным положительным фактом можно считать стабильный рост потребления овощей, однако эти продукты ценны в структуре питания населения при достаточном уровне потребления калорийных и высокобелковых видов продовольствия.

Таблица 3

**Среднедушевое потребление продуктов питания населением
Курганской области в год, кг**

Вид продукта	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Мясо и мясопродукты	80	61	48	48	50	54	55
Молоко и молочные продукты	417	306	265	257	262	275	266
Яйцо, шт.	292	156	156	206	181	208	207
Хлебные продукты	118	119	114	114	116	116	122
Картофель	117	132	146	149	139	132	131
Овощи	83	84	129	129	133	133	134
Сахар	44	27	29	29	31	32	34
Растительное масло	10,0	6,6	7,8	8,2	8,3	8,8	9,2

Следует отметить, что данный уровень потребления продуктов питания в Зауралье в значительной степени поддерживается на нетоварной основе за счет хозяйств населения, более 43% которого проживает в сельской местности, где самый высокий уровень безработицы, а номинальная зарплата работника аграрного производства в 2,4 раза ниже среднеобластной и 2,8 раза меньше, чем в промышленности. В сложившихся экономических условиях в Курганской области, несмотря на повышение номинального среднедушевого денежного дохода населения, он остается самым низким среди субъектов Федерации Уральского федерального округа, а доля населения, проживающего за чертой бедности, – наиболее высокой (табл. 4).

При всех отклонениях отечественного ценового механизма от общих рыночных закономерностей можно предположить, что низкий уровень доходов населения и платежеспособного спроса не может не влиять отрицательно на динамику цен на сельскохозяйственную продукцию, а следовательно, на стимулы ее производства. Ситуация усугубляется неразвитостью рыночной инфраструктуры, наличием большого числа перекупщиков продукции, а значит, высокими транзакционными издержками. Кроме того, существенное влияние оказывает открытость рынка для импортной продукции, поставляемой в Россию часто по демпинговым ценам и с нарушением требований качества. Относительная дешевизна этой продукции привлекает многих покупателей (переработчиков) сельскохозяйственного сырья.

Таблица 4

**Среднедушевой денежный доход, прожиточный минимум и уровень бедности
в регионах Уральского федерального округа**

Регион	Среднедушевой денежный доход в месяц, руб.		Прожиточный минимум, руб.		Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума	
	2003	2004	2003	2004	2003	2004
Курганская обл.	2850,0	3710,0	2030,0	2279,0	45,2	36,5
Свердловская обл.	5278,0	6495,8	2156,0	2376,5	17,8	16,9
Челябинская обл.	3998,1	4717,3	2029,0	2256,0	24,5	25,1
Тюменская обл.	10555,5	11867,9	2818,0	2984,3	12,7	12,7

Основными причинами всех социально-экономических проблем сельских (аграрных) регионов является то, что коллективные предприятия любых организационных форм в большинстве своем функционируют неэффективно и являются убыточными на протяжении многих лет. Совокупность макроэкономических условий, состояние и взаимодействие формальных и неформальных институтов играют в этом определяющую роль. Помимо неблагоприятных макроэкономических условий причины низкой эффективности работы аграрных хозяйств разных форм кроются в их внутренней организации, слабой спецификации структуры прав собственности, неразвитости контрактных отношений, отсутствии опыта корпоративного управления, неиспользовании потенциала кооперации и других форм интеграции.

Производственные кооперативы и корпорации незначительно различаются в результатах своей деятельности, хотя специализация, размеры и мотивация имеют значение. Акционерную форму избрали предприятия с наиболее ликвидными активами (прежде всего птицефабрики), а также с конкурентоспособной предпринимательской идеей учредителей. В силу этих причин и относительно выгодной специализации корпоративные агропредприятия Зауралья имеют в целом несколько лучшие показатели деятельности, нежели кооперативы.

Поскольку у коллективов бывших советских сельскохозяйственных предприятий при выборе организационных форм были не очень глубокие представления об их сущности, преимуществах, недостатках и возможностях, а кроме того, большинство из них оказались в условиях, когда собственность приносит в основном убытки, поскольку новые легальные едини-

цы стали акционерными обществами и кооперативами лишь формально, но не по своей сути (за редким исключением). Традиционализм в поведении сельскохозяйственных рабочих и управляющих проявился в стремлении минимизировать институциональные изменения внутри предприятия и в сельской жизни: сохранить убыточные предприятия в надежде на продолжение государственной поддержки, выбрать форму организации производства, которая при всех внешних изменениях сохранит большинство прежних формальных и неформальных связей внутри предприятия. Многие предприятия остались в результате проводимых реформ со скудными активами, неблагоприятными неформальными институтами, слабым управлением и человеческим капиталом низкого качества.

Наряду с институциональными условиями неформальные институты реформируемой деревни воздействуют на адаптивные способности сельских домохозяйств и фирм, выбор организационных форм производства и эффективность их функционирования. Неформальные аграрные институты переходной российской экономики являются результатом предшествующего исторического развития и лишены логики и здравого расчета реформ последних лет. В свою очередь, они существенно сдерживают развитие новых форм хозяйствования, внедрение организационных инноваций и рост эффективности сельскохозяйственного производства в целом.

Для большинства отечественных аграрных реформ, революций и реорганизаций, многократно проводимых в последние полтора столетия, не характерны фундаментальная научно-методологическая проработка преобразований, их системность, эволюционный подход к их осуществлению, основанный на исторических, социально-экономических и организационно-технологических закономерностях развития сельского хозяйства при минимальном влиянии на выработку программы идеологических установок. Большинство сельского населения эти преобразования не понимало и не поддерживало. К сожалению, не явилась обнадеживающим исключением и реформа 90-х годов, негативные социально-экономические последствия которой общеизвестны (спад производства продукции, недоиспользование и даже уничтожение ранее созданного потенциала и др.). Разрушение крупного производства, с которым была связана вся жизнь селян, с одной стороны, и неблагоприятные макроэкономические условия развития индивидуальных хозяйств – с другой, вместе со специфическими неформальными институтами (безразличием, пьянством, воровством) довели российскую деревню до глубокой бедности и пугающей деградации.

ГРАНИЧНЫЕ СЦЕНАРИИ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

С.А. Суспицын, Н.И. Суслов

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00253)*

МЕТОДОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ОБЛАСТИ

В этой статье приводятся предварительные результаты долгосрочных прогнозов, разрабатываемых в рамках Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области [1]. Используемая методология формирования основных сценариев регионального развития изложена в публикуемой в этом же номере журнала работе одного из авторов статьи [2] и применительно к области в кратком виде состоит в следующем.

Новосибирская область представляет собой регион с незначительным природно-ресурсным потенциалом, вследствие чего ее промышленность преимущественно ориентирована на обрабатывающие отрасли. Значительный вес в народном хозяйстве области занимают отрасли, производящие услуги: транспорт и связь, наука, образование, здравоохранение и др. К настоящему времени сложилась устойчивая, достаточно диверсифицированная структура экономики области, и каждый ее сектор имеет высокую значимость. Рассчитанные по специальной методике оценки значимости сводных секторов представлены в табл. 1.

По данным табл. 1 можно сделать три вывода:

- 1) экономика Новосибирской области развивается в сводной структуре достаточно пропорционально, без заметных перекосов;
- 2) обобщенные пропорции воспроизводились в прошедшем пятилетнем цикле без особых изменений;

Таблица 1

Оценки значимости отраслей экономики Новосибирской области, % к итогу*

Отрасль	2001	2002	2003	2004	2005
Промышленность	18,5	18,5	18,5	18,5	18,5
Сельское хозяйство	16,6	16,6	16,5	16,5	16,3
Строительство	15,8	15,7	15,7	15,8	15,8
Транспорт	17,2	17,2	17,1	16,8	16,8
Связь	15,7	15,8	16,0	16,1	16,1
Торговля и общественное питание	16,2	16,2	16,2	16,3	16,5

* Расчеты проводились по методике, опирающейся в своей основе на метод анализа иерархий – МАИ (см.: **Саати Т., Кернс К.** Аналитическое планирование. Организация систем. – М.: Радио и связь, 1991), на данных выпусков товаров и услуг в текущих ценах, сравнительные объемы которых у разных отраслей были переведены в интервальную шкалу парных сравнений в соответствии с процедурами МАИ. Итогом сравнений являются сводные оценки значимости этих отраслей на 100%-й шкале для экономики области в целом.

3) высокую значимость в экономике области имеют отрасли, открытые к масштабному восприятию научно-технологических и организационно-институциональных новшеств (транспорт, связь, торговля). Промышленность области, не отягощенная первичными переделами и ориентированная на обрабатывающие сектора, также имеет потенциал перехода к инновационному пути развития.

Представляется, что все эти тенденции будут сохраняться и далее, существенно определяя основные возможности развития Новосибирской области в долгосрочной перспективе. Они аккумулируются в установках и условиях так называемого мобилизационного сценария развития, в рамках которого предполагается активная инициализация потенциалов (сегодняшних и будущих) всего того, что сумело выжить в трудные перестроечные времена и составило современный облик экономики области. Возможная неравномерность проявления этих потенциалов в конкретных секторах экономики будет носить перманентный характер и не приведет к возникновению существенных и долговременных диспропорций, поскольку основными движущими факторами будут ресурсы и мотивации саморазвития этих секторов, реально гибко и эффективно реагирующих на изменения масштабов и динамики платежеспособного спроса.

Таким образом, прогнозные расчеты вариантов социально-экономического развития Новосибирской области и формирование базовых сценариев осуществлялись при следующих методологических и содержательных предпосылках.

В качестве основного сценария развития Новосибирской области предлагается мобилизационный сценарий, который прорабатывается на сводном (макроэкономическом), конкретном (в условиях учета наиболее важных ограничений и балансов), проектном (наполняющем сводные показатели реальным содержанием по приоритетным направлениям развития Новосибирской области) уровнях. Предполагается проведение максимально возможной увязки показателей всех уровней расчетов.

Мобилизационный сценарий прорабатывается в конусе сценарных возможностей (с вершиной в 2005 г.), ограниченном двумя крайними сценариями. Минимальный сценарий – развитие области по инерционному типу, воспроизводящему условия и ограничения 2000–2005 гг. Максимальный сценарий – использование потенциальных возможностей области, не всегда обеспеченных условиями их реализации.

Эти сценарии прорабатываются в сводных показателях средствами макроэкономического моделирования. Используются также межотраслевые модели и модели отдельных комплексов (в частности, ТЭК) для оценки основных ресурсных ограничений:

- укрупненных балансов населения и трудовых ресурсов;
- межотраслевого баланса производства и потребления продукции;
- балансов производства и потребления электро- и теплоэнергии.

По ряду крупных проектов произведено их встраивание в систему межотраслевых взаимосвязей для полной оценки их влияния на экономику области.

Назначение крайних сценариев – в том, чтобы получить систему взаимосвязанных и непротиворечивых укрупненных показателей, определяющих вилку их возможных значений при более детальной проработке мобилизационного сценария.

Мобилизационный сценарий имеет двойное представление. С одной стороны, это скорректированный на реальные ограничения и проектные наполнения максимальный сценарий. С другой стороны, это скорректированный на продвижения по приоритетным и заведомо значимым направлениям инерционный сценарий. В принципе такие модификации крайних сценариев должны выделить в конусе сценарных возможностей область вариации параметров основного сценария развития Новосибирской области.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И СРАВНЕНИЯ ГРАНИЧНЫХ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ОБЛАСТИ

Стартовые условия долгосрочных прогнозов. Итоги развития Новосибирской области в период 2001–2005 гг. были достаточно впечатляющими. Рассчитанные по статистическим данным среднегодовые темпы прироста в этот период составили: по ВРП – 8,2%, по продукции промышленности – 7,7, по инвестициям в основной капитал – 11,6, по реальным денежным доходам населения – 20,3 %. Лишь сельское хозяйство демонстрировало устойчивый (но, заметим, затухающий) спад на уровне 0,7%. Потребительские цены прирастали в среднем на 12,6% в год, цены на продукцию промышленности – на 14,8%.

Содержательные итоги реализации инерционного сценария. Перенесение основных тенденций развития Новосибирской области, имевших место в 2001–2005 гг., на прогнозные периоды дает следующие результаты.

Среднегодовые темпы прироста экономики области и ее отдельных секторов снизятся по сравнению с 2001–2005 гг. и останутся в интервале 4,5–5,7% (табл. 2).

Численность населения будет постоянно снижаться и к 2025 г. составит 2420 тыс. чел. Соответственно будет сокращаться и численность насе-

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста по периодам в инерционном сценарии, %

Показатель	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2025
<i>Основные показатели:</i>				
ВРП	4,5	5,1	5,2	5,7
Инвестиции в основной капитал	7,0	7,4	7,3	7,0
Инфляция по ВРП	8,3	6,5	4,7	3,7
Реальная оплата труда	6,1	6,2	5,2	6,8
Реальная бюджетная обеспеченность	4,6	5,6	6,0	7,2
<i>Производство товаров и услуг, всего</i>	4,5	4,9	5,2	5,7
<i>В том числе:</i>				
промышленность	3,7	4,3	4,7	5,6
транспорт и связь	4,9	5,5	5,7	6,3
торговля и общественное питание	5,6	5,8	5,9	6,1
сфера нематериальных услуг	5,0	5,2	5,4	5,7

ления в трудоспособном возрасте при одновременном росте спроса на рабочую силу. Напряженность баланса трудовых ресурсов будет сниматься одновременным действием ряда факторов: ростом производительности труда (за период 2006–2025 г. в 2,9 раза), сохранением доли работающих пенсионеров, снижением безработицы и доли занятых внеэкономической деятельностью.

Сохранение мотиваций и действующего механизма стимулирования инвестиций определит достаточно скромный их рост к 2025 г. (в 4 раза по сравнению с 2005 г.). При этом доля собственных средств предприятий и организаций в совокупных инвестициях останется на уровне 60–65%, а использование их инвестиционного потенциала (чистой прибыли и амортизации) на инвестиционные нужды не превысит 49%.

Такие масштабы инвестиционной активности в регионе ограничивают возможности движения к экономике нового типа, определяя относительно скромные значения роста фондоотдачи, производительности труда, рентабельности производства.

Содержательные итоги реализации максимального сценария. Численность населения стабилизируется к 2015 г. с нарастанием ее к 2025 г. до 2780 чел., более быстрым ростом населения в дотрудоспособном возрасте и стабилизацией численности трудоспособного населения.

Рост экономики будет устойчиво превышать 8% в среднегодовом исчислении (табл.3).

Инвестиции в основной капитал возрастут в 2025 г. по сравнению с 2005 г. в 7,8 раза. В расчеты заложено ускоренное выбытие устаревших основных фондов. Такого масштаба инвестиций достаточно для полного обновления активной части основных фондов, повышения на этой основе качественных характеристик экономики: фондоотдачи, рентабельности, производительности труда.

Предполагается, что существенно изменится мотивационная основа инвестирования экономики. Доля использования собственного инвестиционного потенциала предприятий и организаций на инвестиционные цели достигнет к концу периода 90%. Важную роль в изменении инвестиционного климата сыграют инвестиционные проекты, финансируемые за счет бюджетных средств. Их суммарная доля в общих инвестициях может возрасти с 15 до 26%. При этом региональный бюджет во все больших масштабах будет финансировать расходы на модернизацию и развитие социальной инфраструктуры, обустройство активно осваиваемой территории, охватываемой Новосибирской агломерацией. Федеральные средства будут

Таблица 3

Среднегодовые темпы прироста по периодам в максимальном сценарии, %

Показатель	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2025
<i>Основные показатели:</i>				
ВРП	8,2	8,4	8,0	8,5
Инвестиции в основной капитал	12,8	10,4	10,3	9,7
Инфляция по ВРП	7,5	5,5	4,5	3,5
Реальная оплата труда	9,9	7,4	8,4	8,0
Реальная бюджетная обеспеченность	7,4	7,8	8,4	8,4
<i>Производство товаров и услуг, всего</i>	7,1	7,8	7,6	8,1
<i>В том числе:</i>				
промышленность	8,6	8,6	8,2	8,3
сельское хозяйство	4,0	5,4	4,5	5,1
строительство	9,4	9,3	8,9	8,8
транспорт и связь	6,4	6,5	6,7	7,1
торговля и общественное питание	7,4	7,6	7,4	7,9
сфера нематериальных услуг	6,8	8,5	8,2	9,1

выделяться на софинансирование объектов транспортной и дорожной инфраструктуры межрайонной и федеральной значимости: транспортных выходов и таможенных переходов в направлении Казахстана, линейных участков федеральных дорог, проходящих по территории Новосибирской области, обходных дорог вокруг г. Новосибирска и др. (табл. 4).

Доля заемных средств в финансировании инвестиций будет умеренно возрастать до 2015 г. Такой рост компенсирует еще недостаточную, хотя и возрастающую инвестиционную активность предприятий и организаций за счет использования их собственных средств. К концу периода доля заемных средств в инвестициях снизится до уровня, близкого к начальному.

Расчетные индикаторы социально-экономического развития Новосибирской области по максимальному варианту приведены в табл. 5.

Доля занятого населения несколько сократится вследствие роста населения в дотрудоспособном возрасте и снижения доли работающих пенсионеров. Реальная заработная плата (рассчитанная по индексу-дефлятору

Таблица 4

**Структура источников финансирования инвестиций в основной капитал
в максимальном сценарии, %**

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025
Всего инвестиционных ресурсов	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средства предприятий и организаций	67,6	64,6	61,8	58,3	54,1
Региональный бюджет	5,5	6,1	7,6	8,7	10,6
Федеральный бюджет	10,0	9,7	9,1	13,4	16,4
Привлеченные инвестиционные ресурсы	16,9	19,6	21,5	19,6	18,9

Таблица 5

**Основные индикаторы развития Новосибирской области в максимальном
сценарии (в ценах 2005 г.)**

Показатель	2005	2010	2015	2020	2025
Доля занятых в населении	45,7	45,5	45,2	45,0	43,3
Фонд оплаты труда на 1 занятого, тыс. руб./чел.	5,8	9,2	13,2	19,7	29,0
Душевой ВРП, тыс. руб./чел.	91,8	136,5	204,3	299,1	431,3
Производительность труда, тыс. руб./чел.	381,3	543,1	795,8	1150,0	1692,8
Средняя фондоотдача, коп./руб.	83,8	96,9	108,6	116,8	126,3
Инвестиции на 1 руб. ВРП, коп./руб.	13,4	16,5	18,0	20,0	21,2
Рентабельность основных фондов (по ВРП), коп./руб.	44,1	53,5	61,7	67,6	74,2
Доля добавленной стоимости в про- изводстве товаров и услуг, %	50,4	53,5	54,0	56,8	56,6
Налоговая нагрузка, % к ВРП	30,4	31,5	32,1	33,8	35,9
Доля доходов федерального бюджета в налоговых доходах, %	43,5	45,2	47,0	47,8	48,4
Бюджетная обеспеченность региона, тыс. руб./чел.	11,7	16,7	24,3	36,3	54,4

ВРП) в любой десятилетний период более чем удваивается (рост по периодам в 2,1–2,3 раза).

В экономике вследствие ее масштабной модернизации нормализуются основные пропорции, уровень рентабельности и доля накопления, снижа-

Таблица 6

Сравнительные характеристики инерционного и максимального сценариев, раз (2025 г. к 2005 г.)

Показатель	Инерционный сценарий	Максимальный сценарий
Рост производительности труда	2,9	4,5
Рост инвестиций в основной капитал	4,0	7,8
Рост реальной оплаты труда	3,3	6,0
Рост душевого ВРП	3,8	4,7

ется материалоемкость общественного производства, к концу периода сближаются темпы роста заработной платы и производительности труда (ее рост отставал в первой половине прогнозного периода).

Сравнительные характеристики инерционного и максимального вариантов. В среднем динамика роста экономики Новосибирской области в максимальном варианте выше, чем в инерционном, в 1,5–1,6 раза, в том числе по росту производительности труда – в 1,55 раза, по росту инвестиций – в 1,95, по росту реальной оплаты труда – в 1,8, по росту душевого ВРП – в 1,2 раза (табл. 6). Более скромные оценки, чем в среднем, по производительности труда и душевому ВРП в максимальном варианте объясняются разной динамикой населения в максимальном и инерционном вариантах. В инерционном варианте население и его трудоспособная часть, а вместе с тем и численность занятых сокращаются во всем расчетном периоде, в максимальном – ожидается рост этих показателей с 2015–2020 гг.

Более высокая доля накопления в ВРП в максимальном варианте (21,2% против 19,6%) достигается на фоне существенно больших масштабов роста экономики (табл. 7).

Внешние условия. Важным фактором макроэкономических расчетов являются гипотезы о состоянии и изменении внешних условий, прямо не фиксируемых в специально выделенных параметрах и отражаемых в конечном счете в общей динамике прогнозных индикаторов. Для того чтобы как-то аргументировать то, что в предлагаемых сценариях косвенным образом отражаются варианты развития внешней среды, используется следующий прием. Изучаются и по однотипным показателям сопоставляются варианты прогнозных расчетов других организаций, и не только по Новосибирской области. Если итоги таких сравнений говорят о схожести динамики основных процессов, близких вилках возможных значений одно-

Таблица 7

Некоторые финальные оценки по граничным сценариям, %

Показатель	2005	2025	
		Инерционный сценарий	Максимальный сценарий
Коэффициент выбытия основного капитала	0,7	2,0	3,5
Доля инвестиций в ВРП	13,4	19,7	21,2
Использование инвестиционного потенциала предприятиями	47,8	47,8	90,0
Доля добавленной стоимости в стоимости товаров и услуг	50,4	55,2	56,8
Налоговая нагрузка	30,4	38,4	35,9

именных индикаторов, то вполне правомерен вывод о том, что и в наших расчетах по Новосибирской области условия внешней среды в целом отражаются близким образом.

Ниже приведены некоторые итоги следующих расчетов:

- прогнозов социально-экономического развития Новосибирской области на 2006–2009 гг., подготовленных в департаменте экономики и планирования администрации области по методике и сценарным условиям Минэкономразвития России [3];
- прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации до 2009 г., подготовленных в Минэкономразвития России [4];
- прогнозов социально-экономического развития Сибирского федерального округа на период до 2029 г., подготовленных силами аппарата Полномочного представителя Президента РФ и СО РАН в процессе разработки новой редакции Стратегии социально-экономического развития Сибири [5, 6].

Сравнение прогнозов развития Новосибирской области на период 2006–2009 гг., выполненных в администрации области и в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН (табл. 8). Наиболее близок к варианту администрации области максимальный сценарий ИЭОПП СО РАН, в котором несколько более оптимистично оцениваются перспективы роста промышленности и сельского хозяйства. Оба этих варианта рассчитаны в предположениях, концептуально определяемых сценарными условиями умеренно оптимистичного сценария раз-

Таблица 8

Среднегодовые темпы прироста основных макропоказателей развития экономики Новосибирской области на период до 2010 г.

Показатель	Прогноз администрации области (2006–2009 гг.)	Сценарии ИЭОПП СО РАН (2006–2010 гг.)	
		Инерционный	Максимальный
ВРП	8,3	4,5	8,2
Инвестиции в основной капитал	12,9	7,0	12,8
Продукция промышленности	8,0	3,7	8,6
Продукция сельского хозяйства	3,6	2,1	4,0

вития Российской Федерации, разработанного в Минэкономразвития России для страны в целом, и неудивительно, что они близки по важнейшим макропоказателям. Кроме того, ориентация на высокие темпы развития на короткий (трехлетний) период не создает богатого разнообразия методов, механизмов и ресурсов их обеспечения, что могло бы приводить к разным промежуточным траекториям в рамках более отдаленной перспективы.

Сравнение вариантов развития Новосибирской области и России (табл. 9). Министерством экономического развития и торговли РФ разра-

Таблица 9

Среднегодовые темпы прироста основных макропоказателей развития экономики Российской Федерации и Новосибирской области на период до 2010 г.

Показатель	Россия (Минэкономразвития, 2006–2009 гг.)		Новосибирская обл. (ИЭОПП СО РАН, 2006–2010 гг.)	
	Инерционный сценарий	Умеренно оптимистический сценарий	Инерционный сценарий	Максимальный сценарий
ВРП	5,5	6,1	4,5	8,2
Инвестиции в основной капитал	7,9	10,2	7,0	12,8
Продукция промышленности	—	4,5	3,7	8,6
Продукция сельского хозяйства	—	2,8	2,1	4,0

ботаны два базовых сценария социально-экономического развития страны на период 2006–2009 гг. – инерционный и умеренно оптимистический, различающиеся в основном вариантами экспорта энергоносителей и масштабами модернизации экономики на новой инновационной основе.

В инерционных сценариях развития импульсы роста экономической активности низкие, что заметно снижает темпы экономического развития. При этом «запас инерции развития» экономики у России в целом больше, чем у Новосибирской области, поскольку он базируется на растущем спросе ближнего и дальнего зарубежья на российские энергоресурсы. Но в максимальных вариантах, в которых в большей мере должны быть задействованы инновационные факторы роста, экономика Новосибирской области как менее инерционная структура легче к ним адаптируется и легче перестраивается, что определяет и большие темпы ее развития.

Сравнение вариантов развития Сибири и Новосибирской области (табл. 10). С точки зрения долгосрочной перспективы полезно сравнить прогнозные расчеты по Новосибирской области и по Сибирскому федеральному округу, выполненные при подготовке новой редакции Стратегии социально-экономического развития Сибири. Основными задачами этой стратегии являются крупномасштабное вовлечение в хозяйственный оборот природно-ресурсного потенциала Восточной Сибири, и в первую очередь ее топливно-энергетических ресурсов, модернизация существующей

Таблица 10

Среднегодовые приросты ВРП и инвестиций в максимальных вариантах стратегий развития Сибири и Новосибирской области

Показатель	Новосибирская обл.	Сибирь
<i>2006–2010</i>		
ВРП	8,2	7,0
Инвестиции	12,8	9,9
<i>2011–2015</i>		
ВРП	8,4	7,6
Инвестиции	10,4	9,3
<i>2016–2020</i>		
ВРП	8,0	9,2
Инвестиции	10,3	10,4

экономики на новых проектно-технологических и организационно-экономических идеях, на основе развития экономики знаний и наукоемкого сектора экономики [2, 5].

При сравнении обобщающих индикаторов (темпов экономического роста и инвестиций) заметна высокая коррелированность вариантов развития Сибири и Новосибирской области, что может рассматриваться как аргумент в пользу близости основных внешних сценарных условий.

Вместе с тем, как и при сравнениях с прогнозами Минэкономразвития для России в целом, видно, что экономика Новосибирской области более «легка на подъем», более восприимчива к идеям модернизации и более эффективна в отношении отдачи от инвестиций, по крайней мере в первой половине прогнозного периода, когда еще не успевают созреть кумулятивные эффекты в экономике новых ресурсодобывающих территорий Сибири. Такое опережение в темпах развития Новосибирской области по сравнению с остальной частью Сибири, основанное на более раннем вхождении в экономику нового типа, может закрепить за областью положение региона-лидера, транслирующего другим регионам новые научно-технологические решения.

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ КРАЙНИЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ОБЛАСТИ ДО 2025 г.

Общие черты крайних вариантов с позиции ожидаемых структурных сдвигов. С точки зрения основных особенностей структуры выпуска и потребления продукции и услуг, элементов ВРП Новосибирской области рассматриваемые крайние варианты развития области имеют как общие черты, определяемые устойчивостью некоторых условий перспективного развития экономики страны, назревшими проблемами, решение которых потребуется в любом случае, так и специфику, вызванную возможными различиями во внешних и внутренних факторах. Так, к общим свойствам обоих крайних сценариев можно отнести следующее.

1. В обоих вариантах рост конечного потребления превышает рост ВРП. Это означает, что в рассматриваемый период в любом случае предстоит решать масштабные задачи замены производственного аппарата, воссоздания и развития производственной инфраструктуры, массовой подготовки кадров, способных трудиться в рамках новых производственных структур. Это означает и то, что большая часть отдачи от инвестиций

в основной и человеческий капитал ожидается лишь за пределами рассматриваемого периода, и, таким образом, новый производственный аппарат и новая квалифицированная рабочая сила рассматриваются нами как важнейший результат развития.

2. По тем же причинам на протяжении всего периода заметно возрастает доля накопления в ВРП области, достигая своего максимума в последнем его пятилетии. В целом по сравнению с 2005 г. к 2025 г. по минимальному варианту рост доли накопления основного капитала в ВРП увеличивается в 1,47 раза, а по максимальному – в 1,58 раза. При этом основной рост нормы накопления приходится на первое пятилетие, а затем она растет и дальше, но меньшими темпами (табл. 11).

3. Рост масштабов производства, а также необходимость коренного перевооружения производства с переходом на технологии четвертого и пятого технологических укладов обуславливают кратное увеличение за рассматриваемый период объема возмещаемого основного капитала – в 5,0 и 10,7 раза по минимальному и максимальному вариантам соответственно.

4. В обоих вариантах в целом за период оплата труда увеличивается несколько больше, чем ВРП. Но если по минимальному сценарию такое опережение является постоянным, то для максимального оно имеет место лишь в начальные годы, а далее больший рост других элементов конечного

Таблица 11

**Темпы прироста элементов ВРП по крайним вариантам стратегии развития
Новосибирской области, %***

Показатель	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2025	За период, раз
ВРП	4,5–8,2	5,1–8,4	5,2–8,0	5,7–8,5	2,7–4,9
Потребление домашних хозяйств	5,8–9,7	6,0–7,3	4,9–8,4	6,4–8,1	3,1–5,0
Потребление государства	4,1–7,3	5,1–7,5	5,5–8,5	6,7–10,0	2,8–4,9
Накопление основного капитала	7,0–12,8	7,4–10,4	7,3–10,3	7,0–9,7	4,0–7,8
Доля накопления в ВРП	2,4–4,3	2,2–1,8	2,0–2,1	1,2–1,1	1,5–1,6

* Нижняя граница вилки соответствует минимальному варианту, верхняя – максимальному.

спроса в Новосибирской области приводит к обратному соотношению. В любом случае предполагается заметное увеличение оплаты труда как следствие роста производительности труда, достигаемого за счет внедрения новых технологий, общего улучшения их использования, значительно-го снижения издержек производства, организации и управления. Рост оплаты труда должен не только усиливать стимулы к труду, но и способствовать развитию внутреннего рынка области, которое мы рассматриваем как значимое конкурентное преимущество крупного производственного, инфраструктурного и делового центра, каковым является территория области, и особенно г. Новосибирск.

Особенности динамики основных отраслей экономики области и тенденции изменения структуры выпуска. Рассматриваемые сценарные варианты имеют как общие черты, так и различия и по обобщенным структурным характеристикам. Так, в обоих случаях строительство лидирует по темпам роста, а сельское хозяйство является аутсайдером. Лидерство строительной отрасли вызвано интенсивной динамикой инвестиций в основной капитал – на уровне 4,0–7,8 раза за период в целом (рис. 1, 2). Тот факт, что динамика объема строительно-монтажных работ при этом все же отстает от указанных цифр (общий рост составляет 3,9–5,7 раза), объясняется значительным увеличением активной составляющей во вводимых фондах, т.е. доли оборудования в капитальных вложениях. То, что сельское хозяйство имеет наименьшие темпы роста, отражает общую тенденцию изменения структуры потребностей общества в пользу продукции высокого уровня переработки и услуг. Вместе с тем в Новосибирской области

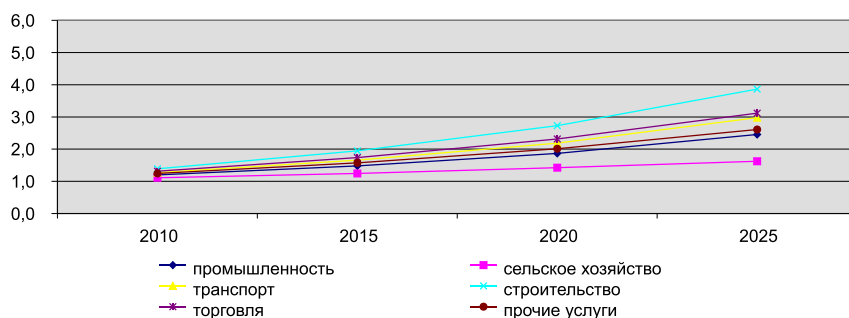

Рис. 1. Динамика выпуска по отраслям экономики Новосибирской области, минимальный вариант, раз (2005 г. = 1)

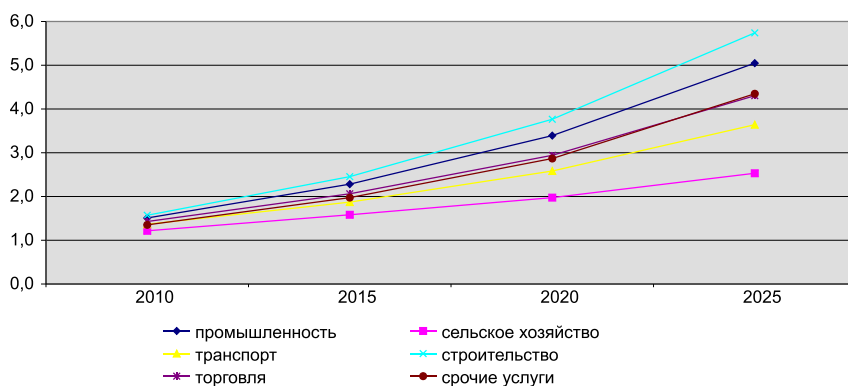

Рис. 2. Динамика выпуска по отраслям экономики Новосибирской области, максимальный вариант, раз (2005 г. = 1)

имеются возможности для роста производства продукции как растениеводства, так и животноводства, который будет достигаться за счет увеличения продуктивности и при снижении (причем значительном) численности занятых. Сельское население в перспективе должно стать источником кадров для промышленности области, а также для других несельскохозяйственных отраслей производства, и, таким образом, будут завершены начавшиеся в начале прошлого века процессы индустриализации.

Отрасли торговли и транспорта в обоих вариантах имеют темпы роста, более высокие по сравнению с сельским хозяйством, но ниже, чем у строительства. Роль этих отраслей понятна: они реализуют «естественные конкурентные преимущества области, связанные с ее экономико-географическим положением, – это обеспечение транспортных коридоров, торговое посредничество. Рост других услуг, в том числе характеризующихся как «новые», вызванных к жизни переходом современной экономики на четвертый и пятый технологические уклады, несколько отстает по минимальному варианту, но опережает рост инфраструктурных отраслей хозяйства в максимальном сценарии. К «новым» услугам относятся обеспечение и обслуживание бизнеса, развитие «индустрии развлечений», туризм, рекреация. Не отстает и развитие более традиционных, но значительно усиливающих свое значение по сравнению с прошлыми формациями услуг таких отраслей, как наука, образование, финансовое посредничество. Соответствующие индексы роста за 20 лет составляют 2,8–4,8 раза в зависимости от сценария.

Главное структурное различие между рассматриваемыми крайними сценариями состоит в роли промышленности. В минимальном варианте промышленность имеет темпы роста ниже, чем у всех остальных отраслей экономики области, кроме сельского хозяйства, а в максимальном – наоборот, наивысшие, не считая строительства. Таким образом, промышленность рассматривается нами как основное звено хозяйства, за счет которого возможно ускорение динамики производства. При этом происходит мобилизация усилий и ресурсов области и подключаются конкурентные преимущества более высокого уровня по сравнению с «естественными», для задействования которых необходимы как более благоприятные внешние условия, так и серьезные усилия на уровне самой территории. К таким конкурентным преимуществам относятся потенциально большая емкость внутреннего рынка, развитие инновационной экономики, включая систему образования, исследований и внедрения, причем предполагаются активная промышленная политика и успешное институциональное развитие. Но при этом область не только не утрачивает естественные конкурентные преимущества, но даже усиливает их использование, что становится возможным за счет общего ускорения развития экономики, вызываемого промышленным ростом. Большое значение имеют крупные промышленные и инфраструктурные проекты, позволяющие резко ускорить темпы роста отдельных отраслей, а также в рамках системы межотраслевых взаимосвязей дать дополнительный импульс развития другим сферам хозяйства.

Реализация крупных производственных проектов может также усиливать или менять территориальную специализацию области. На рисунке 3

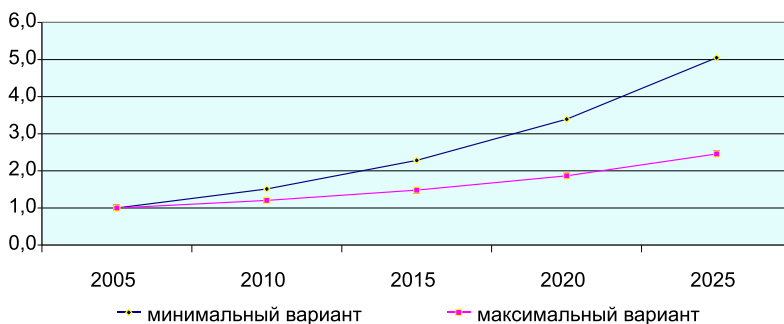

Рис. 3. Динамика роста промышленного производства Новосибирской области в 2006–2025 гг., раз (2005 г. = 1)

представлена сравнительная динамика развития промышленности по рассматриваемым вариантам. График показывает равномерное опережение темпов по максимальному сценарию по сравнению с минимальным для всех периодов времени. Общее превышение роста за 20-летний период составляет 2 раза: 5 раз против 2,5 раза.

Соответствующим образом меняется структура выпуска товаров и производства услуг (табл. 12). Промышленность в случае минимального развития хозяйства еще более утрачивает свои позиции и с 26,4% в 2005 г. (по классификации ОКОНХ) уменьшает долю в совокупном выпуске до 24%. В максимальном сценарии доля промышленности в совокупном выпуске значительно увеличивается – до 30,5%, но все равно остается заметно меньше среднероссийского уровня. Отрасли транспорта и торговли, наоборот, по первому варианту увеличивают свои доли, по второму – сокращают. При этом общая доля товаров в совокупном выпуске снижается по минимальному варианту и растет по максимальному. В любом случае данный показатель не достигает и 40%, что заметно меньше, чем в среднем в российской экономике и существенно меньше того уровня, который был характерен до экономического кризиса 90-х годов. Такое соотношение объясняется тем, что научно-технический прогресс вступает в новую стадию,

Таблица 12

**Изменение структуры совокупного выпуска ВРП по крайним вариантам
развития Новосибирской области, %***

Отрасль	2005	2010	2015	2020	2025
Промышленность	26,4	25,4–28,3	24,7–29,3	24,1–30,2	24,0–30,5
Строительство	4,0	4,4–4,4	4,9–4,7	5,3–5,0	5,7–5,2
Сельское хозяйство	6,7	6,0–5,8	5,3–5,2	4,7–4,5	4,1–3,9
Транспорт и связь	12,8	13,0–12,4	13,4–11,7	13,7–11,2	14,1–10,7
Торговля	18,3	19,3–18,6	20,1–18,4	20,8–18,2	21,2–18,0
Сфера прочих услуг**	31,9	31,9–30,6	31,7–30,7	31,4–30,9	30,9–31,8
И т о г о совокупный выпуск	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Доля товаров	37,0	35,8–38,5	34,8–39,3	34,1–39,7	33,8–39,6
Доля услуг	63,0	64,2–61,5	65,2–60,7	65,9–60,3	66,2–60,4

* Левое значение вилки соответствует минимальному варианту, правое – максимальному.

** Включая жилищно-коммунальное хозяйство.

соответствующую пятому технологическому укладу, который предполагает революцию в коммуникационных системах, основанных на информационных технологиях, пронизывающих и другие сферы экономики. Пятый технологический уклад предполагает также прорыв в экономике знаний, развитие «экономики человека» – медицины, рекреации, туризма. Важнейшим условием развития становится накопление человеческого капитала.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ – ГЛАВНОЕ СРЕДСТВО УСКОРЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ОБЛАСТИ

Минимальный вариант – инерция развития. Роль промышленности в объяснении как разрыва в темпах экономического роста, так и различий в структуре производства между крайними вариантами является, таким образом, первостепенной. Для минимального варианта мы принимаем траекторию инерционного промышленного роста, реагирующего на поступательное увеличение спроса по мере роста ВРП и доходов. При этом в рамках данного сценария не происходит серьезных сдвигов в региональной специализации Новосибирской области. Важнейшим двигателем увеличения промышленного производства является дальнейшая диверсификация выпуска; инвестиции осуществляются главным образом в обновление действующих мощностей, перевооружение предприятий; новые предприятия не являются слишком крупными. При объяснении достаточно ровных и весьма умеренных темпов прироста отраслей промышленности большую роль играет инерция освоения и обновления уже имеющихся производственных мощностей. Максимальные среднегодовые темпы прироста за весь период имеют отрасли инвестиционного комплекса – машиностроение и промышленность строительных материалов: 6,7 и 6,9% в год.

Максимальный вариант – крупные промышленные проекты. При объяснении промышленной динамики в максимальном варианте очень существенно значение крупных инвестиционных проектов, которые резко увеличивают темпы роста таких отраслей, как топливная промышленность, черная и цветная металлургия, лесопереработка, химическая промышленность, промышленность строительных материалов, а возможно, и других. Полный набор крупных проектов, которые могут быть осуществлены в промышленности за все 20 лет, сейчас обозначить трудно, если вообще реально: имеющиеся предложения, как правило, совершенно недостаточно проработаны, в то же время за столь долгий срок возможно появление новых проектов, выдвинутых как фирмами области, так и другими

компаниями. Имеется лишь пять проектов, реализация которых либо уже начата, либо имеется высокая вероятность ее начала до 2010 г. Это увеличение добычи и обогащения антрацита (СУАЛ), развитие Новосибирского электродного завода (СУАЛ), строительство электрометаллургического завода по выпуску стального проката («МАКСИ-групп»), производство слябов (ОАО «Новосибирский металлургический завод им. Кузьмина»), расширение производства цемента (ОАО «Искитимцемент»).

Для оценки возможного воздействия указанных проектов на объемы промышленного производства мы использовали модельный комплекс СИБАРП, включающий модели перспективных межотраслевых балансов области. Общий прирост выпуска продукции по соответствующим отраслям вместе с необходимым для этого приростом инвестиций (в годовом исчислении), приростом потребления домашних хозяйств и государства, которое увеличивается ввиду повышения выплат за труд и налогов в бюджет, был заложен в межотраслевую модель Новосибирской области. Результат – общий рост производства в области не только по промышленности, но и по другим отраслям, хотя при упрощающем условии, что весь указанный прирост приходится на территорию области, что вряд ли оправданно. Данное упрощение, однако же, позволило определить полные затраты на реализацию рассматриваемых проектов. Полные затраты промышленной продукции составили 45% от всего промышленного прироста в области по максимальному варианту, а полные затраты всей продукции и услуг – 31,4% от прироста совокупного выпуска.

Наш вывод состоит в том, что реализация только пяти указанных крупных проектов промышленного развития может очень сильно повлиять на промышленный рост в целом. Но существует возможность, что на определенном этапе могут быть приняты к реализации и другие проекты, такие как развитие южно-сибирского комплекса глубокой переработки углеводородного сырья, строительство Новосибирской ТЭЦ-6, проекты в авиастроении, автомобильной промышленности, лесопереработке и др. Их принятие тем более вероятно, чем более благоприятными будут общеэкономические условия в России, чем успешнее будет институциональное строительство, чем более акцентированной будет промышленная политика в области – что и предполагает максимальный сценарий развития.

Ближайшее пятилетие: возможно резкое ускорение промышленного роста. Проведенный в рамках первого этапа разработки стратегии развития Новосибирской области опрос промышленных предприятий также свидетельствует о больших возможностях промышленного роста (табл. 13).

Таблица 13

Рост производства по совокупности обследованных предприятий Новосибирской области за период 2006–2010 гг.

Отрасль	Доля в выпуске отрасли в 2004 г., %	Рост, раз		
		Обследованные предприятия	Максимальный вариант	Вариант администрации области
Электроэнергетика	5,6	1,154	1,161	1,161
Топливная промышленность	84,9	2,956	2,902	1,990
Черная металлургия	91,6	2,152	2,695	1,589
Цветная металлургия	1,0	1,067	1,654	1,654
Хим. и нефтехим. промышленность	23,3	1,859	1,317	1,317
Машиностроение и металлообработка	15,0	1,711	1,594	1,594
Промышленность строит. материалов	14,0	1,990	1,763	1,590
Легкая промышленность	22,0	1,615	1,080	1,080
Пищевая промышленность	11,6	1,693	1,167	1,167
Прочие отрасли промышленности	8,7	2,872	1,176	1,176
В с е г о	15,7	2,103	1,510	1,404

Проектируемый рост по 31 предприятию, попавшему в данную выборку, за период 2006–2010 гг. составляет 2,1 раза, что больше, чем по нашему максимальному варианту, предусматривающему рост за указанный период по всем промышленным предприятиям области в 1,5 раза. Разница, по-видимому, объясняется, во-первых, далеко не полным охватом данной выборкой всей совокупности предприятий, которая в 2004 г. имела долю в выпуске промышленности области лишь около 16%. Во-вторых, как можно предполагать, на предложенную анкету откликнулась наиболее активная часть предприятий промышленности области, имеющая при этом наибольшие «амбиции» в отношении роста. Отметим, однако, близость темпов роста в нашем варианте и проектируемых темпов у охваченной обследованием совокупности предприятий по таким отраслям, как топливная промышленность, машиностроение, стройматериалы. С другой стороны, темпы максимального варианта стратегии близки к прогнозу, выполненному в админист-

рации области, который, правда, составлен лишь до 2009 г. и экстраполирован нами до 2010 г. Темпы в нашем максимальном варианте несколько превышают темпы в варианте администрации области за счет большего развития отраслей, в которых учтены рассмотренные выше проекты.

В целом за 20-летний период в максимальном сценарии наибольшими темпами развиваются топливная промышленность, цветная и черная металлургия, получающие сильные импульсы от реализации уже известных проектов, а также отрасли инвестиционного комплекса, движимые высоким спросом на капитальные вложения (табл. 14).

Для отраслей потребительского назначения – легкой и пищевой промышленности прогнозируется умеренная динамика: от 3,1 до 4,8% в год за разные пятилетия. Здесь мы столкнулись с наибольшим уровнем неопределенности, поскольку при современных технологиях развитие производств потребительского сектора в наименьшей степени определяется природ-

Таблица 14

Темпы прироста в отраслях промышленного производства по крайним вариантам стратегии развития Новосибирской области*

Отрасль	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2025	2006–2025
Электроэнергетика	2,3–3,0	2,4–3,6	2,4–3,6	2,4–3,6	2,4–3,4
Топливная промышленность	3,7–23,7	2,0–9,2	2,7–8,8	7,0–8,8	3,8–12,5
Черная металлургия	2,7–21,9	3,2–18,9	3,3–13,5	6,5–9,3	3,9–15,8
Цветная металлургия	3,2–10,6	4,3–9,3	4,6–9,3	7,6–9,7	4,9–9,7
Хим. и нефтехим. промышленность	4,6–5,7	4,6–8,8	5,0–8,6	5,1–8,9	4,8–8,0
Машиностроение	5,7–9,8	6,8–9,9	7,1–9,1	7,1–9,7	6,7–9,6
Лесная и лесоперераб. промышленность	2,1–11,1	2,1–10,3	2,5–9,2	8,0–8,9	3,6–9,9
Промышленность строит. материалов	6,5–12,0	6,9–9,9	7,1–8,8	7,2–8,6	6,9–9,8
Легкая промышленность	1,4–1,6	2,4–3,0	2,5–3,1	3,0–5,7	2,3–3,3
Пищевая промышленность	2,5–3,1	2,6–4,8	3,2–4,7	3,7–6,4	3,0–4,8
Промышленность в целом	3,7–8,6	4,3–8,6	4,7–8,2	5,6–8,3	4,6–8,4

* Левое значение вилки соответствует минимальному варианту, правое – максимальному.

но-географическими условиями. Их большего или меньшего развития можно ожидать в крупных экономических центрах в зависимости от конкретных обстоятельств: от политики местных властей, от индивидуальных предпринимательских усилий, от успешности менеджмента. Здесь, на наш взгляд, по крайней мере при долгосрочном прогнозировании, выше элемент случайности, чем при определении возможной динамики в большинстве других промышленных отраслей.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ: БЕЗ ЧЕГО НЕВОЗМОЖЕН БЫСТРЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ?

Промышленная политика. Для наибольшего приближения к «верхнему» крайнему варианту развития экономики Новосибирской области, на наш взгляд, недостаточно только благоприятных для области внешних экономических условий. Очень важны меры по мобилизации ресурсов и усилий местных элит власти и бизнеса. Для этого потребуется разработать и законодательно закрепить промышленную политику Новосибирской области, включая ее приоритеты, программное наполнение и инструменты. Важнейшей составной частью промышленной политики должна стать тарифная политика, здесь имеется в виду регулирование тарифов не только на энергию, но и на услуги других коммуникационных систем, значение которых будет возрастать. Думается, что основной документ, специфицирующий промышленную политику на территории области, – концепцию промышленной политики следует принять в законодательном собрании Новосибирской области уже в ближайшее время, одновременно и во взаимосвязи со стратегией развития области.

Строительный комплекс. Важнейшим проблемным звеном в аспекте обеспечения высокого экономического роста Новосибирской области является строительный комплекс. По максимальному сценарию масштабы предстоящего строительства таковы, что территория области превращается в «строительную площадку». К концу периода объем строительно-монтажных работ должен превысить нынешний уровень почти в 8 раз. Во столько же раз, но с опережением во времени требуется нарастить инвестиции в сам комплекс. Резко увеличиваются доли обновляемых основных фондов, а физический объем основного капитала должен возрасти также кратно – не менее чем в 3 раза. Таким образом, происходит полное обновление всего производственного аппарата и значительной части жилищного

фонда, где также потребуется обновить и модернизировать все коммуникации. Очень сильно должны возрасти объемы выбытия старых основных фондов: в 5 раз по минимальному сценарию и десятикратно – по максимальному. В связи с этим мы считаем необходимым уже сейчас обозначить еще одну проблему: потребуется создание индустрии утилизации и рециклизации отходов, включая выводимые элементы основного капитала.

Развитие транспортных коридоров, других коммуникационных систем, торговли. Развитие этих сфер несомненно повысит привлекательность области для бизнеса. За рассматриваемый период потребуется увеличить объем перевозок в 3,0–3,6 раза, торговли – в 3,1–4,3 раза. Представляется что реализация проекта создания и развития мультимедийного транспортного узла, не предусматривающего усиления железнодорожной сети и предполагающего, в общем, незначительное развитие автодорожной сети (практически это только кольцевая дорога и новая дорога в аэропорт «Толмачево» [6]), соответствует лишь минимальному варианту развития.

Экономика знания. Еще одна важная составляющая успеха – создание в области единой системы экономики знания, включая возрождение и развитие системы профессиональной подготовки кадров. Бурный промышленный рост, развертывание строительства требуют соответствующего кадрового обеспечения. Особенно важны поэтому возрождение и значительное усиление системы среднего профессионального обучения. Значительные изменения нужны в системе взаимосвязей науки и производства. Необходимо развитие инновационной сети, институтов экономики знаний, включая институт использования и защиты прав интеллектуальной собственности, информационную инфраструктуру.

Социальные проблемы. Эти проблемы являют собой серьезный вызов возможности реализации максимального сценария развития Новосибирской области. Во-первых, улучшение жизни людей – это важнейшая задача стратегии. Пятикратное увеличение потребления домашних хозяйств, развитие социальной инфраструктуры, медицинского обслуживания, рекреационных систем, успешное решение экологических проблем позволили бы достичь в области жизненного уровня, характерного в настоящее время для стран Скандинавии и для Японии. Однако, во-вторых, верно и обратное: без решения социальных проблем невозможно приближение к заданным экономическим ориентирам. Без обеспечения в регионе благоприятной социальной среды, накопления социального капитала, подразумевающего общее доверие, устремленность людей к сотрудничеству, готовность

соблюдать основные человеческие кодексы, невозможно добиться сколько-либо заметного ускорения развития. Во многих сферах хозяйства Новосибирской области, особенно в сельской местности, до сих пор оплата труда даже с учетом теневых выплат является недопустимо низкой. Ее значительное и достаточно быстрое повышение – необходимое условие для создания сильных стимулов к труду и профессиональному росту. Думается, что местные управляющие органы должны на законодательном уровне контролировать политику заработной платы, в том числе и в частном секторе, пусть и не используя административные меры.

Развитие Новосибирской агломерации. Масштабный и устойчивый рост экономики Новосибирской области несомненно будет связан с окончательным оформлением Новосибирской агломерации, в настоящее время находящейся лишь на начальной стадии своего развития. Ее современное состояние выражается в стихийном распространении экономической активности от г. Новосибирска вдоль основных меридиональных и широтных транспортных артерий (железнодорожных и автомобильных), проходящих через город. Границами зрелой агломерации могут быть строящийся сейчас северный транспортный обход г. Новосибирска, а также предполагаемые градостроительной концепцией его развития южный и восточный обходы. С исчерпанием г. Новосибирском в его сегодняшних границах земельных резервов развития дальнейшее наращивание экономического потенциала области масштабно может происходить в границах образуемого этими обходами транспортного кольца с дополнением его хордовыми направлениями.

Формирование Новосибирской агломерации как зоны повышенной экономической активности благоприятно скажется и на развитии более отдаленных от областного центра муниципальных образований, приближая к ним возможности делового партнерства и спросовые потребности.

В самом г. Новосибирске стратегически важной является задача оформления его финансово-делового центра со строительно-архитектурными решениями, набором услуг и возможностями делового общения международного и отечественного бизнес-сообществ на уровне, не уступающем лучшим зарубежным примерам. Создание «Новосибирск-Сити» может стать для Новосибирской области брэндом, который будет иметь в деловом мире вес не меньший, чем новосибирский Академгородок как визитная карточка области в мировом научном сообществе.

* * *

Стратегия социально-экономического развития Новосибирской области разрабатывается на период до 2025 г., что составляет вместе со стартовым пятилетием 2001–2005 гг. отрезок времени в 20–25 лет. На протяжении своего исторического развития Новосибирская область и г. Новосибирск пережили несколько стратегически важных моментов. Всего пять-шесть таких циклов назад все началось со строительства железной дороги, сооружения железнодорожного моста и получения Новосибирском (точнее, его предшественником) статуса города. Затем были Турксиб (три с половиной – четыре цикла), эвакуация заводов в начале Великой Отечественной войны и сохранение здесь заводов-дублеров после победы (три цикла), решение о создании Сибирского отделения Академии наук (два цикла), а затем – отделений сельскохозяйственной и медицинской Академий. В одном цикле от сегодняшнего дня и начало перестройки. Очевидно, что без любого из этих событий экономика Новосибирской области развивалась бы совсем по другому пути. Хочется верить, что предпринятая администрацией области попытка разработать стратегию ее развития до 2025 г. будет столь же важным событием для области, что и судьбоносные решения предшествующих лет.

Литература

1. Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Стратегические цели и потенциал развития Новосибирской области // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3.
2. Суспицын С.А. Макроэкономические оценки стратегии развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 4.
3. www.adm.nso.ru.
4. www.economy.gov.ru.
5. Суслов В.И., Суспицын С.А. Стратегия развития Сибири: макроэкономическая и территориальная проекции // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4.
6. Концепция развития транспортного комплекса РФ: северо-восточный вектор / Под ред. К.Л. Комарова. – Новосибирск: СГУПС, 2003.

© Суспицын С.А., Суслов Н.И., 2006

АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕСУРСЫ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

В.И. Суслов, Д.А. Фомин, К.К. Костиков, Ю.П. Воронов

Сохранение сельского хозяйства, создание условий для эффективного использования природно-климатического, почвенного, материально-технического и кадрового потенциалов должны стать одним из основных векторов экономической политики Новосибирской области. Это вызвано тем, что в настоящее время и в ближайшем будущем перспективы решения продовольственной проблемы вне связи с сельским хозяйством области не очевидны. Ориентация на продовольственные потоки из соседних регионов или на импорт не может считаться обоснованной, так как формирует зависимость области от конъюнктуры внутреннего и мирового аграрных рынков, требует расширения объемов экспортной продукции для обмена ее на продовольствие, разрушает сельские поселения. Вряд ли область будет способна в ближайшее время резко увеличить объем экспортной непродовольственной продукции, организовать на селе альтернативные неаграрные виды деятельности, выполнить социальную программу, направленную на преодоление издержек отчуждения населения от основной аграрной деятельности. Кроме того, продовольственная независимость обеспечивается формированием внутренне самодостаточных продовольственных территориальных единиц и является составной частью политики национальной безопасности.

В настоящей статье свое видение параметров развития аграрно-промышленного комплекса мы изложили по двум сценариям, выполненным на основе расчетов технико-экономических возможностей АПК.

ИНЕРЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ АПК

Инерционный сценарий характеризуется сохранением и усилением тенденций, определяющих развитие аграрной экономики в последние 15 лет. Выявим современное состояние сельского хозяйства с точки зрения использования ресурсов производства: земельных, материально-технических и трудовых.

Земельные ресурсы. В основе оценки использования земельных ресурсов лежит баланс вноса-выноса питательных веществ. Сами питательные вещества не имеют стоимостной оценки, поэтому расчеты были построены на сопоставлении дисбаланса питательных веществ со стоимостью удобрений, необходимых для его ликвидации. Расчет баланса вноса-выноса питательных веществ необходим для стоимостной оценки используемых в производстве биологических ресурсов. Сама оценка производится путем сопоставления объемов внесения минеральных и органических удобрений и выноса питательных веществ с урожаем (табл. 1).

По сравнению с 1990 г. среднегодовое внесение минеральных удобрений в период 1991–2005 гг. сократилось в 12,1 раза, органических – в 6,9 раза. В 2000–2005 гг. площадь, удобренная минеральными удобрениями, составляла 6,7–8,2% от общей площади посевов, органическими – 2,0–2,5%.

Ежегодно средний объем выноса питательных веществ с 1 га посевных площадей, по приближенной оценке, составляет 100,9 кг в пересчете на 100%-ю питательную ценность. Учтем то, что дисбаланс существует уже 15 лет, и то, что посевные площади сельскохозяйственных культур во всех

Таблица 1

**Баланс вноса и выноса питательных веществ в среднем за 1995–2005 гг.,
кг действующего вещества на 1 га посевов зерновых**

Показатель	Величина
<i>Вынос</i>	
1. Урожайность, ц/га	14,0
2. Вынос питательных веществ в расчете на 1 ц, кг д.в.	7,7
3. Вынесено питательных веществ, кг д.в. (п.1 × п.2)	107,8
<i>Внос</i>	
4. Внесено минеральных удобрений, кг д.в.	2,1
5. Внесено органических удобрений в физической массе, кг	327,0
6. Содержание действующего вещества в органических удобрениях, %	1,46
7. Внесено органических удобрений в массе действующего вещества, кг (п.5 × п.6 /100%)	4,8
8. Внесено всех видов удобрений, кг д.в. (п.4 + п.7)	6,9
9. Превышение выноса над вносом, раз (п.3 / п.8)	15,6

категориях хозяйств в 2005 г. составляли 2578 тыс. га. Получим, что за период реформ объем выноса питательных веществ составил около 3902 тыс. т действующего вещества.

Что необходимо для преодоления сложившегося хищнического использования земельных ресурсов? Это очевидно: необходимо резкое увеличение объемов внесения минеральных и органических удобрений. Количественная натуральная оценка требуемого увеличения известна: нужно увеличить объем внесения всех видов удобрений в 15,6 раза, довести ежегодное внесение удобрений в расчете на посевную площадь 2005 г. до 278 тыс. т действующего вещества. В 2005 г. сельскохозяйственные организации на приобретение удобрений потратили 151,4 млн руб. Потребность в финансовых средствах, обеспечивающих простое воспроизводство плодородия почв во всех категориях хозяйств, составляет 2527 млн руб.

Основной капитал. Расчет потребности в инвестициях в основной капитал проведем путем сопоставления инвестиционного и амортизационного процессов. Начисленная амортизация в сельском хозяйстве области в 2005 г. составила 665,6 млн руб. Амортизация начисляется с фондов, балансовая стоимость которых оценена в смешанных ценах. Существующая балансовая стоимость фондов отличается от восстановительной в 2005 г. не менее чем в 17 раз¹. Предположим далее, что рост амортизационных отчислений прямо пропорционален росту стоимости основного капитала. Если оценивать стоимость основного капитала в восстановительных ценах, то получим размер амортизации равным 11,3 млрд руб. Если принять, что объем инвестирования должен соответствовать амортизации, то общую потребность в инвестициях в основные фонды сельского хозяйства области можно оценить не менее чем в 11 млрд руб. В 2005 г. объем инвестиций в основной капитал сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства составил 1,6 млрд руб.² Таким образом, для простого воспроизводства

---

¹ По нашим расчетам, в 2001 г. отклонение балансовой стоимости фондов сельского хозяйства от восстановительной составило 11,1 раза. Для последующих лет вследствие удорожания средств производства этот индекс был актуализирован по дефлятору накопления основного капитала в структуре использования ВВП.

² Это предварительные данные. Как видно, отрасль сельского хозяйства агрегирована еще с двумя отраслями. К тому же непонятно, как статистические органы оценивают инвестиции в производство аграрной продукции, осуществляемые фермерами и населением, и насколько верны статистические оценки инвестиций. Тем не менее порядок величин эти данные отражают.

основных фондов сельского хозяйства необходимо увеличить инвестиции в 7 раз, или на 9,7 млрд руб. в год в ценах 2005 г.

Оборотный капитал. Очевидно, что для простого и расширенного воспроизводства необходимы инвестиции не только в основной капитал, но и в оборотный. К сожалению, в статистических сборниках не публикуется размер инвестиций в оборотный капитал. Для расчета потребности в оборотных фондах использованы данные о сельском хозяйстве США за 1958 г. Эти данные являются достаточно достоверными, а само соотношение – довольно устойчивым для разных экономик. В 1958 г. стоимость основного капитала сельского хозяйства в США составляла 102090 млн долл., оборотного – 19397 млн долл. [1]. При общей потребности в инвестициях в сельское хозяйство Новосибирской области в размере 11,3 млрд руб. потребность в инвестициях в оборотные фонды составляет 2,15 млрд руб.

Трудовые ресурсы. Одно из ярких проявлений кризиса сельского хозяйства и индикатор социального неблагополучия на селе – размер заработной платы работников. По всей видимости, средний размер оплаты труда в целом по экономике является оптимальным размером средней заработной платы в сельском хозяйстве, ориентиром для необходимых изменений в аграрной политике. В 2005 г. средний месячный размер оплаты труда работников всех отраслей экономики Новосибирской области равнялся 7119 руб., работников сельского хозяйства – 2838 руб. [2]. Итоги работы сельскохозяйственных организаций области за 2005 г. показали, что размер затрат на выплату заработной платы работникам составил 2271 млн руб. [3]. При необходимом размере увеличения уровня оплаты в 2,5 раза затраты составят 5678 млн руб.

Для простого воспроизводства материальных, биологических и трудовых ресурсов отрасли необходимы ежегодные финансовые вложения в нее в размере не менее 21 млрд руб. в ценах 2005 г., т.е. инвестиции в аграрную отрасль необходимо увеличить в 5 раз.

В настоящее время объем потребления сельскохозяйственной продукции значительно превосходит объем поставляемых в село ресурсов. Эта разница между потреблением и производством возмещается за счет сокращения основного капитала сельского хозяйства, большая часть которого создана в советский период, и хищнического использования природных, материальных и человеческих ресурсов. По мере истощения этих источников будут усиливаться кризисные явления, которые затронут все без исключения сферы экономического и социального воспроизводства общества. Необходимо отметить также и то, что современное сельское хозяйство

Таблица 2

Объем производства основных видов продукции сельского хозяйства при реализации инерционного сценария развития АПК, тыс. т

Продукция	Объем производства
Зерно в весе после доработки	1032,0
Молоко	438,8
Мясо в убойной массе	59,5
Яйцо, млн шт.	524,9

производит в принципе востребованную обществом и рыночной экономикой продукцию, перепроизводства аграрной продукции не наблюдается. Поэтому сокращение воспроизводственных ресурсных возможностей села непременно скажется на объемах производства и получит негативное отражение в сфере потребления.

Для выявления последствий массового выбытия из производства ресурсов и сокращения воспроизводственных возможностей сельского хозяйства Новосибирской области был произведен расчет, который показал, что сокращение объемов производства основных видов аграрной продукции составит 2–2,5 раза от среднегодового уровня 2000–2005 гг. (табл. 2).

Также были рассчитаны и приблизительные сроки реализации прогноза изменения объемов производства по инерционному сценарию. Резкое сокращение объемов производства произойдет около 2010 г. В этот период придет в полную негодность основная часть материально-технической базы сельского хозяйства, функционирующая еще с советских времен, окончательно деградируют почвы, произойдет массовое выбытие по возрасту активной части квалифицированных кадров сельского хозяйства. Все это позволяет утверждать, что общество находится на краю опасной черты, за которой начинаются необратимые деструктивные процессы в аграрном производстве и неконтролируемые социальные изменения, связанные с дефицитом и недоступностью продовольствия для основной массы населения.

РЕСУРСНО-ИННОВАЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ АПК

Развитие сельского хозяйства по траектории, обозначенной 15 лет назад, полностью себя исчерпает через несколько лет. В этой связи мы считаем принципиально необходимыми разработку и реализацию ресурсно-инновационного сценария развития АПК Новосибирской области.

В последнее время появилось немало высказываний, ставящих под сомнение необходимость и целесообразность решения этих задач аграрно-промышленным комплексом и его центральной частью – сельским хозяйством, а самое главное, возможность эффективно их решать. Но все эти сомнения – не более чем запоздавшая рефлексия по поводу негативного состояния дел в АПК, ни к чему не обязывающее сожаление общественности в связи с чудовищной деградацией села, превращением за чуть более чем десятилетний срок технологически сложного высокотоварного сельского хозяйства в отсталый натурально-общинный уклад.

Мы не согласны с этими высказываниями, не разделяем широко распространенные пессимизм и неверие в отечественное сельское хозяйство. Считаем, что несмотря на ужасающий спад производства, примитивизацию и натурализацию отрасли, нищету и разложение сельского населения, засилье импортного продовольствия, сельское хозяйство имеет возможность в течение ближайших 10 лет превратиться в мощный современный технологический комплекс, способный обеспечить население области высококачественными продуктами питания в достаточном количестве. Свое несогласие мы выразили в сценарии ресурсно-инновационного развития АПК области, в котором показали возможные перспективы отраслей комплекса и пути их реализации.

Цель сценария – наиболее полная реализация имеющегося в области агроклиматического, почвенного, материального и трудового потенциалов, обеспечивающая рост производства аграрной продукции на основе расширенного воспроизводства ресурсов отрасли. Для достижения поставленной цели необходимо последовательно решить сформулированные ниже задачи.

Во-первых, нужно изменить в пользу сельского хозяйства систему распределительных отношений между производителями аграрного сырья, производителями продовольственных товаров, оптовой и розничной торговлей. Изменения в распределении финансовых потоков, полученных от реализации конечной продовольственной продукции, позволит направить в село в необходимом объеме средства для преодоления деструктивных процессов.

Во-вторых, приоритетной задачей агроэкономической политики области следует считать восстановление ресурсного потенциала отрасли и искоренение сложившихся в последние 15 лет хищнических тенденций в использовании биологического почвенного потенциала, материально-технической базы и трудовых ресурсов.

В-третьих, по мере поступления финансовых средств в сельское хозяйство и наращивания количественных и качественных факторов производства необходимо решать задачу увеличения объемов производства аграрной продукции, вытеснения с потребительского рынка области импортной продукции и продовольствия из других регионов, увеличения потребления населением продуктов питания местного производства, главным образом продуктов питания животного происхождения. Особое внимание при решении данной задачи должно быть уделено разработке и внедрению механизмов, обеспечивающих эффективное использование инвестиционных средств, техническим и технологическим инновациям.

Покажем возможные направления решения сформулированных задач.

Возможны ли преодоление хронической убыточности и устойчивый рост аграрного производства? Если возможны, то за счет чего? Финансовое бремя решения проблем сельского хозяйства не может быть перенесено на население. Нет финансовых средств и в областном бюджете. Напомним, что для обеспечения только простого воспроизводства необходимо ежегодное дополнительное привлечение в село около 17 млрд руб. При этом весь консолидированный территориальный бюджет области в 2005 г. составил 41,7 млрд руб. Всего же на поддержку сельского хозяйства в 2005 г. было выделено 0,9 млрд руб. Тем не менее финансовые источники преодоления кризиса сельского хозяйства в области имеются. Речь идет об отраслях переработки сельскохозяйственного сырья и сфере обращения продовольствия. Определим размер этих возможностей.

Перерабатывающая промышленность. Мы определили, что теневые и официальные доходы отраслей переработки сельскохозяйственного сырья в Российской Федерации в 2001 г. составили 35,3% от величины официально декларируемой выручки [4]. Взяв за основу расчетов официальные статистические данные, характеризующие работу перерабатывающей промышленности Новосибирской области в 2005 г., получим расчетное значение прибыли (официальной и теневой) – около 9,4 млрд руб.³ Для обеспечения нужд аграрного сектора экономики возможно изъятие из отрасли 75% прибыли, что составляет 7 млрд руб. При этом оставшаяся часть прибыли обеспечивает рентабельность отрасли на уровне 8%.

Торговля. Согласно данным официальной статистики, в 2005 г. товарооборот розничной торговли в Новосибирской области составил

---

³ Расчет этого и других показателей содержится в работе Г.И. Ханина и Д.А. Фомина [4].

137,8 млрд руб., из него 45,7% приходилось на продовольственные товары. Оборот оптовой торговли в этом же году в области составил 191,8 млрд руб. Мы оценили удельный вес продовольствия в товарообороте оптовых организаций в 9,5%. Получаем, что оптовый товарооборот продовольствия составляет 18,2 млрд руб.

Мы рассчитали, что объем теневых и официальных доходов оптовой и розничной торговли от продажи продовольствия составлял 21,2% от официально декларируемого товарооборота. При распространении этой нормы на фактические условия области 2005 г. получим, что прибыль сферы обмена и обращения от продажи продовольственных товаров составила 17,2 млрд руб. Из полученной прибыли 6,5% можно оставить в отрасли (этот размер соответствует официальным данным субъектов торговли о прибыли), а все теневые доходы следует перераспределить в аграрную сферу.

При изъятии этих средств из сферы переработки сельскохозяйственной продукции и обращения продовольствия возможно обеспечить не только простое, но и расширенное воспроизводство ресурсов аграрного производства. Необходимость расширенного воспроизводства связана с необходимостью преодоления разрушительного потенциала, накопившегося в отрасли за 15 лет рыночных преобразований. Из 23,2 млрд руб. ежегодных теневых доходов сферы переработки и торговли 3,4 млрд руб. можно направить на увеличение заработной платы, оставшуюся часть – на расширенное воспроизводство материальных и земельных ресурсов сельского хозяйства. Эта величина обеспечит не только простое ресурсное воспроизводство (для него требуется дополнительно 13,9 млрд руб.), но и расширенное. При этом прирост инвестиций составит около 45% от уровня простого воспроизводства

Рост объемов инвестиций позволит восстановить утраченное плодородие почв, укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства, ежегодно увеличивать объемы производства сельскохозяйственной продукции.

По нашей оценке, восстановительная стоимость основных фондов организаций сельского хозяйства области в 2005 г. составила 181 млрд руб. Размер инвестиций в основные фонды, превышающий текущую амортизацию в 1,45 раза, достигнет 16,4 млрд руб. в год. Из них 11,3 млрд руб. составляет амортизация, т.е. простое воспроизводство фондов; 5,1 млрд руб. пойдут на расширенное воспроизводство. Таким образом, прирост стоимости фондов может составить около 3% в год. Предположим далее, что рост объемов производства будет соответствовать росту объема фондов, т.е. фондоотдача будет постоянной величиной. Если принять это предпо-

Таблица 3

**Объем производства основных видов продукции сельского хозяйства
при реализации ресурсно-инновационного сценария развития АПК, тыс. т**

Продукция	Объем производства	
	2015	2025
Зерно в весе после доработки	2504	3016
Молоко	1202	1616
Мясо в убойной массе	163	219
Яйцо, млн шт.	1439	1934

ложение, то возможно ежегодное увеличение объемов производства аграрной продукции на те же 3%. Приняв за точку отсчета 2007 г., мы увеличим производство основных видов продукции сельского хозяйства к 2015 г. на 30,5%, к 2025 г. – на 75,4% (табл. 3).

Приведенные результаты расчетов показывают возможное увеличение объемов производства при существующей структуре производства, но скорее всего структура будет меняться. Изменения будут направлены главным образом на увеличение объемов производства продукции животноводства, развитие производства кормовых и технических культур.

Если судить об объемах производства аграрной продукции в стоимостном выражении, то к 2015–2017 гг. можно достичь уровня производства 1990 г., а к 2025 г. – превзойти его более чем на 30%.

Каковы перспективы и возможности реализации ресурсно-инновационного сценария развития сельского хозяйства Новосибирской области? Трудности предлагаемого хозяйственного маневра очевидны. Имеется в виду перераспределение значительных для области финансовых средств. Реализация данного варианта событий требует чрезвычайных мер и колоссальных усилий. По сути, речь должна вестись о разрушении сложившихся на территории области коррупционно-мафиозных структур, установлении контроля над теневыми финансовыми потоками, кадровых чистках государственных структур и бизнес-структур. Речь должна вестись о формировании принципиально новой системы экономических отношений между субъектами аграрного производства и продовольственного рынка, об изменении организационных и управленческих структур, о поиске инвестиционных механизмов развития АПК. Обозначим некоторые аспекты необходимого хозяйственного маневра.

Прежде всего, требуется формирование принципиально новых органов и структур управления в АПК, обеспечивающих организационное единство участников всего технологического цикла производства продовольствия, их интеграцию. Перелом негативных тенденций возможен через развитие интеграции на основе преодоления группового эгоизма отдельных товаропроизводителей путем трансформации интересов технологически связанных субъектов, их ориентирования на единый конечный результат. С этой целью необходимо сформировать технологически связанное производство в виде единого объекта собственности. Практически это означает создание технологических систем, включающих в свой состав производство сельскохозяйственной продукции, ее переработку и реализацию. В основу создания интегрированных формирований в АПК и органов их управления могут быть положены разные способы: изменение собственника неэффективных предприятий через процедуру банкротства; скупка акций перерабатывающих предприятий сельскими товаропроизводителями и их консолидация; проведение эмиссии перерабатывающими и обслуживающими предприятиями и т.д.

Важным направлением можно считать создание сельскохозяйственных потребительских кооперативов в сфере заготовок сельхозпродукции и ее централизованной реализации. Разрушение общественного сектора аграрной экономики в значительной степени компенсировалось увеличением объемов производства в хозяйствах населения. В последние пять лет хозяйства населения производили 47–58% всей продукции отрасли. Однако при значительных объемах производства товарность продукции является крайне низкой: по картофелю она не превышает 10%, по овощам – 7–9, по скоту и птице – 30–33, по молоку – 17–20, по яйцу – 6–9%. Основные причины низкой товарности продукции частного сектора – отсутствие каналов ее реализации и монополизм крупных заготовительных и перерабатывающих предприятий, затрудняющий доступ на сырьевые рынки для мелких и средних предприятий. Очевидно, что кооперативные организации могут оказать помощь в решении проблем сбыта мелких партий продукции с личных подворий.

Добиться включения в те или иные интегрированные формирования всех участников агропромышленного производства невозможно, да и вряд ли целесообразно. На первых порах достаточно контролировать 10–15% товарных сельскохозяйственных ресурсов. Этот контроль позволит в кратчайшие сроки резко повысить цены на продукцию сельского хозяйства, перекрыть географию поставок сырья, разрушить традиционный монополизм

перерабатывающих заготовительных организаций. Указанные меры позволяют изменить существующую систему распределительных отношений внутри АПК, при которой прибыли достаются переработке и торговле, а убытки – сельскому хозяйству. В условиях развернувшейся ценовой войны на сырьевых рынках традиционным операторам при наличии крупных, финансово могущественных интегрированных компаний придется также увеличивать закупочные цены, сокращать свои непомерные прибыли и снижать амбиции. В противном случае их ждут остановка производства и экономический крах.

Особое внимание в ходе предстоящих преобразований должно быть уделено изменению условий функционирования продовольственного потребительского рынка, преодолению монополизма его операторов, устранению административных и экономических препятствий для вхождения на рынок новых участников. Колоссальные теневые обороты рынка должны быть взяты под государственный и общественный контроль, а полученная прибыль должна отчуждаться для решения важных экономических и социальных задач. Если не переломить сопротивление криминальных структур, сросшихся с государственным аппаратом и предпринимательским сообществом, рассчитывать на успешное решение продовольственной проблемы в области невозможно.

Важным направлением реализации ресурсно-инновационного сценария является изменение отраслевой структуры аграрного производства. Сегодня в сельском хозяйстве Новосибирской области ярко выражена зерновая специализация. Причина заключается в том, что при неустойчивой экономике производство зерна было выгодным: срок вложения капитала короткий, используются накопленные факторы плодородия, фондоотдача высокая. При производстве зерна не работает главный ресурс – почва как фабрика по воспроизводству факторов плодородия. При производстве 1 т зерна яровой пшеницы из почвы выносятся питательных веществ (NPK) на сумму 1140 руб. в ценах минеральных удобрений. Посевы пшеницы используют солнечную активность с меньшей эффективностью, чем посевы кормовых культур: по энергетике – на 50%, по синтезу протеина – в 2,5 раза. При зерновой специализации невостребованной становится большая часть трудовых ресурсов.

В этой связи мы считаем целесообразным замену сложившейся зерновой специализации области скотоводческой. Скотоводство максимально использует почвенные, агроклиматические и трудовые ресурсы. При производстве растениеводческой продукции по энергетике и белку полностью воспроизводятся факторы плодородия почвы, более того, происходит на-

копление этих факторов при низком начальном уровне. Используются не только пашня, но и естественные кормовые угодья, которых в области больше половины от всей площади. При скотоводческой специализации максимально востребованы трудовые ресурсы. На 1 тыс. га сельхозугодий требуется 25 работников, в то время как при производстве зерна на ту же площадь пашни – всего пять, да и то лишь на сезон продолжительностью 4,5 мес. Развитое скотоводство делает высокоэффективными другие отрасли животноводства и растениеводства. Можно сформировать сбалансированный набор отраслей, кратно снизить конъюнктурные и погодные риски. Например, птицеводство может быть ресивером избыточного зерна, а свиноводство – эффективным утилизатором отходов пищевой промышленности.

Сокращение посевов фуражной пшеницы не должно привести к общему сокращению посевных площадей. Вместо посевов пшеницы следует стимулировать увеличение посевов овса, ячменя, тритикале, рапса и амаранта. Особое внимание при производстве должно уделяться тритикале и амаранту.

Ключевым элементом инновационной сельскохозяйственной стратегии должно стать также создание системы прогноза урожаев. Для этого на базе новосибирских и красноярских разработок совместно с алтайскими учеными-энтузиастами и с привлечением омских и казахстанских специалистов следует создать систему прогноза урожаев для юга Западной Сибири по данным спутниковых снимков. В первую очередь это относится к прогнозированию урожаев пшеницы. Непрогнозируемые колебания в объемах собранного зерна представляются в настоящее время главным тормозом в развитии сельского хозяйства Новосибирской области. Одновременно должен быть налажен спутниковый контроль зарастания брошенных пахотных земель. Не менее важным направлением является оценка экономической целесообразности уборки урожая по конкретным полям с учетом текущих цен на топливо и прочих затрат на уборку.

В качестве инновационной стратегии в сфере энергетики и топливоснабжения сельского хозяйства Новосибирской области предлагается развивать четыре направления, которые должны обеспечить относительную энергетическую независимость сельского хозяйства области:

- использование методов получения из биомассы генераторного газа для производства электроэнергии;
- специализированное выращивание рапса как источника дизельного топлива, использование соломы как источника тепловой энергии;

- использование биогаза животноводческих комплексов как средства отопления ферм и коровников;
- освоение процессов использования ветровой энергии и других нетрадиционных способов получения электрической и тепловой энергии.

Разумеется, вопросы создания и функционирования новой организационной, управленческой, производственной и инновационной структур АПК области требуют широкой проработки. Необходимы новые подходы к решению технологических проблем, формирование сельских специалистов и работников нового качества. Очевидно и то, что даже при самом благоприятном развитии событий надеяться на быструю отдачу вложенных в аграрную сферу ресурсов не приходится. Сельское хозяйство – сложный комплекс, в котором тесно переплетаются производственные, экономические, технологические и биологические процессы. Этот комплекс является чрезвычайно инерционным, воздействие на него внешних факторов проявляется через длительный промежуток времени. Такая инерционность во многом объясняет, почему сокращение ресурсного обеспечения начиная с 1990 г. в 15–25 раз повлекло за собой сокращение производства лишь на 30–40%. По всей видимости, даже если безотлагательно приступить к реализации сформулированных выше предложений, направленных на увеличение объемов финансирования сельского хозяйства, ждать положительных результатов в виде значительного роста аграрного производства раньше 2015 г. вряд ли стоит.

Литература

1. **Белкин В.Д.** Экономические измерения и планирование. – М.: Мысль, 1972.
2. **Социально-экономическое** положение Новосибирской области. Январь 2006 г. – Новосибирск, 2006.
3. **Основные** итоги финансовой и хозяйственной деятельности крупных и средних сельскохозяйственных организаций Новосибирской области. – Новосибирск, 2006.
4. **Ханин Г.И., Фомин Д.А.** Продовольственный комплекс России: альтернативная оценка финансового положения // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 3.

© Суслов В.И., Фомин Д.А., Костиков К.К., Воронов Ю.П., 2006

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ДОВЕРИЯ

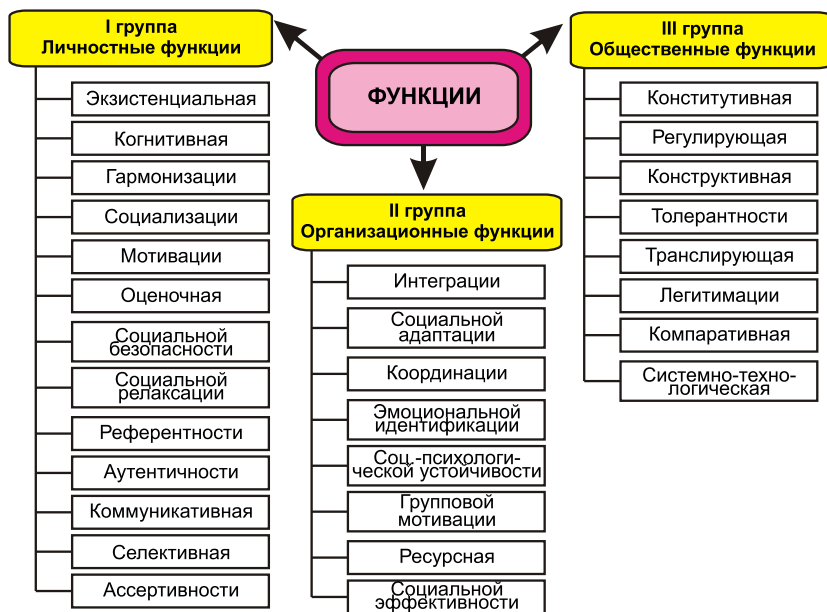
А.А. Дворянов

Устойчивое и типовое проявление доверия в обществе позволяет причислить этот феномен к объектам функционального анализа. Нас интересуют социальные функции доверия как способность выполнять определенную роль в системе общественных отношений, объединять определенные виды человеческой деятельности и влиять соответствующим образом на общественные процессы, содействовать их развитию, стабилизации [1]. Поскольку проблема доверия включает в себя дилемму «доверие/недоверие», функциональное влияние носит двойственный характер, что проявляется в наличии конструктивных и деструктивных функций. В целом социальные функции доверия целесообразно рассматривать с точки зрения последствия для личности, организации и общества. В соответствии с этим выделяются личностные, организационные и общественные функции (см. схему).

Многообразны личностные функции доверия. Люди не могут существовать без помощи других людей. Многие ли могут сами обеспечивать себе питание, строить дома, перевозить грузы, лечить и обучать себя и своих детей? Во всех этих и множестве других случаев, чтобы нормально жить и развиваться, необходимо полагаться на добрую волю окружающих людей, на взаимоподдержку.

Доверие есть одно из ключевых условий социального здоровья человека, его комфортного существования в ладу с собой и окружающей средой. Соответственно можно выделить *экзистенциальную* функцию доверия.

Доверие необходимо, чтобы люди смотрели в глаза неизвестному, будь то другой человек, или будущее, или сопутствующие ему события. Нам редко когда-либо удастся получать всю информацию, которая могла бы понадобиться для принятия решений, руководствуясь одними лишь рациональными мотивами. Наши решения неизбежно основываются отчасти на доверии. Доверие – способ ограничения неопределенности, и оно вклю-

Функции доверия

чает в себя элемент принимаемого в расчет риска. Таким образом, доверие выполняет **когнитивную** функцию.

В целом доверие выступает средством гармонизации отношений человека с окружающим миром. Известно, что человек стремится к гармонии с миром и самим собой. Но она возможна лишь при равновесии уровня доверия к миру и себе. Поэтому можно говорить о функции **гармонизации**.

Доверие является важнейшим механизмом социализации. Исследователи выделяют три формы личностного доверия, в рамках которых осуществляется овладение навыками, умениями, знаниями социальной жизни: доверие к миру, доверие к себе и доверие к другим людям [2]. Иными словами, степень и эффективность «социального научения» зависят от характера и силы привязанности индивида к «значимому другому». Соответственно можно обозначить функцию **социализации**.

Доверие мотивирует человеческое поведение, т.е. выступает как причина и побуждение, вызывающие у личности желание что-то делать или не делать. В результате у людей вырабатываются установки, заставляющие,

иногда даже как бы против их воли, совершать поступки в соответствии с нормами доверия и не идти ни на какие действия, противоречащие этим нормам. Человек просто не сможет нанести вред тому, кому доверяет. Даже испытывая сомнения, люди отказываются совершать действия, которые они считают для себя недопустимыми в отношении объекта своего доверия. Таким образом, доверие укореняется в психике и входит в саму структуру личности как ее собственный внутренний мотивационный фактор. Отсюда выделим функцию *мотивации*.

С процессом мотивации связана еще одна важная функция доверия – *оценочная*. Моральная оценка поведения человека определяется не только самим фактом совершения какого-то поступка и его объективными последствиями, но и побудительными мотивами поступка. Среди субъективных побуждений значимую роль играет доверие/недоверие к тому или иному человеку, группе людей, социальному институту, организации. Оценка доверия/недоверия как побудительного мотива поведения личности переходит в моральную оценку самой личности. Понимание того, что моральная оценка поступков человека зависит от способности доверять или не доверять, приходит уже в детстве и становится значительным моментом личностного существования.

Человек, сталкиваясь в своей жизни с различными проблемами и трудностями, надеется на поддержку других людей, он, наконец, доверяет или не доверяет свою жизнь другим людям или обществу. П. Говье [3] определяет доверие как уверенность человека в том, что окружающий мир и его обитатели не намерены причинить ему вред. Уточним, что доверие все же не тождественно уверенности и выступает как ожидание благоприятного исхода взаимодействий, в которые вовлечен индивид. «Мы можем определить “безопасность” как такую ситуацию, в которой определенный комплекс опасностей нейтрализован или минимизирован. Опыт безопасности обычно опирается на баланс доверия и приемлемого риска» [4, р. 35–36]. С достаточным основанием обозначим функцию *социальной безопасности*.

Если человек доверяет другому человеку, группе людей, то он воспринимает их как надежную защиту и опору. Происходит определенное совпадение значимых для индивида характеристик объекта доверия и его собственных душевных потребностей и эмоциональных переживаний. Вблизи объекта доверия (в социальном смысле) он испытывает состояние покоя, расслабленности, отсутствия тревожности и напряженности. Такое состояние позволяет утверждать об осуществлении доверием функции *социальной релаксации*.

Ориентации в процессе доверия носят значимый и избирательный характер. Это вызвано тем, что для людей собственное достоинство во многом зависит от того, с каким объектом доверия они себя соотносят. Значимые объекты доверия отличаются тем, что субъекты доверия сознательно или несознательно принимают и реализуют в своем поведении их нормы и ценности или ориентируются на них. В этой связи можно говорить о референтном характере отношений, складывающихся в доверительном процессе. Соответственно выделяется функция *референтности*.

Народная мудрость гласит: доверие порождает доверие. Ответственность и уверенность в честности другого «служит главным источником чувства честности и аутентичности себя самого» [5, с. 12]. Аутентичность личности выражается в соответствии бытия личности ее внутренней природе. Другими словами, через механизм доверия минимизируется угроза утраты личностного смысла [4]. Таким образом, обозначим функцию *аутентичности*.

Смысловым аспектом социального взаимодействия, в процессе которого возникает доверие, выступает коммуникация. Социальные действия, сознательно ориентированные на смысловое их восприятие другими людьми, называются коммуникативными действиями. Основное их предназначение состоит в достижении социальной общности при сохранении индивидуальности каждого человека. Применительно к доверию можно говорить об установлении особого коммуникативного состояния между субъектом и объектом доверия, которое выражается во взаимном обмене смысловой информацией. Отсюда вытекает *коммуникативная* функция.

Образ знакомого пространственного окружения формируется в избирательной сортировке объектов познания на тех, кому можно доверять, и тех, кому доверять нельзя. Это отображение *селективной* функции доверия.

Потребность в самоактуализации личности выражается в способности личности открыто заявлять о своих желаниях, требованиях и добиваться их воплощения. Сюда же можно отнести умение целенаправленно доверять тем, кто достоин доверия, и решительно отказывать в доверии тем, кто его недостоин. Такое умение характеризуется понятием *ассертивности*, которое означает уверенность в своих притязаниях, применительно к доверию – уверенность в своих притязаниях на правильный выбор объектов доверия.

Остановимся на организационных функциях доверия. Функция *интеграции* заключается в том, что на основе доверия формируется особый тип организационных (корпоративных) отношений, характеризующийся

сплоченностью, сходством базовых ценностных ориентаций и высокой референтностью членов организации по отношению друг к другу. Чем выше доверие во внутриорганизационных отношениях, тем выше уровень сплочения членов организации и тем выше сила группового притяжения.

Функция **социальной адаптации** означает, что организации с высоким уровнем доверия имеют более сильные механизмы адаптации за счет баланса намерений своих членов и действий группы, замыслов и их воплощения в совместной деятельности, побуждений к действию и его итогов. Функция социальной адаптации вытекает из такой категории, как кредит доверия. Кредит доверия со стороны менеджмента корпорации – это способность и умение предоставить шанс на доверие каждому новому сотруднику, не оттолкнуть его заведомым недоверием. Людям свойственно ценить доверие, которое им оказывают другие, поскольку это является свидетельством признания состоятельности человека. Компетентность в оказании доверия людям и адекватное реагирование на кредит доверия принадлежат к действенным адаптивным факторам. Их использование создает множество возможностей для корпоративного управления.

Функция **координации** означает, что члены организованной группы с высоким доверием готовы координировать свои усилия в процессе выработки коллективного решения и поддерживать друга, после того как это решение будет принято. В контексте управления корпорацией культивирование самооценности доверия позволяет рационально решить проблему взаимозависимости работников всех уровней. Позитивная взаимозависимость представляет собой восприятие членами коллектива своей взаимной связи и ответственности друг перед другом, которые обеспечивают одновременно успех всех и каждого в отдельности, максимальный вклад каждого в общее дело, объединение ресурсов, взаимную поддержку.

Функция **эмоциональной идентификации** состоит в том, что члены организованной группы с высоким доверием готовы чувствовать, переживать, действовать в отношении других так, как если бы этими другими являлись они сами. Сопереживание как психологическое состояние возникает вследствие межличностных контактов в контексте эмоционального заражения, а также опосредуется совместной деятельностью, общими целями, групповыми нормами. Таковы, например, состояние радости по поводу как общего успеха, так и успеха каждого члена организованного сообщества или, наоборот, состояние печали в случае коллективного неуспеха и сочувствие к неудаче коллеги. Как следствие, формируется установка на доверительное и взаимное уважение к способностям и желаниям друг друга в интересах совместного решения общих задач.

Функция *социально-психологической устойчивости* заключается в том, что организованные группы (корпорации) с высоким уровнем доверия имеют более комфортный социально-психологический климат и тем самым более устойчивы в отношении конфликтных ситуаций. Высокий уровень доверия позволяет людям говорить то, что они думают, не опасаясь, что это может им навредить. Открытые и прямые каналы общения способствуют тому, что люди не будут строить друг другу козни, и тратить время на то, чтобы разбираться в конфликтных ситуациях.

Функция *групповой мотивации* проявляется через атмосферу доверия, которая благотворно воздействует на рабочую среду, деловые и межличностные отношения сотрудников, что закономерно сказывается на результативности трудовой деятельности. Атмосфера доверия также способствует личностному и профессиональному развитию работников, усиливает у них чувство причастности. Таким образом, доверие воздействует на мотивацию персонала как внутреннее и внешнее поощрение. Доверие усиливает групповую мотивацию посредством внутреннего поощрения, развивая проявление самоуважения, удовлетворенность оценкой результатов труда, удовольствие от содержания труда и осознания его ценности, ответственности и общения. Доверие также усиливает групповую мотивацию посредством внешнего поощрения, являясь символом статуса и престижа, похвалы и признания работника.

Ресурсная функция означает, что доверие есть стратегический ресурс организации. Управление организацией часто рассматривается в терминах ресурсного подхода. Согласно этому взгляду, основной задачей управления организацией являются привлечение ресурсов, их распределение и контроль над ними. Традиционно выделяют пять типов основных ресурсов: кадры; деньги; сырье и материалы; оборудование и прочие средства производства; информация и технологии. Сегодня высокий уровень изменчивости и непредсказуемости среды бизнеса обуславливает то, что зачастую скорость принятия управленческих решений становится важнее их качества. Лучше совершить пусть даже и минимально прогнозируемое действие, чем простаивать и бездействовать. Сама же скорость принятия решения зависит от степени доверия в отношении принятия этих решений на всех уровнях управления. В этой связи в контексте требований перехода от управления кадрами, когда люди – один из ресурсов организации, к управлению человеческими ресурсами, когда люди – основной стратегический ресурс организации, доверие становится базовой корпоративной ценностью.

Функция **социальной эффективности** состоит в том, что организованные группы с высоким уровнем доверия посредством широкого делегирования полномочий своим членам достигают лучших результатов в совместной деятельности, особенно в ситуациях, когда необходимо идти вместе на риск и преодолевать трудности. Доверие основывается на предположении, что люди и могут, и хотят использовать предоставленные им полномочия ради общего блага организации. К примеру, в экономической деятельности доверие выступает как один из ключевых факторов конкурентоспособности организации. Для эффективного функционирования менеджеры нуждаются в доверии подчиненных, подчиненные – в доверии менеджеров. Наличие или отсутствие доверия определяет конечную цену и результативность деятельности по достижению целей. Эффективность компании на рынке во многом зависит от того, располагают ли ее сотрудники возможностью в той или иной мере принимать решения и распоряжаться ресурсами от ее имени. Иначе говоря, в известных пределах эффективность зависит от того, имеют ли служащие этой компании «чек на предъявителя», для того чтобы решать поставленные перед ними задачи в соответствии с конкретной стратегией или планом действий [6].

Рассмотрим теперь общественные функции доверия. **Конститутивная** функция заключается в том, что доверие выступает как фундаментальное свойство жизнедеятельности любого общества. Само название этой функции происходит от латинского слова *constitutus* («утвердившийся, установленный»), которое здесь употреблено, для того чтобы обозначить ключевую роль доверия в обществе. Как отмечает Ф. Фукуяма, «доверие есть возникающее в рамках определенного сообщества ожидание того, что члены данного сообщества будут вести себя нормально и честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами. Последние могут относиться к сфере “фундаментальных ценностей” – о природе Господа или справедливости, но они охватывают и вполне светские понятия, такие как профессиональные стандарты и кодексы поведения. Общественный капитал – это возможности, возникающие из наличия доверия в обществе или его частях. Общественный капитал отличается от других форм человеческого капитала постольку, поскольку он обычно создается и передается посредством культурных механизмов – через религию, традиции и исторические обычаи. В таких сообществах не требуется широкого договорного и правового регулирования отношений, поскольку меж-

ду их членами существует предварительный морально-нравственный консенсус как основа для взаимного доверия» [7, с. 134].

Хотя нормы доверия в повседневной практике обычно выступают как неписанные правила поведения, их значение в жизни общества можно сравнить со значением конституции государства, которой должны подчиняться все действия и правовые акты граждан и организаций. Результативность управленческих действий государства и других субъектов общества напрямую зависит от доверия или недоверия к ним со стороны членов общества. В частности, одной из основных причин негативного отношения к налогам является отсутствие доверия к тому, как регионы и государство в целом расходуют полученные средства. Велико значение доверия и для финансовых рынков, где оно проявляется в позитивных или негативных ожиданиях инвесторов и, соответственно, доверии и недоверии в их поведении. Недостаток доверия может быть лишь смягчен, но не компенсирован государственным вмешательством в экономическую жизнь. В обществах с низким уровнем доверия государственная регламентация может поддерживать хозяйственную эффективность, но не может привести к радикальным позитивным переменам. Отсюда вытекает *регулирующая* функция доверия.

Не менее важную роль играет доверие и в конструировании общественных отношений. Некоторые из самых мощных и разветвленных институций современности возникли из структур, первоначально придуманных для создания дружественной атмосферы и доверия. Профессия юриста, ставшая моделью для многих в современном мире, зарождалась в юридических корпорациях Лондона и суде лорда-канцлера, где новички-практиканты учились своему ремеслу у старших и одновременно столовались с ними. Этот обычай, вероятно, был создан с целью способствовать взаимному доверию и атмосфере дружелюбия, равно как и обмену мнениями и свободному обсуждению опыта. Интересно, что традиция жива и в наши дни: чтобы получить диплом адвоката в Итонском университете, надо на протяжении восьми семестров хотя бы 32 раза отобедать со своими наставниками. Подобно юридическим корпорациям, большинство страховых компаний и бирж также возникли в лондонских кофейнях конца XVII в., где купцы, судовладельцы и банкиры могли собираться и обмениваться новостями о товарах, технических новинках и коммерческих рейсах. Неформальная дружественная обстановка подобных заведений играла ключевую роль в создании атмосферы взаимного доверия, необходимой для коммерческих и финансовых операций [8]. На основании этих примеров можно говорить о *конструктивной* функции доверия.

Отметим еще одну важнейшую роль доверия в современном мире, — это упорядочивание и уравнивание социальных и культурных разнообразий. Плурализм современных обществ находит выражение во фрагментации стилей жизни и культур, в разрушении старых форм социальных идентичностей и актуализации новых. Наблюдается повсеместное стремление к сохранению культурной самобытности и индивидуальности на основе таких критериев самоотнесения, как этничность, религия, пол, стиль жизни, общность разделяемых эстетических взглядов и оценок действительности. В результате социально-культурное пространство современных обществ стало более мозаичным. Отдельные индивиды и группы могут ощущать себя «чужими», ежедневно сталкиваясь с культурным разнообразием. Развитие «доверия к инаковости» является тем фактором, который должен уравнивать различия и гарантировать отношения сотрудничества между разными группами. Тем самым доверие выступает в качестве необходимого компонента отношений толерантности. И соответственно можно выделить функцию *толерантности*.

Доверие по своей природе — амбивалентное социальное явление. Его возникновение обуславливается прошлым личным и общественным опытом, а действие направлено на будущее. Доверие к политическому лидеру обусловлено его предшествующими действиями, а ждут от него позитивных результатов в настоящем и будущем. Доверие можно представить в виде своеобразного механизма, который позволяет обеспечивать транслирование прошлых обязательств и обещаний в сегодняшние и будущие ожидания. Таким образом, следует отметить *транслирующую* функцию доверия.

Конфуций как-то заметил, что правителям требуются три источника власти: оружие, продовольствие и доверие. Правитель, который не обладает всеми тремя, должен прежде всего отказаться от оружия, потом — от продовольствия, но любой ценой держаться за доверие: «без доверия мы не сможем устоять». Доверие непосредственно вплетается в механизм легитимации властных структур, обеспечивая социальную базу поддержки институтов власти и проводимого ими политического и экономического курсов. Как известно, основной процедурой легитимации власти в условиях демократии являются выборы. Сама ситуация выборов выступает как обмен социальной поддержки граждан на будущие решения власти. Авансируя доверие конкретным политикам и отказывая в поддержке другим, избиратель идет на определенный риск. Но этот риск, в понимании избирателя, есть средство минимизации опасений, неуверенности в отношении будущего. Отсюда следует выделить функцию *легитимации* социального порядка.

Доверие есть обязательный атрибут любого общества. Не существует ни одного большого или малого сообщества людей, где был бы полный вакуум доверия. Но уровень доверия в различных обществах и странах неодинаков. По мнению того же Ф. Фукуямы, в мире существуют общества с высоким уровнем доверия и общества с низким уровнем доверия. В обществах, в которых объединение происходит преимущественно на основе родственных союзов, семей, добровольные объединения являются слабыми, поскольку люди, не связанные кровным родством, не склонны доверять друг другу. В обществах с достаточно высоким уровнем общественного доверия быстрее укореняются новые организационные формы, и появляются они значительно раньше, чем в обществах, которые ощущают недостаток доверия. С помощью специальной методики разработаны индексы доверия, на основании которых устанавливают сравнительный уровень доверия в различных странах и посредством этого оценивают открытость или закрытость того или иного общества. Следовательно, доверию присуща *компаративная* функция.

Развитие технологической культуры приводит к созданию технических систем, которые «автоматически» обеспечивают соблюдение индивидами элементарных моральных норм. Так, системы автоматического контроля и технической диагностики не позволяют работникам трудиться недобросовестно. Кассовый аппарат фиксирует полученные кассиром суммы и тем самым препятствует их сокрытию, устраняет возможность сознательного обмана. Педагог, пользующийся компьютерной программой проверки знаний учащихся, не может проявить пристрастность в оценках. Таким образом, механизм доверия как бы закладывается в функционирование технических систем. Система сама берет на себя контроль за ожиданиями и делает это с большей надежностью, чем если бы это зависело лишь от воли и желания отдельных индивидов, группы людей. Правда, подобного рода «технологическое обеспечение» доверия касается лишь жестко ограниченных алгоритмов технической системы. В более «непрозрачных» ситуациях от человека требуется самостоятельный выбор доверия и недоверия. И все-таки можно с большим основанием выделить растущую в современном мире *системно-технологическую* функцию доверия.

Деструктивные функции феномена доверия/недоверия проистекают из его возможных патологий. Для личности такими деструкциями могут выступать явления социальной регрессивной синтонности и аутизма. Социальная регрессивная синтонность означает такую особенность склада личности, которая проявляется в повышенной общительности и откровеннос-

ти, в постоянной готовности доверять всем без учета ситуации и своего положения в обществе. Аутизм состоит в крайней форме психологического отчуждения, которая выражается в уходе человека или группы людей от контактов с окружающей действительностью, в превращении их из субъекта жизни в субъект «отчужденной активности» (по Э. Фромму).

Для организованного сообщества деструктивные функции доверия/недоверия могут заключаться в явлениях социальной дезорганизации. Под социальной дезорганизацией понимается совокупность социальных процессов, приводящих к тому, что в рамках определенного сообщества действия, отклоняющиеся от нормы доверия, превышают допустимый оптимум и угрожают установленному течению коллективной жизни.

Для общества деструктивные последствия феномена доверия/недоверия заключаются в возникновении и распространении социальной аномии. Это такое состояние социума, когда заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно. В недавних исследованиях жизненного опыта безработных крайнее проявление социальной аномии обозначено как циничная враждебность [9]. Это находит свое подтверждение в высказывании П. Штомпки о ситуации в постсоциалистической Польше: «Печально и парадоксально, но цинизм превратился в достоинство» [10, р. 53]. Анализируя препятствия на пути развития демократии в бывших социалистических странах, П. Штомпка отмечает, что в середине 90-х годов «культура недоверия», как оказалось, стала более предпочтительной в Польше и других постсоциалистических странах. «Эндемическое недоверие, проявившееся на всех уровнях и во всех областях социальной жизни, остается реальностью в течение пяти лет после падения реального социализма» [10, р. 43]. При устойчивых негативных тенденциях в общественном развитии патология социального доверия может заполнить все социальное пространство, максимально занять нишу доверия в общественных отношениях.

Литература

1. **Социальные технологии:** Толковый словарь. – М.: Центр социальных технологий, 1995.
2. **Скрипкина Т.П.** Психология доверия. – М.: Academia, 2000.
3. **Govier P.** Distrust as a practical problem // Journal of Social Philosophy. – Vilanova, 1992. – V. 23, No. 3.
4. **Giddens A.** The consequences of modernity. – Stanford: Stanford univ. press, 1990.
5. **Селигмен А.** Проблема доверия. – М.: Идея-Пресс, 2002.

6. **Шо Р.Б.** Ключи к доверию в организации: результативность, порядочность, проявление заботы. – М.: Дело, 2000.
7. **Фукуяма Ф.** Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая индустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М: Academia, 1999.
8. **Хоскинг Дж.** Почему нам нужна история доверия // Вестник Европы. – 2002. – № 7–8.
9. **Kortteinen M., Tuomikoski H.** Työtoen (The unemployed). – Helsinki, 1998.
10. **Sztompka P.** Trust and emerging democracy: Lessons from Poland // International Sociology. – 1996. – V. 11, No. 1.

© Дворянов А.А., 2006

КОНТУРЫ БУДУЩЕГО СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

З.И. Калугина, О.П. Фадеева

Исследование выполнено в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на перспективу до 2025 года при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-03-03290) и Президиума СО РАН (Комплексный интеграционный проект)

Среднесрочные тренды развития деревни во многом уже предопределены проводимой аграрной политикой, попыткой правительства поправить положение дел посредством реализации национальных проектов. Однако бессистемность, некомплексность принимаемых мер и отсутствие стройной концепции развития отечественного аграрно-промышленного комплекса не внушают особого оптимизма, хотя само рассмотрение развития АПК в качестве приоритетного направления развития России – факт знаменательный.

Что касается более отдаленной перспективы, то кардинальное изменение положения дел в аграрном секторе страны потребует неординарных и нетрадиционных подходов к сельскому развитию. В данной статье авторы, опираясь на многолетний опыт исследования аграрных проблем, попытаются представить контуры будущего сибирской деревни исходя из пред-

ставлений о многофункциональности сельских территорий, многопрофильности и многоукладности сельской экономики, приоритетности проблем человеческого развития. Перед авторами стояли три взаимосвязанные задачи. Во-первых, ответить на вопрос, является ли Новосибирская область однородной как объект стратегических разработок. Во-вторых, обосновать предмет стратегического планирования применительно к сельской местности. В-третьих, аргументировать необходимость смены парадигмы стратегического развития при переходе от среднесрочной перспективы к долгосрочной.

СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОБЪЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Для проверки гипотезы о неоднородности сельской территории Новосибирской области как объекта стратегического планирования был выполнен типологический анализ социально-экономического положения сельских районов области. Исходные показатели, используемые для группирования районов, отражают долю района в территории области, численности населения, производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции, а также эффективность и условия сельскохозяйственного производства. Перечень этих показателей и их средние значения по выделенным кластерам приведены в таблице.

Иерархический кластерный анализ на основе стандартизованных переменных позволил выделить пять кластеров районов¹, размещение которых на территории области показано на рисунке.

В отдельный, *первый*, кластер выделился Новосибирский район, который занимает лидирующее место среди районов области.

Второй кластер образуют пять наиболее развитых районов, расположенных в пригородной зоне или вблизи железнодорожных и автомобильных магистралей: Искитимский, Коченевский, Ордынский, Тогучинский и Черепановский.

В *третий* кластер вошли 12 районов, расположенных в Кулундинской зоне и Южной Барабинской подзоне: Карасукский, Краснозерский, Кочковский, Барабинский, Усть-Тарский, Венгеровский, Баганский, Купинский, Татарский и Чистоозерный, которые, хотя не обладают хорошими природно-климатическими условиями, демонстрируют стабильное разви-

---

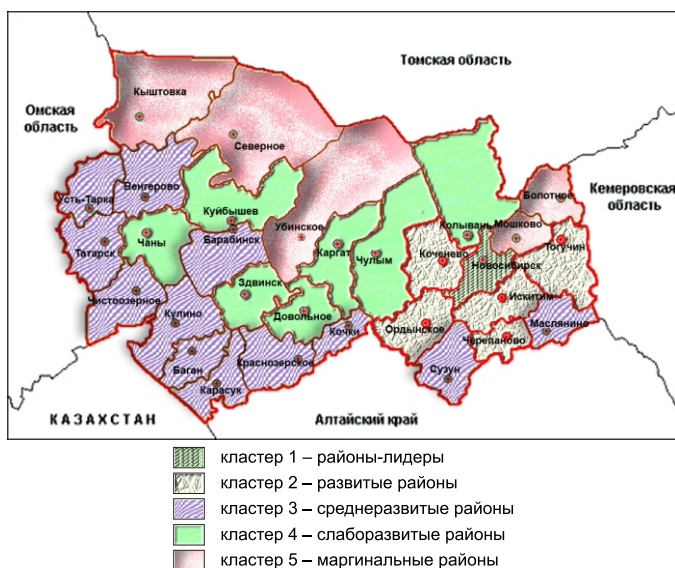
¹ Расчеты выполнены С.В. Братюченко.

Средние показатели развития сельских районов Новосибирской области по выделенным кластерам

Показатель	Кластеры				
	I	II	III	IV	V
Число районов в кластере	1	5	12	7	5
Удельный вес района в территории области, %	1,6	2,6	2,6	3,9	5,2
Удельный вес района в численности постоянного населения области, %	4,3	2,0	1,0	0,9	0,9
Удельный вес района в объеме продукции сельского хозяйства, %	11,7	5,4	2,8	2,2	1,7
Удельный вес района в объеме промышленной продукции, %	4,2	1,2	0,2	0,1	0,3
Среднемесячная заработная плата одного работающего в сельском хозяйстве, руб.	4428	2643	1565	1436	1223
Объем производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, млн руб. за год	2146	1392	765	602	410
Доля сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции, %	41,0	51,2	58,7	51,6	33,2
Доля прибыльных хозяйств в 2004 г., %	82,0	74,4	81,3	52,4	40,6
Прибыль в расчете на одно хозяйство, тыс. руб.	4823	8639	4504	3992	1554
Доля перспективных хозяйств *, %	55,0	47,8	62,5	22,6	25,4
Число фермерских хозяйств, ед.	138	375	106	58	41
Балл бонитета почв	29,63	21,75	17,53	17,90	16,44
Производство молока на 100 га кормовой площади, ц	409	217	152	97	96
Производство мяса на 100 га кормовой площади, ц	22,2	12,2	11,4	7,2	7,0
Миграционный прирост / отток населения за 2004 г., чел.	+1514	+150	-134	-77	-112

* Экспертные оценки Института экономики СО РАНХ.

Источники: **Основные** показатели социально-экономического положения городов и районов Новосибирской области. 2003: Стат. сб. – Новосибирск: Облкомстат, 2004; **Сельское** хозяйство в Новосибирской области. Период 2000–2002 гг. – Новосибирск: Облкомстат, 2003.

Размещение выделенных кластеров районов по территории
Новосибирской области

тие. В составе этого кластера оказались также два района, расположенных в Центрально-Восточной зоне: Маслянинский и Сузунский, удаленные от областного центра и железных дорог. Все эти районы имеют средние показатели развития.

В **четвертый** кластер вошли семь районов, расположенных преимущественно в Южной и Центральной Барабинской подзонах: Доволенский, Здвинский, Каргатский, Куйбышевский, Чулымский, Чановский, Колыванский. По основным социально-экономическим показателям они занимают пограничное положение между третьим и пятым кластерами районов.

Пятый кластер образуют пять наименее развитых (маргинальных) районов из трех природно-климатических зон. Они характеризуются низким бонитетом почв, малонаселенностью при наибольшей доле в территории области, низкой эффективностью сельскохозяйственного производства, сокращением роли коллективных хозяйств и слабым развитием фермерства. Основное производство сельскохозяйственной продукции в маргинальных районах области сосредоточено в личных хозяйствах населения.

Этот кластер составили две подгруппы районов: Убинский, Кыштовский, Северный с наихудшими природно-климатическими условиями и низкими экономическими показателями, а также Болотнинский и Мошковский районы, имеющие относительно благоприятные природно-климатические условия (бонитет почв здесь равен соответственно 20,09 и 19,36 балла), но наихудшие экономические показатели. Так, в Мошковском районе в 2004 г. из девяти сельхозпредприятий только одно было прибыльным, а в Болотнинском – только три хозяйства из одиннадцати отнесены, по экспертным оценкам СО РАСХН, к числу перспективных. Заработная плата сельскохозяйственных работников в этих районах – одна из самых низких: 1329 и 1263 руб. соответственно. Как следствие – низкая производительность труда и незаинтересованность жителей в сельскохозяйственном труде. Пригородное положение районов способствует трудоустройству населения в городе.

Как видно из приведенных данных, наибольшая дифференциация уровня социально-экономического развития районов наблюдается по географическому положению (близость к мегаполису, а соответственно к рынкам сбыта), плодородию сельскохозяйственных угодий и природно-климатическим условиям.

Размер заработной платы сельскохозяйственных работников также сильно дифференцирован: размах колебаний составляет 3205 руб. Низкая заработная плата, с одной стороны, является следствием неэффективности ведения хозяйства, а с другой – ее фактором. К тому же недооценка рабочей силы – это мощный «выталкивающий» фактор. Результирующим показателем, отражающим условия жизнедеятельности населения в районе, является миграционный прирост или отток населения, который показывает вектор перемещений сельского населения из неблагополучных районов в более развитые.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ ОБЛАСТИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

В концепции югославского экономиста Р. Бичанича о поворотных пунктах (точках бифуркации) в динамике сельского хозяйства [1] постулируется, что каждая из трех стандартных групп факторов производства (труд, земля, капитал) проходит в своем историческом развитии три стадии.

На первой стадии численность занятых в сельском хозяйстве растет, господствует натуральное хозяйство, нацеленное на максимизацию про-

дукта. Производство полностью зависит от наличия земли и ее естественной продуктивности. Капитал либо крайне скуден, либо вообще отсутствует. На этой стадии главными являются природные факторы и риски, опора делается на трудовой потенциал села.

На второй стадии абсолютный рост занятых в сельском хозяйстве прекращается, их доля снижается, осуществляется поворот к товарному рыночному производству и максимизации дохода от продажи продукции. Происходят истощение лучших земель, сокращение угодий в ходе урбанизации, вывод из оборота маргинальных земель. Отмечается резкий рост капиталоемкости при выравнивании нормы отдачи, окупаемости инвестиций в сельском хозяйстве и за его пределами, что провоцирует приток средств из других отраслей. Здесь главными являются коммерческие факторы.

На третьей стадии значительно сокращается занятость в сельском хозяйстве, приоритетным становится увеличение дохода на одного занятого. Осуществляются интенсификация землепользования, замещение естественного плодородия капиталом через механизацию, химизацию, мелиорацию, земля теряет позиции ключевого фактора, превращается в «обычный товар». Происходит насыщение капиталом и даже его ограничение. Акцент делается на финансовые и инновационные факторы.

По оценкам специалистов, в России первая стадия в сельском хозяйстве была самой длительной. В советский период ее удалось преодолеть лишь в конце 50-х – начале 60-х годов, когда на государственном уровне было принято решение о существенном увеличении финансирования развития АПК. При этом колхозы и совхозы не стали вполне рыночными хозяйствами, так что переход на вторую стадию в полной мере не был осуществлен. К тому же вывод земель из оборота, характерный для второй стадии, в нашей стране происходил крайне медленно, так как долгие годы дотациями поддерживались неэффективные хозяйства, использующие малоплодородные земли.

Частичный переход от второй стадии к третьей произошел в России на излете кризиса 90-х годов, когда возник интерес к некоторым наиболее сильным предприятиям АПК и наиболее плодородным сельским территориям как инвестиционно привлекательной сфере. Однако кризис 90-х годов заставил сельское население вернуться к натуральному хозяйствованию в рамках ЛПХ, ставшего ведущим сектором сельскохозяйственного производства, так что значительная доля сельскохозяйственного производства в России вновь оказалась на первой стадии.

По мнению специалистов, специфика России заключается в неравномерном и неодновременном прохождении стадий сельского развития в разных уголках огромной страны, так что даже в рамках одного региона можно зафиксировать существование разных типов хозяйствования на земле [2, 3].

Типология сельских районов Новосибирской области подтверждает этот тезис. Если оценить сельское развитие выделенных кластеров с позиции рассматриваемой теории, то с определенной долей вероятности можно утверждать, что большинство сельских районов области (третий и четвертый кластеры) находятся на стадии перехода от первой ко второй стадии развития. Пятый кластер районов, представленный пятью самыми отсталыми районами области, проходит еще первую стадию. Первый и второй кластеры, в которые входят наиболее благополучные районы, проходят вторую стадию развития, и лишь в отдельных «хозяйствах-маяках» наблюдаются признаки перехода от второй стадии к третьей.

Согласно *географической концепции эволюции сельской местности, предложенной Т. Нефедовой* [3], эта эволюция состоит из пяти стадий, которые соответствуют этапам урбанизации сельской территории.

Первая стадия – природная: сельхозпроизводство, расселение, образ жизни – все вписано в природу. Преобладает натуральное хозяйство, продуктивность которого зависит от природных условий. Для этой стадии характерны разнообразие, самодостаточность и обособленность природно-этнических сельских ареалов.

Вторая стадия – раннегородская, природно-национальная, когда урбанизация стимулирует отток сельского населения, но благодаря высокому естественному приросту сохраняется его многочисленность. Но уже идет процесс дифференциации специализации и культуры землепользования, хотя результаты общественного производства все еще в наибольшей степени зависят от природных предпосылок. Роль индивидуального сектора в выживании села высока, но дифференцирована слабо.

Третья стадия – среднеурбанизационная. На этой стадии происходит резкое деление территорий, обладающих благоприятными (юг) и неблагоприятными (север) природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства. Природа и капитал представляют собой взаимодополняющие друг друга факторы. Происходят концентрация и поляризация производства и сельского расселения, стягивание населения и жизнеспособного общественного производства к городам.

Четвертая стадия – позднеурбанизационная. Усиливаются зональные различия. Капитал уже заменяет труд, не требуя роста сельского населения.

Пятая стадия – неоприродная (экологическая). Сельское пространство перестает быть аграрным и становится рекреационно-дачным и эковиотехнологическим.

По мнению автора концепции, в настоящее время российская сельская местность в целом переживает третью стадию эволюции, а некоторые регионы, такие как Подмосковье, находятся уже на следующей.

Как показывает анализ, в Новосибирской области сельское развитие ближе всего соответствует среднеурбанизационной стадии по модели Т. Нефедовой. Для него также характерны зональная дифференциация развития территорий, стягивание производства и населения к мегаполису.

С позиции **устойчивого развития** сельское хозяйство проходит также несколько стадий развития, характеризующихся социальной, экономической или экологической ориентацией. В ходе исторического развития производительных сил аграрный сектор решает три указанные группы проблем последовательно. Сначала преодолевается проблема голода, – на этом этапе находятся страны социально ориентированного сельского хозяйства. Затем решается проблема низкого уровня благосостояния занятых в аграрном секторе, – на этом этапе находятся страны экономически ориентированного сельского хозяйства. Наконец, осуществляется задача минимизации загрязнения окружающей среды в результате аграрной деятельности, – на этом этапе находятся страны экологически ориентированного сельского хозяйства.

Анализ ситуации в Новосибирской области показывает, что за годы реформ, когда ослабла государственная поддержка аграрного сектора и из-за этого часть «лишних» земельных угодий была выведена из обращения, сельскохозяйственное производство и переработка сельхозпродукции наиболее успешно развивались в пригородной зоне. Доля периферийных районов в производстве сельхозпродукции сократилась, местным властям было все труднее сдерживать процессы разорения и ликвидации сельхозпредприятий, а также местных молочных и мясоперерабатывающих производств, ставших неконкурентоспособными в новых рыночных условиях. Как следствие невозможности сохранять прежний профиль сельхозпроизводства, отличающийся малой продуктовой специализацией предприятий, работающих в районах с разными природно-климатическими условиями, стихийно нарастало количество необрабатываемых земель, сокращалось поголовье скота, так как производство молока и мяса стало убыточным.

Можно говорить о разнонаправленности процессов сельского развития, происходящих в пригородах и на периферии. Если в пригороде со временем оставшиеся на плаву коллективные хозяйства и поднявшиеся фер-

мерские хозяйства получили более или менее стабильный рынок сбыта, почувствовали заинтересованность в своей продукции со стороны переработчиков и покупателей, сумели привлечь инвестиции для материального перевооружения своего производства, то на периферии вслед за разрушением местных предприятий переработки сузился рынок сбыта, посредники все жестче стали диктовать свои условия, возможности для окупаемого земледелия практически сошли на нет. Поэтому на периферии население было вынуждено все больше времени и внимания уделять личным подсобным хозяйствам как единственному источнику существования – за счет самоэксплуатации.

Высокая доля производства в ЛПХ, характерная для всех групп районов Новосибирской области, свидетельствует о преимущественной социальной ориентированности сельского хозяйства, которая способствует выживанию, но не решает проблему повышения уровня благосостояния сельского населения. В свою очередь, низкая рентабельность сельскохозяйственной деятельности, не обеспечивающая даже простого воспроизводства, не позволяет предприятиям перейти на стадию экологически ориентированного хозяйствования.

Уже упомянутые выше неравномерность и неодновременность прохождения стадий сельского развития в разных уголках нашей страны, проявившиеся в типологии сельских районов Новосибирской области, с необходимостью требуют дифференцированного подхода к выработке стратегии по выделенным группам районов, так как они развиваются по разным траекториям².

Второй вывод, вытекающий из анализа современных концепций, заключается в том, что существует взаимосвязь в развитии сельской экономики, сельских территорий и сельского населения. Такой подход частично отражает *концепция устойчивого сельского жизнеобеспечения* [7]. Система устойчивого сельского жизнеобеспечения базируется на комплексном использовании сельским сообществом пяти видов основных ресурсов: природных, материально-технических, финансовых, социальных и человеческих. В центре такой системы стоит сельский житель с его потребностями и интересами. В число основных задач устойчивого сельского жизнеобеспечения входят следующие: защита прав сельских граждан на

² Идея дифференцированного подхода к стратегиям развития сельских территорий исходя из их различий по социальным, экономическим, культурным и природным параметрам изложена в концепции английских ученых Т. Марсдена, Дж. Мердока и др. [4–6].

землю; повышение уровня знаний сельского населения в области сельхозпроизводства; улучшение доступа к финансовым ресурсам (схемы микрокредитования); улучшение доступа к услугам и развитие кооперации; развитие сельских сообществ, местного самоуправления и несельскохозяйственных видов бизнеса [8].

Переплетение, взаимозависимость и значимость социальных, экономических и природных факторов в развитии сельских территорий обуславливают необходимость комплексного подхода при решении стратегических задач. Из этого вытекает вывод о том, что ***предметом стратегических разработок применительно к сельским территориям должно стать сельское развитие в целом, включающее три основных элемента: развитие сельской экономики, развитие сельских территорий и развитие человека.***

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ДО 2025 г.

Переход страны к рынку, резкое снижение роли государства в решении социально-экономических задач обуславливают необходимость поиска и нахождения новых источников сельского развития. В соответствии с этим в отдаленной перспективе необходима и смена парадигмы сельского развития.

Новая парадигма сельского развития заключается в смене ориентиров: от государственного патернализма следует перейти к саморазвитию с опорой на внутренние ресурсы и равноправное партнерство государства, бизнеса и населения.

Стратегической целью является обеспечение качественного прорыва в повышении уровня жизни сельского населения и устойчивого развития сельских территорий.

Исходные постулаты концепции:

- полифункциональность сельской территории (экономика, рекреация, социальный контроль за территорией, воспроизводство населения);
- многопрофильность сельской экономики;
- многоукладность аграрного производства;
- высокие стандарты жизни населения;
- неурбанистический образ жизни.

Традиционно аграрный сектор рассматривался как поставщик для экономики страны и городского населения сельскохозяйственной продукции,

а сельское население – как его производитель. Между тем аграрный сектор помимо производственной выполняет по отношению к обществу и своему населению ряд важных социально-экономических функций. К ним относятся рекреационная функция, функция социального контроля за территорией и функция воспроизводства населения.

Рекреационная функция состоит в оздоровлении городского и сельского населения за счет использования природных рекреационных ресурсов: горных и лесных ландшафтов, морских и речных пляжей, минеральных источников, целебных грязей и т.д. Большинство санаториев, загородных больниц, домов отдыха, детских оздоровительных и спортивных лагерей, дачных поселков, туристических баз, садово-огородных участков расположено на сельской территории. Село, бесспорно, является главным исполнителем данной функции.

Вторая социальная функция села заключается в относительно равномерном заселении, хозяйственном освоении внегородской территории страны и социальном контроле над ней. Аграрное население ответственно перед обществом за освоение и поддержание в освоенном состоянии сельскохозяйственных угодий, лесов, озер и других природных ресурсов и за соблюдение правопорядка на внегородской территории.

С утратой сельских поселений общество теряет социальный контроль над своей территорией, что угрожает территориальной целостности страны в условиях дефицита земельных и природных ресурсов в сопредельных государствах при высокой плотности их заселения. Это приводит также к резкому сокращению используемых рекреационных ресурсов, что является дополнительным фактором ухудшения и без того крайне неблагоприятной демографической ситуации в нашей стране.

Выполнение сельскими территориями функции социального контроля над освоенным географическим пространством должно быть основано на доктрине национальной безопасности страны. В соответствии с этой доктриной необходимо разработать адекватную систему сельского расселения, обеспечивающую социальный порядок и территориальную целостность страны. Основную функцию по обустройству и развитию приграничных поселений, в том числе контрольно-пропускных пунктов, должно взять на себя государство.

Воспроизводственная функция деревни заключается не только в воспроизводстве численного состава аграрного населения, но также в передаче от поколения к поколению умений и навыков в сфере природопользования и ведения сельскохозяйственного производства, сельского уклада жизни и традиционных норм и ценностей.

Выполнение сельскими территориями воспроизводственной функции непосредственно связано с резким повышением качества жизни сельского населения, которое в настоящий момент значительно ниже качества жизни городского населения, что обуславливает значительно худшие показатели состояния здоровья селян, продолжительности их жизни и развития человеческого потенциала в целом.

Перспективы сельского развития любой территории и страны в целом должны определяться исходя из необходимости выполнения деревней всех перечисленных ее функций. При этом роль и значимость отдельных функций со временем могут принципиально меняться. В эпоху постиндустриального общества роль деревни как производителя сельскохозяйственной продукции хотя и сохраняется, но ее выполнение требует интенсификации и повышения эффективности использования человеческих и материально-технических ресурсов, с одной стороны, а с другой – четкой специализации и диверсификации производства с расширением доли перерабатывающих отраслей, несельскохозяйственных видов деятельности и сферы услуг. Не меньшее значение имеет возрождение производства традиционных сельскохозяйственных культур, резкое сокращение объемов которого в советские времена было обусловлено существующим тогда разделением труда между союзными республиками. Это, например, производство льна, в прошлом характерное для аграрного сектора Сибири.

В перспективе возрастает роль деревни как обладательницы разнообразных рекреационных ресурсов начиная с чистого воздуха и кончая уникальными бальнеологическими ресурсами: природными минеральными и термальными источниками, лечебными грязями, водными и лесными угодьями. Использование этих ресурсов обеспечивает сельскому населению новые сферы занятости, связанные с обслуживанием курортов, санаториев, зон и баз отдыха³. Здесь важно подчеркнуть необходимость сохранения неурбанистического уклада жизни в сельской местности, что послужит дополнительным фактором ее привлекательности для туристов и отдыхающих. Опыт развитых стран и современной России демонстрирует новые типы расселения, когда вокруг мегаполисов возникают пригородные поселения-спутники, превращающиеся в спальные районы и зоны отдыха для обеспеченных слоев населения, готовых вкладывать деньги в со-

---

³ Об опыте развития сельского туризма в Республике Карелии см. работу И. Коптевой [9].

здание фамильных усадеб, загородных домов и дач. В таких поселениях сформируется специфическая инфраструктура по снабжению и обслуживанию горожан.

Однако это не снимает задачи благоустройства сельских территорий на уровне современных стандартов. Только сочетание сельского уклада жизни с современным уровнем обслуживания и благоустройства обеспечит стабильный приток городского населения в сельскую местность на отдых, в туристических целях и на лечение. Уход от моноотраслевой структуры производства на селе будет способствовать также расширению сфер занятости трудоспособного населения, что существенно повысит социальную привлекательность сельской местности в качестве постоянного места жительства.

Обеспечение высоких стандартов жизни сельских жителей является приоритетным направлением сельского развития. Все существующие проблемы качества жизни населения наиболее остро проявляются в сельской местности. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, на селе более низкий уровень заработной платы. По мнению 70% сельских работников, их труд оплачивается несправедливо, его оплата не соответствует их квалификации и трудовому вкладу. Такие оценки имеют объективные основания. В настоящий момент заработная плата сельскохозяйственных работников является самой низкой среди всех отраслей экономики. Если среднемесячная заработная плата по Новосибирской области составила в первом квартале 2006 г. 7686 руб., то в сельском хозяйстве – 2708 руб., т.е. 35% от средних показателей. В результате сельская местность превратилась в зону с высокой концентрацией бедности. По данным Обследования бюджетов домашних хозяйств за 2002 г., 78,1% сельского населения Новосибирской области имели доходы ниже прожиточного минимума. В социально-экономической структуре сельского населения области полностью отсутствуют средний, верхний и высший слои, чьи доходы составляют соответственно 2,5–4,5 ПМ и 4,51 ПМ и выше.

Во-вторых, в сельской местности намного выше уровень безработицы. По данным за 2004 г., 29,7% зарегистрированных безработных составляли сельские жители при их доле в общей численности населения области около 25%. Хотя уровень зарегистрированной безработицы в области не превышает 1,5–2%, уровень фактической безработицы в сельских районах, по оценкам экспертов, достигает 25%. При этом отмечается наличие структурной безработицы, что обусловлено, с одной стороны, низким уровнем образования и квалификации сельского населения и частичной деквалификацией спе-

циалистов в процессе длительной безработицы и при разрушении системы профессиональной переподготовки. А с другой стороны, это обусловлено низким качеством вакантных рабочих мест (плохие условия труда, низкая его оплата, длительные задержки заработной платы, отсутствие перспектив и т.д.). Ситуация усугубляется дисперсностью сельского расселения, порождающей анклаvizацию сельского рынка труда. При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодежи.

В настоящее время на карте Новосибирской области появилось не менее 300 деревень, где нет крупного работодателя, способного обеспечить постоянной работой основную часть трудоспособного населения и регулярно выплачивать заработную плату. Жители деревень, где нет крупного работодателя, лишенные возможности найти оплачиваемую работу в сфере легальной экономики, а также элементарного социального и бытового обслуживания, существуют в основном за счет своего подсобного хозяйства, а иногда вынуждены прибегать к нетрадиционным, в том числе криминальным, способам выживания. Оторванные от внешнего мира из-за неразвитости транспортных коммуникаций и дороговизны транспортных услуг, сельские сообщества, проживающие на таких территориях, постепенно превращаются в депривированные социальные анклавы.

В результате отмеченных негативных тенденций, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., только 37% сельских жителей Новосибирской области имели доход от трудовой деятельности. Длительная безработица и отсутствие перспектив получения работы разрушают трудовую мотивацию и снижают уровень экономической активности. По данным за 2004 г., уровень экономической активности сельского населения области составил 59,4%, в то время как населения городской местности – 64,6%.

Основным источником дохода для сельских жителей являются личное подсобное хозяйство и социальные пособия. Однако доходы от ЛПХ недостаточны для преодоления проблем бедности. Основная часть продукции ЛПХ идет на удовлетворение нужд самих сельских семей и их родственников. Денежные поступления, получаемые от продажи «избытков» продукции ЛПХ, носят нерегулярный сезонный характер, а размер хозяйства ограничивается финансовыми, трудовыми и материально-техническими ресурсами семьи, которые находятся в настоящий момент на грани истощения. Ведение личного подсобного хозяйства для многих семей носит вынужденный характер. При наличии постоянной работы многие из них существенно сократили бы его размеры или отказались бы от него вовсе.

Кроме того, занятость в ЛПХ не решает проблему аграрного перенаселения и не гарантирует социальную защиту сельского населения в старости, так как труд в ЛПХ не засчитывается в стаж работы. Механизм же накопления страховой части пенсии для занятых в ЛПХ также не отработан.

И наконец, одним из негативных факторов, резко снижающих качество жизни в селах Новосибирской области, является произошедшее в годы реформ разрушение социально-бытовой инфраструктуры вследствие ее передачи с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных администраций. Последние к настоящему времени не имеют в достаточном объеме ни финансовых, ни материальных, ни кадровых ресурсов для ее содержания и развития. Это привело к деградации социальной сферы села, сузило и без того небогатый выбор рабочих мест, обусловило увеличение диспропорций в структуре рабочих мест на сельском рынке труда.

Повышение уровня и качества жизни сельского и городского населения увеличит спрос на экологически чистую сельскохозяйственную продукцию, что подтверждает опыт развитых стран. В ряде стран в настоящее время создаются ассоциации ответственных производителей и потребителей сельскохозяйственной продукции, произведенной по «органическим» технологиям и без ущерба для окружающей среды. Наличие в России незагрязненных территорий и резкое сокращение применения минеральных удобрений, а также различных химических веществ в сельскохозяйственном производстве в последнее время благоприятствуют развитию этого направления аграрной экономики. Трудности сертификации такой продукции вполне преодолимы.

Для качественного выполнения деревней всех перечисленных функций требуется диверсификация сельской экономики. В отдаленной перспективе основными функциями деревни должно стать не только, а возможно, и не столько производство сельскохозяйственной продукции, что необходимо для обеспечения продовольственной безопасности страны, но и развитие других видов производственной деятельности. В первую очередь это касается реанимации сельской социальной и производственной инфраструктуры, развития переработки сельскохозяйственной продукции, возрождения народных промыслов, вовлечения в хозяйственный оборот разнообразных рекреационных ресурсов, размещения в сельской местности промышленных производств, опирающихся прежде всего на использование местных природно-сырьевых ресурсов.

Создание за годы реформ многоукладной аграрной экономики, институционализация новых форм хозяйствования, во-первых, обеспечивают предпосылки для зарождения свободной конкуренции товаропроизводителей на аграрном рынке, а во-вторых, позволяют использовать преимущества как крупного сельскохозяйственного производства, так и мелкого, базирующегося на инициативе граждан.

МЕХАНИЗМЫ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ

Достижение стратегической цели сельского развития с опорой на внутренние ресурсы может быть обеспечено с помощью институциональных, экономических, организационных и социальных механизмов, к которым относятся

- совершенствование институциональной среды (земельного, водного и лесного кодексов);
- закрепление и защита прав собственности;
- государственная политика по защите интересов отечественного товаропроизводителя;
- диверсификация сельской экономики (развитие несельскохозяйственных видов деятельности, народных промыслов, зон рекреации, сельского туризма);
- вывод из сельхозоборота маргинальных земель;
- развитие малого и среднего бизнеса;
- возрождение сельской кооперации;
- реализация национальных проектов;
- развитие на селе местного самоуправления;
- социальное партнерство между государством, бизнесом и населением.

Ориентация сельского развития на внутренние ресурсы не снимает с государства ответственности, связанной с защитой интересов отечественных товаропроизводителей и созданием благоприятных институциональных условий для их деятельности. Задачи обеспечения продовольственной безопасности страны, выявившиеся изъяны либерализации внешней торговли сделали очевидной необходимость умеренного протекционизма по отношению отечественному производителю продовольствия.

В то же время, по мнению выдающегося мыслителя современности Э. де Сото, главной причиной экономических неудач бывших социалистических стран является неразвитость института собственности. Ущербное оформ-

ление прав собственности, неотработанность и пробуксовка механизмов их защиты оказываются тормозом на пути рыночных преобразований [10].

Экономические интересы федерального центра, местных властей и частного бизнеса не должны входить в противоречие с социальной составляющей аграрной политики. Конец XX в. ознаменовался резким изменением системы ценностей, целевых ориентиров и критериев общественного прогресса. На первое место вышли факторы, определяющие условия жизнедеятельности человека, качество его жизни. В настоящее время развитие человеческого потенциала признается главным фактором экономического роста и важнейшим приоритетом социальной политики. Основной движущей силой в достижении целей социально-экономического развития сельских территорий должен стать средний класс, который сейчас в селе находится в зародышевом состоянии из-за обнищания основной массы сельского населения, снижения качества жизни и уменьшения социальной доступности образования.

Идеи диверсификации сельского хозяйства, многофункциональности аграрной экономики, а также развития местного самоуправления нашли частичное отражение в действующем Федеральном законе от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», реализация которого рассчитана на период до 2010 г. Согласно этому закону, работа по переустройству села должна быть передана вниз – на уровень районных администраций и муниципальных образований. Чиновникам следует стать менеджерами нового типа, обладающими всеми чертами классического предпринимателя. В поле их компетенции должны быть подготовка идей, разработка бизнес-планов создания новых производств, привлечение инвесторов и стимулирование развития местного предпринимательства, предоставление объективной информации, содействие в аренде пустующих помещений и подборе работников и проч. Таким образом, местные власти могли бы взять на себя роль координирующего центра в создании экономики нового типа, иметь для этого соответствующие полномочия, финансовые и материальные средства, а также отвечать перед вышестоящим начальством и населением за результаты этой работы.

Оправдаются ли надежды правительства на развитие сельской инициативы, покажет время, однако успешность сельского развития в перспективе будет определяться заинтересованностью государства, бизнеса и населения, эффективностью их взаимодействия и обеспеченностью социальных программ всеми необходимыми ресурсами.

Литература

1. **Bicanic R.** Turning points in economic development. – The Hague; Paris: Mouton, 1972.
2. **Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.** Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.
3. **Нефедова Т.** Сельская Россия на перепутье: географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003.
4. **Constructing the countryside** / Marsden T.K., Murdoch J., Lowe P. et al. – L.: Univ. College London Press, 1993.
5. **Murdoch J., Marsden T.K.** Reconstituting rurality: Class community and power in the development process. – L.: Univ. College London Press, 1994.
6. **Marsden T.K.** Beyond agriculture: Regulating the new rural spaces // *Journal of Rural Studies*. – 1995. – V. 11.
7. **Chambers R., Conway G.** Sustainable rural livelihoods: practical concepts for the 21st century / IDS Discussion Paper 296. – Brighton: IDS, 1991.
8. **Янбых Р.Г.** Программы устойчивого сельского развития: понятийный аппарат и опыт реализации в России и зарубежных странах // II Всероссийский конгресс «Устойчивое развитие агропродовольственного сектора как важнейший фактор социально-экономической стабильности России» (Москва, 13–15 февраля 2006 г.). – М., 2006.
9. **Копотева И.** Сельский туризм как одно из направлений в разработке стратегий развития сельских территорий // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность* / Уч. зап. 2005. – М., 2006. – Вып. 5.
10. **Сото Э., де.** Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире: Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.

© Калугина З.И., Фадеева О.П., 2006

УТОЧНЕННЫЙ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ НА 2006–2009 гг.

Министерство экономического развития и торговли РФ разработало прогноз социально-экономического развития экономики России на 2006–2009 гг. Уточненный прогноз на 2006 г. и на период до 2009 г. рассчитан исходя из среднегодовой цены на нефть в текущем году в размере 65 долл. США за баррель нефти Urals (до этого прогноз составлял 62 долл. за баррель), в 2007 г. – 61 долл., в 2008 г. – 54, в 2009 г. – 48 долл.

Минэкономразвития России предлагает повысить прогноз роста ВВП РФ на 2006 г. до 6,5% с 6,1%, а на 2007 г. – до 6% с 5,7%.

Интерфакс, 7 августа 2006 г. (<http://aksionbkg.com/library>)

ОЦЕНКИ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗМЕНЕНИЯ ТОПЛИВНОГО БАЛАНСА СИБИРИ

Н.М. Журавель, А.В. Меркульев

Топливо-энергетический комплекс Сибири – крупнейший источник загрязнения окружающей среды. На его долю приходится от общепромышленных объемов свыше половины вредных выбросов в атмосферу, до четверти вредных отходов и сброса загрязненных сточных вод в водоемы, а также до 70% выброса парниковых газов. Несмотря на это, в Энергетической стратегии России до 2020 года намечено уменьшение доли природного газа в общем энергопотреблении с 52% в 2005 г. до 46% в 2020 г., в том числе и за счет увеличения потребления угля. При этом сохраняется диспропорция в потреблении угля и газа между Сибирью, Россией и миром. Хотя мировая тенденция состоит в преобладающем по сравнению с газом росте потребления угля, в Сибири в перспективе ожидается увеличение и так существенно большей доли угля в структуре потребления первичных ресурсов. К 2020 г. она прогнозируется на уровне 53,5% (напомним: в 2005 г. – 52%) по сравнению с 35% в мире и 20% в России при прогнозе доли газа на уровне 9,5, 25 и 45,5% соответственно [1, 2].

В настоящей статье представлена оценка эколого-экономических последствий увеличения доли угля в топливно-энергетическом балансе, от которых зависит ускорение процессов инвестирования в «чистые» угольные технологии. Оценка эколого-экономического ущерба на перспективу до 2020 г. выполнена для угольной теплоэнергетики и угледобычи по методике определения предотвращенного экологического ущерба, утвержденной в 1999 г. Госкомитетом РФ по охране окружающей среды.

Потребность в угле для теплоэнергетики России определена в Энергетической стратегии до 2020 г. в следующих размерах: 2010 г. – от 112,6 до 121,0 млн т; 2015 г. – от 127,8 до 136,0; 2020 г. – от 158,3 до 170,0 млн т. Уже к 2010 г. прогнозируется, что 70% угля будет добываться в Кузнецком и Канско-Ачинском бассейнах. Прогноз потребления газа и угля тепло-

Таблица 1

Прогноз потребления газа и угля теплоэнергетикой, % от общего потребления топлива по региону

Регион	Природный газ		Уголь	
	2005	2020	2005	2020
Европейская часть России	81,1	74,2	10,8	17,8
Сибирь	13,3	11,4	78,0	83,7
Дальний Восток	18,6	43,4	47,1	49,6
Россия	65,5	59,2	25,9	33,5

энергетикой в региональном разрезе представлен в табл. 1. Из приведенных в ней данных следует, что прирост тепло- и электроэнергии в Сибири по-прежнему будет осуществляться за счет угольных технологий.

Результаты расчетов ущерба от вредных выбросов при сжигании угля в Сибирском федеральном округе показали, что при сохранении существующих технологий использования угля в энергетике можно ожидать почти пятикратного роста потерь от ущерба, причиняемого народному хозяйству и окружающей среде: к 2020 г. по сравнению с 2005 г. в России потери увеличиваются с 2,8 до 13,6 млрд руб., в Сибирском федеральном округе – с 1,9 до 9,0 млрд руб.

По оценкам Сумского филиала Харьковского политехнического института [3], потери от заболеваемости населения увеличиваются в 3 раза, а потери коммунального хозяйства – в 3,5 раза при росте среднегодовой концентрации в воздухе: золы – с 0,3 до 1,65 мг/куб. м, окислов серы – с 0,1 до 0,55, окислов азота – с 0,17 до 0,935 мг/куб. м.

Для справки: предельно допустимая концентрация (максимально разовая) в воздухе населенных мест равна для окиси азота 0,06 мг/куб.м, для двуокиси азота – 0,085, для сажи – 0,15, для пыли – 0,5, для окислов серы – 0,5, для окислов углерода – 5, для метана – 50 мг/куб. м. При этом для окислов серы, азота и углерода характерна суммация воздействия, и их безразмерная суммарная концентрация не должна превышать 1: $\sum_i \frac{C_i}{\text{ПДК}_i} \leq 1$.

В Кузбассе при росте среднегодовой индивидуальной концентрации выбросов золы, окислов серы и азота с 0,02 до 0,3 мг/куб.м ущерба возрас-

тают ежегодно: по сельскому хозяйству – в 55 раз, по лесному хозяйству – в 45 раз (без учета суммации их взаимного воздействия).

В Институте угля и углехимии СО РАН [4] с использованием методики расчета полезных функций леса дана ориентировочная оценка экологического ущерба при сведении леса в Кузбассе на уровне 230 тыс. руб./год на 1 га (цены 2005 г.). Эколого-токсикологическое обследование сельхозугодий, проведенное этим институтом на площадях ООО «Байат», показало, что уровень загрязнения сельскохозяйственной продукции тяжелыми металлами превышает ПДК, из-за чего почвы становятся малопригодными для сельского хозяйства. Исследователями делается вывод, что такое состояние почвы Кузбасса становится фоновым для всех землепользований.

Существенное сокращение вредных выбросов возможно лишь в результате замены существующих технологий сжигания угля на прогрессивные, уже доказавшие свои экологические преимущества. Расчеты по оценке сокращения удельных ущербов, сделанные для большинства новейших технологий сжигания угля [3], показали их высокую эффективность. Расчеты выполнены на основе как фактических данных по сокращению вредных выбросов (данные по ТЭС США, работающим по технологиям комплексной газификации и циркулирующего псевдоожиженного слоя), так и экспериментальных данных по российским опытным энергоустановкам: парогазовой установке (ПГУ), аллоавтотермическому газификатору (ААГ), каталитической теплофикационной установке, тепловым насосам и др. В таблице 2 приведены данные по удельным ущербам для четырех

Таблица 2

Удельный эколого-экономический ущерб при использовании улучшенных технологий сжигания угля, руб./тут угля

Технология	Кузнецкий уголь	Канско-ачинский уголь
Циркулирующий псевдоожиженный слой	13,06 (2,6)*	6,72 (2,7)
Комплексная газификация	19,77 (2,0)	6,53 (2,8)
ПГУ	2,14 (16,0)	1,14 (16,0)
ААГ	0,36 (94,5)	0,19 (94,5)

* В скобках указано снижение в разях удельного ущерба при применении новой технологии по сравнению с ущербом от современных фактических выбросов вредных веществ в атмосферу (SO_2 , NO_x , летучая зола) на углесжигающих ТЭС России.

технологий, показывающие, что возможно многоразовое улучшение экологических характеристик работы ТЭС.

Для угольной промышленности проанализирован ее технико-технологический потенциал в плане сокращения ущерба окружающей среде и сделаны прогнозные оценки ущерба на период до 2020 г. Оценки выполнены по трем вариантам изменения экологических условий добычи угля. Первый вариант предполагает сохранение существующего неудовлетворительного положения в природоохранной деятельности угольных предприятий. Второй основан на материалах подготовленного Межотраслевым институтом экологии ТЭК отраслевого прогноза по предусматриваемому снижению показателей техногенного воздействия на окружающую среду в угольной отрасли на период до 2010 г. Третий вариант предполагает внедрение в угольной промышленности новых технологий, способных существенно сократить вредное воздействие на окружающую среду, и в первую очередь за счет повышения использования вскрышных пород и отходов обогащения. Прогноз ущерба на 2020 г. по всем вариантам представлен в табл. 3. Реализация только третьего варианта приводит к желаемому улучшению экологической обстановки в угольной отрасли при росте добычи угля.

Таблица 3

Прогноз эколого-экономического ущерба от добычи угля, млн руб.*

Угольные бассейны и месторождения	2005	2020		
		1-й вариант	2-й вариант	3-й вариант
Угольные бассейны:				
Кузнецкий	1290,7	3160,2	2263,7	545,4
Канско-Ачинский	8,4	45,7	4,1	4,1
Южно-Якутский	80,0	400,7	204,1	15,7
Месторождения:				
Восточная Сибирь	213,0	490,2	338,8	160,1
Дальний Восток	256,0	289,5	60,5	29,1
Сибирь и Дальний Восток, всего	1848,1	4386,0	2871,2	754,4
Россия	3806,7	10618,0	4060,0	2175,8

* Прогноз с учетом предполагаемого повышения платы за вредные выбросы в 2020 г. по отношению к 2005 г. – в 1, 564 раза.

При добыче угля происходит выделение в атмосферу большого количества метана, который служит причиной множества аварий на угольных шахтах. Использование технологий предварительной дегазации угольных пластов позволяет в существенной мере устранить эти проблемы и получить значительное количество энергоресурсов, практически эквивалентных природному газу по теплотворной способности. Кроме того, метан является одним из газов, создающих парниковый эффект. Вступление в силу Киотского протокола в Российской Федерации предоставляет возможность использовать для повышения эффективности проектов по снижению выбросов парниковых газов механизмы, предусмотренные Протоколом: проекты совместного осуществления (ПСО) и торговлю квотами на выбросы. Действенность этих механизмов экономически обусловлена различием в издержках на сокращение выбросов в различных странах (на различных объектах), и реализуются они в проектах утилизации метана через возможность получения квот, или, иначе, углеродных кредитов (УК).

Стоимость углеродного кредита зависит от рынка продаж, который с началом действия Киотского протокола постоянно расширяется. Поэтому важно при оценке эколого-экономических последствий роста потребления угля в энергетике учесть возможные эффекты от использования рыночных механизмов Киотского протокола в рамках проектов дегазации угольных пластов.

Покажем это на примере Кузбасса. Ресурсы метана в нем оцениваются в размере до 13 трлн куб. м газа при современном уровне освоения угленосных территорий и современном состоянии техники и технологии добычи угля и газа, а в перспективе – до 50–70 трлн куб. м. В этой статье мы охарактеризуем наиболее значимые составляющие эколого-экономической эффективности замены природного газа, поставляемого в Кузбасс с севера Западной Сибири, угольным метаном: увеличение поставок природного газа на внутренний рынок или для экспорта за рубеж, эквивалентное объему утилизируемого в Кузбассе метана; использование рыночных механизмов Киотского протокола; сокращение эколого-экономического ущерба природной среде. При определении прогнозных цен природного газа на период 2008–2012 гг. – первый срок действия Киотского протокола использованы данные о возможной динамике цен в России в увязке с предполагаемыми изменениями стоимости топлива на мировых энергетических рынках и темпов развития экономики [5].

Цена за квоту 1 т CO₂-экв. на период 2008–2012 гг. может составить, по минимальным оценкам, около 150 руб., по максимальным – 450–600 руб.

По вызываемому парниковому эффекту 1 т диоксида углерода эквивалентна 71 куб. м метана, а цена за квоту 1000 куб. м метана составит 2115–8460 руб.

Что касается издержек, связанных с использованием УК, то их можно условно разделить на транзакционные издержки и издержки текущего контроля. Согласно имеющемуся опыту, транзакционные издержки сравнительно невелики. Точнее, они являются высокими только в первый год установления системы торговли квотами, но существенно снижаются на устоявшихся рынках. Совокупные затраты на мониторинг и верификацию в Европейском союзе варьируют от 10 до 25 тыс. евро в год на каждый источник эмиссий CO₂ при используемой величине текущего контроля в размере 5 евро за 1 т CO₂-экв. Согласно приведенным данным средний удельный эффект (цена за вычетом издержек) от сокращения выбросов 1000 куб. м метана может составить около 2520 руб. при максимуме 5688 руб.

Для учета механизмов Киотского протокола в эколого-экономической оценке проектов предварительной дегазации угольных пластов в качестве основного критерия оценки проектов использован метод чистой приведенной стоимости (NPV), которая определяется как сумма дисконтированных денежных потоков за анализируемый период. В первый год осуществления проекта (2007 г.) производятся инвестиции исходя из объемов извлечения метана в первый пятилетний период действия Киотского протокола. В течение последующих пяти лет (2008–2012 гг.) планируется реализация извлекаемого в этот период метана. Предполагается, что весь объем извлеченного метана будет реализован. Проекты рассматриваются независимо от основной деятельности угольных предприятий.

Расчеты денежных потоков были проведены для пяти различных технологий дегазации [5] и двух потенциальных рынков сбыта метана. Для каждого варианта цен рассматривалось три варианта проекта: базовый (без привлечения механизмов Киотского протокола), с механизмом торговли квотами и с механизмом ПСО при разных k – долях участия в инвестициях партнера-инвестора ($0 < k < 1$).

Сначала была сделана пробная оценка проектов с использованием некоторых средних значений параметров механизмов Киотского протокола, а затем проведены дополнительные расчеты по оценке этих параметров, обеспечивающих окупаемость проектов для всех рассматриваемых случаев. Результаты расчетов на примере первой технологии – бурения из горных выработок параллельных очистному забою пластовых скважин с ориен-

тированным поинтервальным гидроразрывом пласта (ОПГ) и направленной скважины над пластом навстречу забою – представлены в табл. 4.

Для первоначальной оценки эффекта привлечения механизма торговли квотами было взято среднее значение оценки стоимости квоты (2515,5 руб.), а для оценки эффекта привлечения механизма ПСО – доля инвестора, равная 1/2.

Таблица 4

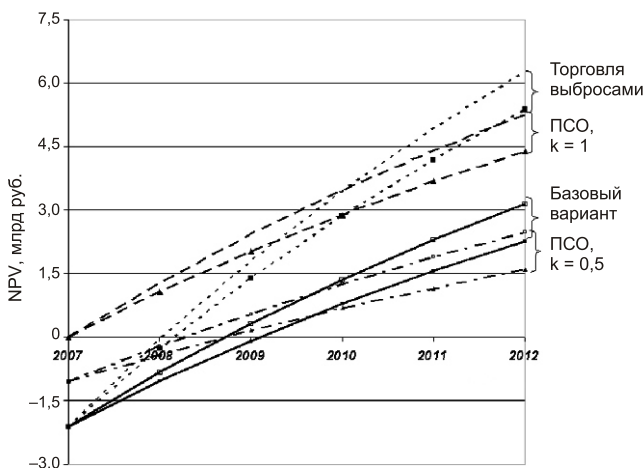
NPV проектов с использованием первой технологии, млн руб.

Направление реализации	Уровень цен	NPV по годам					
		2007	2008	2009	2010	2011	2012
Базовый вариант							
Экспорт	Мин.	–2118	–1053	–93	774	1554	2259
	Макс.	–2118	–417	1113	2493	3738	4857
Внутренний рынок	Мин.	–2118	–1701	–1311	–948	–609	–291
	Макс.	–2118	–1626	–1161	–726	–315	66
Вариант с ПСО, $k = 0,5$							
Экспорт	Мин.	–1059	–429	150	678	1158	1596
	Макс.	–1059	207	1356	2397	3342	4194
Внутренний рынок	Мин.	–1059	–1077	–1068	–1044	–1005	–954
	Макс.	–1059	–999	–918	–822	–711	–597
Вариант с торговлей							
Экспорт	Мин.	–2118	–267	1389	2868	4194	5382
	Макс.	–2118	369	2595	4590	6378	7980
Внутренний рынок	Мин.	–2118	–915	168	1149	2034	2832
	Макс.	–2118	–840	321	1371	2325	3189
Вариант с ПСО, $k = 1$							
Экспорт	Мин.	0	1065	2025	2892	3672	4377
	Макс.	0	1701	3231	4611	5856	6975
Внутренний рынок	Мин.	0	417	807	1170	1509	1827
	Макс.	0	492	957	1392	1803	2184

Согласно проведенным расчетам, проекты с использованием первой технологии окупаются за три-четыре года как в случае привлечения механизмов Киотского протокола, так и без них, когда природный газ, замещаемый метаном, реализуется на внешнем рынке. При продаже природного газа на внутреннем рынке проект окупается: в базовом варианте – в последний год при максимальных ценах; с привлечением механизма торговли – за три года; при привлечении механизма ПСО – уже на второй год при $k = 1$, а при $k = 0,5$ он убыточен до конца периода.

Проект с использованием второй технологии (бурение из горных выработок навстречу очистному забою пластовых направленных скважин с ОПГ) в базовом варианте не окупается ни при одном из рассмотренных вариантов цен. При привлечении механизмов Киотского протокола этот проект окупается к 2011 г. только при верхней границе экспортных цен, причем значение NPV для механизма ПСО с $k = 0,5$ в 2011 г. выше, чем при привлечении механизма торговли (165 млн и 24 млн руб.), а в 2012 г. – наоборот, ниже (1017 млн и 1626 млн руб.). Что касается проектов с использованием остальных технологий (бурение с поверхности пластовых направленных скважин с ОПГ и без ОПГ, гидрорасчленение пласта с поверхностью), то они не окупаются за период 2007–2012 гг. ни в одном из рассматриваемых вариантов при заданных условиях.

Расчеты показали, что в рамках предложенных первоначальных условий привлечение механизмов Киотского протокола ускоряет окупаемость проектов, но если механизм торговли значительно повышает итоговую величину NPV проекта, то механизм ПСО может и снизить ее. Так, из данных табл. 4 видно, что к 2012 г. величина NPV, рассчитанная по экспортным ценам, находится в интервалах: 2259–4857 млн руб. – по базовому варианту; 1596–4194 млн руб. – по варианту с ПСО ($k = 0,5$); 5382–7980 млн руб. – по варианту с торговлей. Изменения NPV рассматриваемых проектов в случае применения первой технологии на всем промежутке 2007–2012 гг. показаны на рисунке. Различие механизмов Киотского протокола состоит в том, что использование торговли выбросами увеличивает приток денежных средств на период отдачи, в то время как ПСО, снижая величину начальных вложений, уменьшает их отток в начальный период. Соответственно привлечение механизма ПСО в большей степени сокращает срок окупаемости проекта, однако при достаточной длительности реализации проекта итоговый эффект будет больше при использовании торговли выбросами. Поэтому выбор механизма зависит от целей и возможностей предприятия, а результат – от доли партнера в финансировании проекта и от рассматри-

Денежные потоки в рамках проектов с использованием первой технологии и экспортных цен (минимальное и максимальное значения)

ваемых сроков реализации проекта. Для раскрытия этих деталей на основе результатов, полученных при усредненной оценке, проведены дополнительные расчеты.

В частности, можно оценить стоимость квоты для партнера-инвестора, чтобы сравнить альтернативы его стратегии: купить квоту на рынке или реализовать ее в рамках ПСО.

Фактические затраты инвестора на получение квоты за пять лет составляют величину $5kan$ (или kn на единицу квоты). Здесь a – годовой объем звлечения метана в рамках проекта; n – удельные приведенные затраты на извлечение метана, предусматриваемые технологией извлечения. Однако свои квоты инвестор получит не сразу, а в течение пяти лет (по объему a каждый год) в рамках рассматриваемого проекта совместного осуществления. Тогда средняя стоимость единицы квоты при ставке дисконта d

$$FV = k \cdot n \cdot \frac{1}{5} \cdot \sum_{i=1}^5 (1+d)^i.$$

Соответственно если рыночная стоимость единицы квоты u больше FV , то выгоднее приобрести квоту в рамках ПСО, если же меньше, то на рынке.

Средняя приведенная стоимость единицы квоты для партнера в рамках ПСО с долей его участия 1/2 составила: для первой технологии – 999 руб. за 1000 куб. м, для второй технологии – 4494, для третьей – 14982, для четвертой – 37452 и для пятой – 52434 руб. Полное финансирование проектов удваивает стоимость квот для партнера. Как видно из этих данных, при рассматриваемой рыночной стоимости квот 2115–8460 руб. за 1000 куб. м для того, кто хочет приобрести квоту, вложения в проекты с использованием первых двух технологий могут быть более выгодными, чем покупка на рынке, а вложения в проекты с использованием остальных технологий – менее выгодными. Средняя приведенная стоимость квот для партнера-инвестора по ПСО в рамках проекта с использованием первой технологии даже при полном финансировании им проекта составляет 1998 руб. Поэтому и для сравнения с проектом, в котором применяется механизм торговли, и просто для оценки проекта можно использовать долю партнера, равную 1.

Средние затраты на снижение выбросов CO₂ на 1 т для России составляют около 600 руб., для США – 5700, для ЕС – 8100, для Японии – 18000 руб. При пересчете на 1000 куб. м метана (14 т CO₂-экв.) эти величины составят 8400, 49800, 113400 и 192000 руб. соответственно. Поэтому в перспективе ПСО с использованием всех рассматриваемых технологий могут быть вполне жизнеспособными.

Для проектов была рассчитана такая доля партнера, которая обеспечит их окупаемость в рассматриваемых условиях за период 2007–2012 гг.:

$$NPV = -(1-k) \cdot n \cdot 5 \cdot a + \sum_{i=1}^5 \frac{p+s-q(1-k)}{(1+d)^i} \cdot a = 0,$$

$$k = 1 - \frac{\sum_{i=1}^5 \frac{p+s}{(1+d)^i}}{\left(5 \cdot n + \sum_{i=1}^5 \frac{q}{(1+d)^i} \right)},$$

где p – удельная прибыль от реализации 1000 куб. м метана; s – удельная плата за выбросы в атмосферу 1000 куб. м метана; q – удельные затраты на текущий контроль за реализацией проекта.

Результаты расчетов представлены в табл. 5. Из них следует, что проекты с использованием третьей–пятой технологий при любом уровне цен требуют практически полного внешнего финансирования (со стороны партнера в рамках ПСО). То же самое можно сказать и о проектах с использованием первых двух технологий в случае реализации замещающего метаном природного газа на внутреннем рынке. Как видно из таблицы, проекты, окупающиеся и в базовом варианте, в рамках ПСО требуют некоторой

Таблица 5

Доли участия партнера, обеспечивающие окупаемость проектов

Направление реализации	Уровень цен	Технологии				
		1-я	2-я	3-я	4-я	5-я
Экспорт	Мин.	0,21	0,69	0,92	0,97	0,98
	Макс.	0,00	0,41	0,83	0,93	0,95
Внутренний рынок	Мин.	0,95	0,99	1,00	1,00	1,00
	Макс.	0,78	0,95	0,99	1,00	1,00

доли партнера, большей, чем 0. Это связано с тем, что привлечение данного механизма предполагает определенные затраты.

Аналогично для вариантов с привлечением механизма торговли выбросами можно рассчитать такую стоимость квоты, при которой данные проекты окупятся за нужный срок. Получены следующие результаты: проекты с использованием уже третьей технологии требуют очень высокой рыночной цены квот – 22740–26880 руб. за 1000 куб. м метана (или 1620–1920 руб. за 1 т CO₂-экв.), а для четвертой и пятой технологий эти значения еще выше. Цены квот, необходимые для окупаемости проектов с использованием второй технологии, ниже максимальной рассматриваемой оценки (8460 руб. за 1000 куб. м), поэтому их тоже стоит учитывать. Проекты, для которых требуемая цена ниже издержек, связанных с привлечением механизма торговли (2772 руб. за 1000 куб. м), окупаются и в базовом варианте.

Решение задачи на замещение природного газа метаном с помощью оптимизационной модели «Баланс котельно-печного топлива», учитывающей взаимозаменяемость энергоресурсов при существующих транспортных ограничениях, позволило определить возможные объемы замещения: на уровне 353 млн куб. м в год по Кузбассу и 57 млн куб. м в год по Печорскому бассейну. Эффект от замещения в случае реализации прогноза по экспортным ценам на природный газ может быть весьма значительным (табл. 6). Для этих объемов общая величина предотвращенного эколого-экономического ущерба в Кузбассе составит 31 млн руб.

Итак, сопоставление результатов оценивания эколого-экономического ущерба от угольной энергетики на стадии добычи угля и на стадии его потребления на углесжигающих предприятиях показывает, что для всех вариантов вклады в ущерб обеих этих стадий сопоставимы, т.е. можно говорить об удвоении ущерба, если оценивать его по всей цепочке – от добычи

Таблица 6

Эффект от замещения природного газа метаном по Кузбассу, млн руб

Год	Эффект при экспортной цене природного газа		
	средней	минимальной	максимальной
<i>Без учета прогнозируемой стоимости квоты</i>			
2010	1377	1113	1641
2020	1641	1428	1854
<i>С учетом средней прогнозируемой стоимости квоты (165 руб./т CO₂)</i>			
2010	2193	1926	2457
2020	2457	2244	2670

до сжигания на ТЭС. Так, в 2020 г. ущерб составит по пессимистическому варианту для России – 24,0–32,0 млрд руб., для Сибирского федерального округа – 12,5–13,4 млрд руб. По наиболее вероятному варианту сокращение ущерба по сравнению с пессимистическим вариантом может составить для России 2,9 раза и для Сибирского федерального округа – 1,6 раза, а по оптимистическому варианту достигается 15–20-кратное сокращение ущерба. Реализация перспективных технологий утилизации угольного метана Кузбасса позволяет уже к 2020 г. покрывать до 17% экономического ущерба от всей угольной энергетики Сибири, а с учетом возможностей участия в механизмах Киотского протокола – до трети ущерба даже по пессимистическому варианту. Использование аналитических методов для гибкого применения этих механизмов помогает выбрать инвестиционные проекты, дающие максимальный коммерческий и экологический эффект.

Литература

1. **Проблемы** развития российской энергетики: Материалы научной сессии Президиума СО РАН (Новосибирск, 24 февраля 2005 г.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005.
2. **Энергетическая** стратегия России на период до 2020 года. – М.: ГУ ИЭС Минэнерго России, 2003.
3. **Эколого-экономическая** эффективность плазменных технологий переработки твердых топлив. – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 2000.
4. **Потапов В.П., Мазикин В.П., Счастливцев Е.Л., Вашлаева Н.Ю.** Геоэкология угледобывающих районов Кузбасса. – Новосибирск: Наука, 2005.
5. **Журавель Н.М.** Оценка снижения эмиссии метана в Кузбассе // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 3.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Г.Б. Козырева

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполняемых при
финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных
исследований (проект № 02-06-80482)*

Экономическое поведение агентов рынка является одним из индикаторов эффективности рыночной среды, отражает степень согласованности ее формальных и неформальных институтов. Несовершенный формальный институт априори задает алгоритм поведения, который повышает транзакционные издержки и в целом снижает эффективность экономической системы. Плохо определенные права собственности, неясно прописанные правила ведения бизнеса создают условия для свободной трактовки этих правил со стороны экономических агентов. Взаимодействуя на рынке, выбирая ту или иную модель поведения на нем, его агенты предопределяют цену транзакций (сделок). Чем выше цена сделки, тем ниже эффективность рынка. Выбирая нелегитимные способы взаимодействия, агенты рынка несут высокие транзакционные издержки, снижая тем самым его эффективность.

Транзакционные издержки (цена сделки) – это затраты на поиск информации о состоянии рынка, партнерах, конкурентах, затраты на обеспечение безопасности бизнеса и т.д. Чем ниже уровень транзакционных издержек, тем эффективнее институты. Введя представление о собственности как о пучке правомочий, которые могут покупаться и передаваться на рынке, Р. Коуз доказал, что только от транзакционных издержек зависит, как будет использоваться структура производства [1]. Минимизация транзакционных издержек, реализуемая в большей степени через развитие формальных каналов взаимодействия между экономическими агентами, спо-

способствует сокращению неопределенности процесса обмена, что, в свою очередь, обеспечивает оптимальное распределение правомочий.

Три научных подхода объясняют природу транзакционных издержек в российской экономике. Во-первых, теория транзакционных издержек обосновывает их высокий уровень отсутствием рынка информации о процессах ценообразования, связанных с высокой степенью монополизации и структурными диспропорциями рынка. Во-вторых, теория общественного выбора связывает величину издержек с трудностью поиска контрагента по сделке среди большого числа участников еще не сформированного рынка. В-третьих, теория соглашений объясняет большие размеры транзакционных издержек нестабильностью соглашений, обусловленной завуалированностью некоторых интересов контрагентов (превращение целерационального поведения участников сделки в оппортунистическое) [2–4].

Развивая теорию Р. Коуза, Д. Норт и О. Уильямсон предложили следующую классификацию транзакционных издержек:

- 1) издержки поиска информации – затраты времени и ресурсов на получение и обработку информации о ценах, об интересующих товарах и услугах, об имеющихся поставщиках и потребителях;
- 2) издержки ведения переговоров;
- 3) издержки измерения количества и качества вступающих в обмен товаров и услуг – затраты на промеры, измерительную технику, потери от остающихся ошибок и неточностей;
- 4) издержки, связанные со спецификацией и защитой прав собственности, – расходы на содержание судов, арбитража, органов государственного управления, а также затраты времени и ресурсов, необходимые для восстановления нарушенных прав;
- 5) издержки оппортунистического поведения.

Следует сказать, что использование данной классификации позволило разработать методику исследования экономического поведения агентов рынка и адаптировать ее для регионального бизнес-сообщества [1, 2].

Теоретические позиции неонинституциональной экономики подтверждаются низкой эффективностью институтов рынка российской экономической системы. Особенно наглядно это проявляется на региональном уровне. Формирующаяся институциональная среда российского общества очень неоднородна, региональные особенности образуют целую мозаику. В регионах зарождаются институциональные основы рыночных моделей развития. С другой стороны, регион выполняет своего рода роль площадки для апробации таких моделей. Этот дуализм актуализирует исследования

процессов формирования рыночных институтов, происходящих в региональных сообществах [5].

Институциональный анализ, который является основным методологическим инструментом в данном исследовании, позволил рассматривать модели экономического поведения в контексте принятия агентом рынка управленческого решения по выбору партнеров и определению степени допустимого риска. Причем социологическое измерение осуществляется на стадии *ex-ante*. Ввиду сложности количественного измерения уровень и характер транзакционных издержек определились качественными методами. Эмпирической базой для институционального анализа стала полученная в ходе экономико-социологического обследования информация о поведении предприятий Республики Карелии.

Формализованное интервью с руководителями предприятий, попавших в выборку, включает вопросы, касающиеся формирования стратегий развития и деловых практик предприятий в контексте институциональной трансформации 1990–2003 гг. Основными параметрами анализа являются структура собственности, социально-экономические проблемы предприятия, конкурентоспособность, представления руководителя о происходящих рыночных преобразованиях, применяемые способы поиска партнеров, формы переговоров и оформления сделок, разрешения конфликтных ситуаций, обеспечения безопасности бизнеса.

Для того чтобы диагностировать поведение хозяйствующих субъектов, в ретроспективе исследовались процессы формирования организационной структуры и деловых практик нескольких основных типов предприятий. При этом интерес представляли следующие группы предприятий: успешные и «неудачники»; новые, бывшие советские, совместные предприятия. Сравнение успешных предприятий и «неудачников» по их организационной структуре и ее эволюции за время трансформации позволило по контрасту выявить те способы адаптации к изменившейся институциональной среде, которые помогают обладающим этими способами субъектам успешно действовать в новых условиях.

На отобранных модельных территориях методом глубинного формализованного интервью осуществлен опрос руководителей 100 предприятий Республики Карелии*. На основе реализованного социологического опроса сформирована эмпирическая база данных в системе SPSS.

---

* В выборку вошли предприятия республики, обследованные в 2002, 2003 и 2004 гг.

В процессе исследования моделей поведения была осуществлена проверка следующих гипотез:

- экономические агенты не имеют необходимого арсенала легитимных средств для защиты от недобросовестности партнеров;
- в российской бизнес-среде не сформированы адекватные рыночному порядку деловые практики;
- экономические агенты используют неформальные каналы для осуществления своего бизнеса;
- несовершенная правовая база, оппортунизм партнеров, отсутствие института контрактных отношений обуславливают высокие транзакционные издержки у экономических агентов;
- сформированная деловая сеть региона, являющаяся ключевым элементом структуры рынка на микроуровне, позволяет экономическим агентам в настоящее время выживать.

Основным результатом проведенной работы стала типология экономического поведения предприятий регионального бизнес-сообщества. Построение типологии экономического поведения агентов рынка – участников регионального сообщества осуществлено на основе многомерного анализа эмпирических данных. Главными типобразующими признаками являются стратегии развития предприятий, состав собственности, практики делового общения с партнерами по бизнесу.

Кроме того, инструментарий исследования включает в себя разработку и апробацию экспертной оценки транзакционных издержек агентов регионального рынка. В основе этой оценки лежит гипотеза о том, что каждая итерация экономического агента, связанная с какими-то взаимодействиями с другими агентами, сопровождается затратами, которые достаточно трудно оценить количественно. Для упрощения этой задачи в данном исследовании мы исходим из того, что если действие агента ориентировано на уменьшение транзакционного сектора (например, когда агент заключает сделку только в случае стопроцентной уверенности в партнере), то данное действие оценивается со знаком «минус» (–), если, напротив, действие агента ориентировано на увеличение этого сектора (например, агент рискует всегда, если предложение сулит выгоду), то оно получает оценку «плюс» (+). В результате каждый выявленный в ходе построения типологии тип получает определенное количество плюсов и минусов. Сравнение типов по данному признаку дало возможность качественно оценить их

транзакционный сектор и сделать выводы об эффективности выявленных поведенческих типов.

Результаты исследования позволяют наблюдать тенденцию, свидетельствующую о том, что по своему экономическому поведению предприятия Карелии группируются, по крайней мере, в три основных типа: первый тип – «пассивные», второй – «реалисты», третий – «инноваторы». Анализ выявленных типов дает о них следующие основные представления.

Первый тип – «пассивные». Стратегия таких предприятий основывается на сохранении существующего производства, в ближайшие пять лет они не склонны к каким-либо серьезным переменам в реализации своего бизнеса. Состав собственников у предприятий этого типа характеризуется преобладанием среди акционеров работников данного предприятия и администрации, причем, как правило, в равных долях (примерно у 40% «пассивных»). Частные лица и представители различных уровней власти входят в состав акционеров у 25–30% предприятий данного типа. Чаще, чем у других типов, у «пассивных» среди акционеров встречаются другие предприятия. У незначительной доли «пассивных» (8%) в состав акционеров входят банки и инвестиционные фонды.

Как правило, на таких предприятиях бизнес-план не рассматривается в качестве необходимого управленческого инструмента. Около 20% обследованных предприятий этого типа его вообще не имеют, почти 40% пока только собираются его разрабатывать. Остальные хотя и имеют бизнес-план, не в состоянии реализовать его в связи с отсутствием средств. Среди предприятий данного типа чаще встречаются такие, на которых за последние пять лет сузился ассортимент продукции и услуг. Что касается информационно-аналитического освоения рынка, то первый тип доминирует в области использования СМИ. Вместе с тем предприятия данного типа при подборе партнеров по бизнесу чаще, чем другие, обращаются за услугами в специальные фирмы, т.е. готовы платить за информацию, пытаясь таким образом обезопасить себя от оппортунизма потенциального партнера. Довольно часто «пассивные» прибегают к неформальным каналам получения информации, что может свидетельствовать о включении представителей данного типа в социальную (неформальную) сеть регионального бизнес-сообщества.

Руководители таких предприятий при принятии решения о сделке действуют в основном, когда уверены в партнере на сто процентов. Довольно часто они полагаются в этом вопросе на интуицию и очень редко (реже,

чем остальные типы) рискуют, даже если сделка сулит выгоду. В результате они в 4 раза реже других типов сталкивались в своей практике с недобросовестными партнерами, так как в большинстве случаев заключают сделки с проверенными агентами. Такое поведение свидетельствует о достаточно оправданной осторожности и предусмотрительности руководителей «пассивных» предприятий.

Важным является то, что 70% представителей данного типа доминируют в группе опрошенных руководителей предприятий, считающих, что честный бизнес в России невозможен. Основную причину данного обстоятельства они видят в том, что бизнес не защищен со стороны государства. На второе место они ставят несформированность мотивации для честного бизнеса. Само оформление сделки – достаточно формальный процесс для «пассивных». Обычно используется типовый договор, поскольку, как уже говорилось выше, такие предприятия почти всегда работают только с проверенными партнерами.

Если возникает конфликтная ситуация, представители первого типа стараются решать вопрос цивилизованно, т.е. через посредника, – это или правоохранительные органы, или частные адвокаты, или арбитражные суды. При решении вопроса об обеспечении безопасности бизнеса «пассивные» чаще, чем остальные типы, обращаются за помощью в частные охранные агентства и милицию.

Таким образом, «пассивные» – это достаточно осторожные, предусмотрительные, редко идущие на риск агенты рынка, предпочитающие формальные варианты решения своих проблем. То, что в состав собственников у них чаще, чем у других типов, входят другие предприятия и банки, может свидетельствовать о сложной структуре собственности, имеющей черты переплетенной и рекомбинированной. А это, в свою очередь, может говорить о том, что данные предприятия могут быть запасными, а порой и подставными вариантами более солидных фирм. Тем не менее их знают в региональной бизнес-среде, и они заняли определенные позиции в деловой сети. Трансакционный сектор «пассивных» оценен следующим образом: три повышающие итерации и шесть понижающих. То есть у данного типа отмечается незначительная тенденция к уменьшению транзакционного сектора.

Второй тип – «реалисты». Стратегия развития этих предприятий ориентирована на расширение имеющегося производства, связанное в основном с наращиванием объемов без особенных технологических и организа-

ционных изменений. Состав собственников примерно такой же, как у «пассивных», но здесь чаще, чем у остальных типов, среди акционеров встречаются работники предприятия. Доминирующую позицию занимают представители различных органов власти: у «реалистов» в 2 раза чаще, чем у остальных типов, они являются акционерами. Среди акционеров у предприятий данного типа чаще, чем у двух других типов, представлены частные лица. Бизнес-план у «реалистов» получил формальное закрепление в качестве инструмента управления. Представители данного типа лидируют в группе предприятий, где бизнес-план разрабатывается за счет кредита. Вместе с тем «реалистам» чаще, чем другим, не хватает средств для реализации уже имеющегося бизнес-плана. На таких предприятиях ассортимент продукции и услуг за последние пять лет, так же как на предприятиях «пассивного» типа, не изменился.

При информационно-аналитическом освоении рынка и поиске партнеров по бизнесу «реалисты» используют почти все распространенные формы. Но активнее, чем другие, они используют интернет-ресурс. Примечательным является то, что данный тип лидирует со значительным отрывом от других (в 5 раз чаще) в использовании неформальных каналов информации.

Чаще, чем другие типы, «реалисты» не будут заключать сделку, если не имеют стопроцентной уверенности в партнере, они в 2 раза реже рискуют даже при выгодных условиях. Вместе с тем «реалисты» полагаются на свою интуицию в 2 раза чаще других. Такая осторожность объясняется богатой практикой партнерских отношений, в которой случались различные казусы. Выделяется группа руководителей в рамках данного типа, которые однажды столкнулись с крупным обманом, и это их многому научило. Тем не менее среди «реалистов» реже встречаются те, кто считает, что обман в бизнесе неизбежен. Но в целом практика партнерских отношений отражает общую тенденцию в бизнесе: случается везение, имеются проверенные партнеры, но встречается и откровенный обман.

Главной причиной нечестной игры «реалисты» больше, чем представители остальных типов, считают незащищенность бизнеса со стороны государства. В процессе оформления сделок они чаще склонны придавать значение партнеру и характеру сделки. Если партнер надежный, то сделка оформляется достаточно быстро. И наоборот, с незнакомцами используются другие процедуры, а именно, договор тщательно продумывается, наводятся соответствующие справки, заключаются предварительные, пробные соглашения и т.п.

При возникновении конфликтных ситуаций «реалисты» чаще других решают проблему самостоятельно. Обеспечению безопасности бизнеса они уделяют серьезное внимание: более распространена среди представителей этого типа практика наличия собственной службы безопасности и обращения в милицию. Важным является то, что представители «реалистов» довольно часто отвечали, что перед ними подобная проблема вообще не стоит.

Итак, «реалисты» – это более гибкий, более предприимчивый тип. По всей вероятности, такие предприятия активно включены в неформальную сеть делового регионального сообщества, что придает им больше уверенности. Кроме того, определенную защищенность они чувствуют со стороны власти. Тем не менее пока они не склонны делать серьезных шагов на рынке и «отсиживаются», как говорят сами их руководители, до лучших времен. Трансакционный сектор «реалистов» оценен следующим образом: шесть повышающих итераций и одиннадцать понижающих. То есть тенденция к снижению трансакционных издержек у предприятий данного типа заметна значительно сильнее, чем у предыдущего.

Третий тип – «инноваторы». Стратегия развития предприятий этого типа существенно отличается от стратегий «пассивных» и «реалистов». В ближайшем будущем здесь планируются реорганизационные мероприятия, связанные с перепрофилированием производства, освоением других секторов рынка, внедрением новых технологий, на некоторых предприятиях намечаются серьезные институциональные преобразования. Состав собственников примерно такой же, как у двух других типов, но наиболее заметно присутствие в числе акционеров представителей администрации, у «инноваторов» они встречаются в 2 раза чаще. Бизнес-план, конечно же, является вполне нормальным явлением. Он чаще всего реализуется за счет собственных средств или кредитов. Ассортимент продукции за последние пять лет принципиально изменился, – такой ответ наиболее часто встречается у руководителей предприятий данного типа. Также довольно часто встречался ответ «ассортимент расширился».

Поиск партнеров осуществляется через общераспространенные каналы, но «инноваторы» отличаются по двум позициям: они чаще других имеют свою маркетинговую службу и значительно чаще получают информацию из госструктур. «Инноваторы» доминируют в группе риска: они очень часто рискуют, если сделка сулит выгоду. Среди руководителей подобных предприятий очень редко встречаются такие, которые заключают сделки только при стопроцентной уверенности в партнере и действуют по интуи-

ции. Не случайно в практике партнерских отношений их неоднократно обманывали.

Вместе с тем руководители предприятий-«инноваторов» очень редко соглашались с мнением, что честный бизнес в России невозможен. На наш взгляд, здесь усматривается определенная доля лукавства. Основной причиной нечестного бизнеса представители данного типа считают несформировавшуюся мотивацию в среде предпринимателей. Поэтому процедуре оформления сделок «инноваторы» придают огромное значение: сделки тщательно готовятся, детально прописывается каждая позиция независимо от того, известен ли партнер или нет. Такая практика широко распространена у предприятий этого типа.

Разрешение конфликтных ситуаций у «инноваторов» происходит или в самостоятельном режиме, или с помощью посредника. Среди способов разрешения проблемы назывался и такой вариант: «обращаюсь в криминальные структуры». Безопасность бизнеса также обеспечивается в основном способами, отличными от используемых другими типами. Наиболее распространенными ответами были «нас защищают криминальные структуры» и «нас защищают представители власти».

Таким образом, поведение «инноваторов» – более яркий, более динамичный, на первый взгляд более рыночный тип экономического поведения. Но при более глубоком анализе вскрываются некоторые специфические штрихи их портрета, не совсем сочетающиеся с рыночными схемами. Чем объясняется их рискованное поведение? Ответ можно найти в тех способах, которые используются «инноваторами» для освоения рынка, разрешения конфликтных ситуаций и обеспечения безопасности бизнеса, – здесь просматривается лояльность со стороны власти и криминальных структур. Трансакционный сектор «инноваторов» оценен следующим образом: одиннадцать повышающих итераций и шесть понижающих. То есть в данном случае наблюдается противоположная тенденция: действия агентов данного типа чаще связаны с повышением, нежели с понижением, трансакционных издержек.

Экспертная оценка трансакционного сектора выявленных в ходе исследования типов экономического поведения хозяйствующих субъектов региона позволила установить, что наиболее эффективным в настоящее время является поведение «реалистов». Это объясняется следующими обстоятельствами. Несмотря на неяркую активность, представители данного

типа уверенно занимают свои ниши на рынке. Развитость неформальных отношений в настоящих условиях может быть эффективным способом защиты от оппортунизма власти и недобросовестных партнеров, что, в свою очередь, может работать на снижение рисков и, следовательно, на снижение транзакционных издержек. Следует сказать, что осуществляемая «реалистами» стратегия выживания сегодня – это стратегия их развития завтра.

Сегодня бизнес вынужден защищаться самостоятельно. Государственные эксперименты слишком дороги для «реалистов». Поэтому разворачивать инновационные стратегии, на взгляд руководителей предприятий этого типа, не пришло время. Тем не менее «реалисты» – это самое сильное, самое надежное звено в рыночной структуре региона. В отличие от «реалистов» «пассивные», хотя тоже не рвутся в передовики, предпочитают формальные связи для своей защиты и существования. Их осторожность позволяет им удерживаться на уровне низких транзакционных затрат. Но представители этого типа очень часто разделяют мнение, что честный бизнес в России невозможен. В определенной степени они могут проецировать данную позицию на свое поведение.

Самым неэффективным оказался тип «инноваторов». Некоторые объяснения этого уже были даны. Стоит только добавить, что в настоящее время, когда законодательный режим так неустойчив, излишний авантюризм в бизнесе может приводить к успеху при нечестной игре агентов рынка, а это будет подтверждать вывод о том, что такие институты неэффективны.

Рассуждая в целом о связи эффективности экономических институтов и уровня транзакционных издержек в России, нам хочется обратиться к исследованиям В.В. Радаева. Он склонен считать, что некоторые авторы (Д. Норт, О. Уильямсон) преувеличивают роль транзакционных издержек [5]. Включившись в эту дискуссию, трудно сразу принять точку зрения какой-либо из сторон. Но дискуссия открыта для научной аудитории, и хочется надеяться, что есть третий путь. Формирование рыночных институтов является в настоящее время ключевой проблемой российского общества. От успешности данного процесса будет зависеть его перспектива не на одно десятилетие.

Размышления о неудаче экономических реформ в России ненавязчиво подводят нас к вопросу о роли закона и власти в общественном развитии. Рыночная идеология комплементарна диктатуре закона, и об этом свидетельствует история западного общества. Там, где нет закона, нет рынка. Для русского человека западная система и рыночная система суть одно. Но

русский человек (и в этом состоит его особенность) всегда был склонен скорее к «понятию», нежели к закону. Институциональная революция, направленная на построение рыночной системы в нашем нерыночном обществе, привела к созданию административно-бюрократического «монстра», подменяющего собой и закон, и рынок. В таких условиях экономическая система, освобожденная от идеологических догм социализма, вставшая на коммерческую основу и потерявшая государственную поддержку и защиту, вынуждена искать способы и формы выживания.

Экономическое поведение агентов рынка является яркой иллюстрацией этого процесса. Именно поведение экономических агентов отражает все «проколы» российских формальных институтов. Бизнес занял «круговую оборону». В какой точке находится предел его сопротивляемости? Насколько отчаянными или изощренными могут быть реакции на очередные эксперименты? Эти вопросы должны волновать власть. И парадокс состоит в том, что должны, но не волнуют. Рыночные институты формируются в контексте социальных связей и отношений. Агенты рынка структурируют эти связи и отношения в деловые сети. Именно такая система отношений позволяет им справляться с «бюрократическим грузом», выживать и строить модели хотя бы ближайшего будущего.

Результаты представленного исследования свидетельствуют о том, что именно деловые сети позволяют экономическим агентам – участникам региональных бизнес-сообществ удерживаться в своих нишах, ориентируя сегодня свою стратегию только на выживание, и у них нет пока другого пути.

Литература

1. Коуз Р. Фирмы, рынки и право. – М., 1993.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М., 1997.
3. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки и отношенческая контрактация. – СПб., 1996.
4. Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. – М.: Центр полит. технологий, 1998.
5. Радаев В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике / Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: РОССПЭН, 2002.

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ: СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ И РОССИЯ

Г.П. Литвинцева

Экономический рост в России и Сибирском федеральном округе (СФО) в 1999–2004 гг. носил восстановительный характер и опирался преимущественно на имевшиеся резервы производственных мощностей. По мере исчерпания этих резервов темпы экономического роста без существенного увеличения объемов инвестиций в основной капитал будут замедляться, и в обозримой перспективе рост может оказаться вообще невозможным. Это объясняется сокращением в постсоветский период капитальных вложений в экономику в 3–4 раза и, как следствие, небывалым для мирного времени падением ее производственного потенциала [1, 2].

Некоторые исследователи считают, что официальная статистика преувеличивает глубину инвестиционного спада. Такой вывод, например, В.А. Бессонов [3] строит на том, что отношение инвестиций в основной капитал к ВВП в текущих ценах на протяжении 1992–2003 гг. было существенно выше соответствующего отношения этих показателей, измеренных в ценах 1991 г. Из анализа данных соотношений следует, что в рассматриваемый период темпы роста дефляторов инвестиций более чем в 2 раза превосходили темпы роста дефляторов ВВП. Причем в наибольшей мере опережающий рост относительных цен на инвестиции имел место в 1992–1996 гг., когда спрос на них не рос, а падал, что с точки зрения господствующей теории является экономическим нонсенсом. Поэтому, по заключению В.А. Бессонова, официальная оценка глубины инвестиционного спада в России более чем в 2 раза завышена.

Выполненный нами анализ не подтверждает эту точку зрения. Дело в том, что в своем исследовании В.А. Бессонов в качестве базисного года берет не 1990 г., а 1991 г., в то время как именно в 1991 г. и начал разворачиваться инвестиционный кризис. Отношение объема инвестиций в основной капитал к ВВП в текущих ценах составляло в 1990 г. 38,7%, а в 1991 г. – 15,1%, т.е. снизилось более чем в 2 раза. Физические объемы инвестиций в основной капитал уменьшились в 1991 г. относительно уровня 1990 г. на 15%, в то время как ВВП – всего на 5%. Такое значительное сокращение

объемов инвестиций было обусловлено принятыми в конце 80-х годов законами о госпредприятии и аренде, которые предоставили предприятиям огромные права, не сформировав при этом механизм ответственности директора и трудовых коллективов за эффективное использование оказавшегося в их распоряжении государственного имущества. Результатом явился масштабный отток денежных средств и материальных ресурсов госпредприятий в кооперативный сектор, а из него – в руки частных лиц. На фоне падения реальных объемов инвестиций в основной капитал реальные денежные доходы населения выросли в 1991 г. на 16%.

Параллельно с этим происходили и другие фундаментальные структурные сдвиги. В 1991 г. резко выросли цены производителей промышленной продукции (в 3,4 раза по отношению к уровню 1990 г.) и тарифы на грузовые перевозки (в 2,1 раза). Цены же производителей в строительстве практически не изменились. В результате дефлятор ВВП составил в 1991 г. 2,29 раза к уровню 1990 г., в то время как дефлятор инвестиций в основной капитал – всего лишь 1,01 раза. Этим и были обусловлены в 1992–1996 гг. опережающие темпы роста дефляторов инвестиций относительно темпов роста дефляторов ВВП, т.е. первые имели по отношению ко вторым догоняющий характер и были связаны с ростом издержек производства, а не с ростом спроса.

ОБЪЕМЫ И СТРУКТУРА ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

Важной особенностью реформирования российской экономики явилось усиление территориальной и отраслевой поляризации. По заключению Б.Л. Лавровского, применительно к территориальной структуре инвестиций это означает, что регионы, доля которых в общем объеме капиталовложений в начале 1990-х годов была значительной, продолжали в ходе реформ стягивать на себя все большую и большую их часть. И наоборот, все меньшая часть инвестиций доставалась тем, чья доля в «инвестиционном пироге» исходно была незначительной [4]. К последней группе относится и Сибирский федеральный округ. В нем произошел наиболее глубокий по сравнению с другими федеральными округами инвестиционный спад.

На основании данных Федеральной службы государственной статистики [5] был выполнен расчет объемов инвестиций в основной капитал в ценах 1990 г. по всем субъектам Федерации за период 1990–2004 гг. Объемы инвестиций по федеральным округам определялись путем сумми-

рования соответствующих показателей по входящим в них регионам. На основании этого рассчитывались темпы роста инвестиций и их дефляторы по округам и Российской Федерации.

Расчет показал, что физические объемы инвестиций в основной капитал составили в Сибирском федеральном округе в 2004 г. всего лишь 34,1% по отношению к уровню 1990 г. (–65,9%). Этим было обусловлено 18,4% общего снижения физических объемов инвестиций в РФ в 2004 г. Доля СФО в общем объеме инвестиций в текущих ценах уменьшилась с 14,8% в 1990 г. до 9,2% в 2004 г. (–5,6 п.п.). Из сопоставления этих долей в текущих и сопоставимых ценах следует, что на 73,2% уменьшение было обусловлено сокращением физических объемов инвестиций, поступивших в округ. Остальные 26,8% были связаны с изменениями в общероссийском масштабе структуры цен на инвестиционные товары и услуги. По объемам поступивших инвестиций Сибирский федеральный округ занимал в 2004 г. пятое место, опережая лишь Южный и Дальневосточный округа (табл. 1).

В наибольшей мере в Сибирском федеральном округе снизились объемы инвестиций в Республике Бурятия, Республике Тыве (–88,7 и –83,2%

Таблица 1

Темпы роста инвестиций в основной капитал в 2004 г. (в ценах 1990 г.; 1990 г. = 100%) и территориальная структура инвестиций в основной капитал в 1990 и 2004 гг. (в текущих ценах) в разрезе федеральных округов РФ

Федеральный округ	Темп роста	Прирост	Вклад в прирост в целом по РФ		Доля в общем объеме инвестиций		Прирост доли	Вклад в прирост доли, %	
			п.п.	%	1990	2004		объемов	цен
Центральный	55,5	–44,5	–9,8	18,6	22,1	26,7	4,6	87,0	13,0
Северо-Западный	58,7	–41,3	–4,2	8,0	10,2	12,8	2,6	100,0	–
Южный	44,9	–55,1	–5,6	10,6	10,2	9,1	–1,1	45,5	54,5
Приволжский	44,9	–55,1	–10,6	20,0	19,2	16,6	–2,6	34,6	65,4
Уральский	44,5	–55,5	–8,7	16,4	15,6	19,0	3,4	–	100,0
Сибирский	34,1	–65,9	–9,7	18,4	14,8	9,2	–5,6	73,2	26,8
Дальневосточный	46,4	–53,6	–4,2	7,9	7,9	6,6	–1,3	15,4	84,6
РФ	47,1	–52,9	–52,9	100,0	100,0	100,0	–	–	–

соответственно в 2004 г. по отношению к уровню 1990 г.) и Иркутской области (–82,6%). Наименьший спад имел место в Республике Алтай (–49,4%), Томской, Кемеровской и Новосибирской областях (–43,6, –59,5 и –58,7%). Более 70% общего снижения объемов инвестиций в основной капитал СФО было инициировано пятью регионами: Иркутской, Кемеровской и Новосибирской областями, Красноярским и Алтайским краями. Доли большинства регионов округа в общем объеме инвестиций изменились. Наиболее сильно выросли доли Красноярского края (+2,5 п.п.), Кемеровской и Томской областей (+3,5 и +3,2 п.п.). Существенно снизились доли Иркутской области (–4,4 п.п.) и Алтайского края (–3,2 п.п.). На изменение долей регионов оказали влияние как цены, так и физические объемы инвестиций. Причем влияние этих двух групп факторов в различных регионах было разным. На изменение долей Республики Тывы и Иркутской области эти две группы факторов оказали примерно одинаковое влияние. Изменение долей Республики Алтай, Республики Бурятии, Томской и Читинской областей было обеспечено преимущественно изменением физических объемов инвестиций в основной капитал. Изменение долей остальных регионов округа произошло в основном за счет изменения структуры цен на инвестиционные товары и услуги (табл. 2).

В отраслевом аспекте в ходе реформ поляризация, как известно, произошла по линии экспортно- и внутреннеориентированных отраслей [6]. В промышленности на этапе подъема в первую из этих групп и была направлена основная часть инвестиций. Менее известным фактом является то, что в период реформ наибольшая часть инвестиций в основной капитал по сравнению с другими отраслями экономики была направлена в жилищное хозяйство [7]. Расчеты показывают, что в эту сферу экономики за 1992–2004 гг. поступило 17% общего объема инвестиций в основной капитал всех отраслей экономики РФ. Второй отраслью по объему поступивших инвестиций является транспорт (15%), третьей – нефтедобыча (10%).

Большой объем инвестиций в жилищное хозяйство можно объяснить действием двух групп факторов. Первая группа связана с тем, что процесс первоначального накопления капитала в 1991–1998 гг. в России происходил не столько путем капитализации сбережений, сколько посредством присвоения и перераспределения ранее созданного общественного капитала. Частные капиталы при этом росли, а общественный капитал сокращался [8]. Новые русские предприниматели прежде всего создавали для себя высококомфортные условия проживания и лишь затем переходили к поис-

Таблица 2

Темпы роста инвестиций в основной капитал в 2004 г. (в ценах 1990 г.; 1990 г. = 100%) и территориальная структура инвестиций в основной капитал в 1990 и 2004 гг. (в текущих ценах) в разрезе регионов Сибирского федерального округа

Регион	Темп роста	Прирост	Вклад в прирост в целом по СФО		Доля в общем объеме инвестиций		Прирост доли	Вклад в прирост доли, %	
			п.п.	%	1990	2004		объемов	цен
Республика Алтай	50,6	-49,4	-0,3	0,5	0,6	0,7	0,1	100,0	—
Республика Бурятия	11,3	-88,7	-3,9	5,9	4,4	4,0	-0,4	100,0	—
Республика Тыва	16,8	-83,2	-1,0	1,5	1,2	0,4	-0,8	50,1	49,9
Республика Хакасия	39,3	-60,7	-1,4	2,1	2,3	2,3	0,0	—	—
Алтайский край	31,4	-68,6	-6,8	10,3	9,9	6,7	-3,2	6,2	93,8
Красноярский край	33,1	-66,9	-12,5	18,9	18,6	21,1	2,5	—	100,0
Иркутская обл.	17,4	-82,6	-13,3	20,1	16,1	11,7	-4,4	45,4	54,6
Кемеровская обл.	40,5	-59,5	-8,6	13,1	14,5	18,0	3,5	—	100,0
Новосибирская обл.	41,3	-58,7	-6,8	10,3	11,5	10,7	-0,8	—	100,0
Омская обл.	33,4	-66,6	-5,5	8,3	8,2	8,3	0,1	—	100,0
Томская обл.	56,4	-43,6	-3,2	4,8	7,3	10,5	3,2	98,5	1,5
Читинская обл.	48,2	-51,8	-2,8	4,2	5,3	5,7	0,3	100,0	—
СФО	34,1	-65,9	-65,9	100,0	100,0	100,0	—	—	—

ку иных направлений вложения своих капиталов. Примером тому является широко известная московская Рублевка. Стоит отметить, что, вероятно, осознав этот факт, Правительство РФ приняло в 2006 г. решение о создании шести особых экономических зон, в которых не только будет действовать льготное налогообложение, но в первую очередь будут созданы особые высококомфортные условия проживания. По мнению Г. Грефа, инвесторы придут в эти зоны только тогда, когда там будет налажено высококачественное медицинское обеспечение, построены высокочеловеческие гостиницы, бассейны, спортивные залы и площадки для гольфа [9].

Вторая группа факторов, обусловивших высокую долю инвестиций в жилищное хозяйство, связана с тем, что накопленные денежные капита-

лы при отсутствии выгодных ниш для вложений в производственном секторе российской экономики устремляются не только на финансовые рынки и за границу, но и на рынок недвижимости с целью извлечения доходов от спекуляции жильем. Это приводит к строительству большого количества пустующих, «инвестиционных» квартир, предназначенных для перепродажи (30–40% от общего количества вводимых в эксплуатацию) [10].

Сибирский федеральный округ за 1994–2004 гг. получил 10,8% общего объема инвестиций, направленных в основной капитал РФ, в том числе 12,7% инвестиций, направленных в промышленность, 11,0% инвестиций в транспорт, 9,7% инвестиций в жилищное хозяйство (табл. 3).

Наибольшие объемы инвестиций были направлены в Сибирском федеральном округе в промышленность, на транспорт и в жилищное хозяйство. Меньше других получили торговля и образование (табл. 4). При этом доля инвестиций в основной капитал жилищного хозяйства в общем объеме инвестиций в СФО, как и в большинстве других округов, превышала долю

Таблица 3

**Территориальная структура накопленных инвестиций в основной капитал
в разрезе федеральных округов РФ за 1994–2004 гг. (в ценах 1994 г.),
% к общему объему инвестиций за период**

Федеральный округ	Всего	Промышленность	Сельское хозяйство	Строительство	Транспорт	Связь	Торговля	Жилищное хозяйство	Здравоохранение	Образование	Прочие отрасли
Центральный	27,2	15,6	24,6	29,3	23,4	41,2	41,8	41,2	26,0	30,4	46,0
Северо-Западный	10,2	10,4	5,6	13,2	13,5	10,8	12,0	6,2	7,7	5,2	9,8
Южный	9,5	6,2	19,0	10,3	15,3	12,8	8,8	8,2	17,2	8,0	7,7
Приволжский	17,1	18,1	26,8	21,8	14,0	14,9	17,2	18,0	18,2	20,7	14,2
Уральский	19,0	29,6	6,1	12,2	15,3	7,2	7,6	11,3	14,3	16,5	11,8
Сибирский	10,8	12,7	13,8	8,3	11,0	8,6	7,9	9,7	11,4	11,3	6,7
Дальневосточный	6,3	7,4	4,1	4,9	7,6	4,5	4,7	5,3	5,1	7,9	3,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

**Отраслевая структура инвестиций в основной капитал в Сибирском
федеральном округе в 1994–2004 гг. (в ценах 1994 г.), % к итогу**

Отрасль	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	В с е г о
Промышленность	38,5	38,6	40,4	45,4	46,4	46,0	46,0	48,2	49,9	48,0	50,7	45,3
Сельское хозяйство	5,8	3,8	3,2	2,7	4,6	4,9	4,2	4,3	5,3	4,2	3,9	4,3
Строительство	1,8	1,9	4,2	4,9	0,9	1,6	3,9	2,7	2,4	1,8	1,6	2,5
Транспорт	13,3	16,0	15,8	15,1	18,1	22,7	25,9	24,9	18,9	20,2	16,7	18,7
Связь	1,1	1,2	1,7	2,2	2,6	2,8	1,5	2,2	3,4	4,7	6,4	2,8
Торговля	0,9	1,9	2,8	2,3	1,3	1,0	1,1	1,4	1,7	1,7	1,7	1,6
Жилищное хозяйство	22,6	19,5	18,1	15,4	10,8	8,4	6,0	5,0	5,9	6,0	6,1	11,2
Здравоохранение	3,6	3,8	3,1	3,0	2,8	2,5	2,5	2,2	2,9	3,5	3,5	3,1
Образование	2,3	1,7	1,8	1,7	2,5	1,6	1,8	1,8	1,8	1,8	1,7	1,9
Прочие	10,3	11,6	8,9	7,3	10,0	8,5	7,1	7,3	7,8	8,1	7,7	8,6
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

второй по объемам инвестирования отрасли – транспорта вплоть до 1997 г. Из этого можно заключить, что к началу 1998 г. в СФО комфортные условия жизнедеятельности для новых русских предпринимателей были в основном созданы.

Наибольшие объемы инвестиций в анализируемый период получил Красноярский край (24,8% общего объема инвестиций в основной капитал СФО). Он занимает первое место по доле полученных инвестиций в промышленности, строительстве, на транспорте и в жилищном хозяйстве. На втором месте находится Кемеровская область, получившая 19,3% общего объема инвестиций в основной капитал округа. По объемам инвестиций она лидирует в торговле и здравоохранении. Третье место занимает Новосибирская область (12,5%), лидирующая в инвестиционных вложениях в связь и образование. Инвестиционными аутсайдерами являются Республика Тыва и Республика Алтай (табл. 5).

Таблица 5

Региональная структура накопленных инвестиций в основной капитал отраслей экономики Сибирского федерального округа за 1994–2004 гг. (в ценах 1994 г.), % к общему объему инвестиций за период

Регион	Всего	Промышленность	Сельское хозяйство	Строительство	Транспорт	Связь	Торговля	Жилищное хозяйство	Здравоохранение	Образование	Прочие отрасли
Республика Алтай	0,6	0,1	1,3	0,9	1,0	0,6	0,2	0,7	1,0	5,4	1,3
Республика Бурятия	3,3	1,8	1,6	2,5	7,6	2,6	1,9	1,5	4,6	4,0	3,9
Республика Тыва	0,5	0,2	0,4	0,3	0,3	0,3	0,1	1,3	1,1	3,0	1,2
Республика Хакасия	2,2	2,5	1,2	0,4	2,2	1,9	0,2	2,2	5,7	2,1	1,0
Алтайский край	6,5	3,5	23,6	1,2	5,4	8,5	6,3	10,9	16,0	12,4	10,4
Красноярский край	24,8	29,4	14,5	59,6	19,3	18,3	3,1	24,8	13,6	14,0	20,6
Иркутская обл.	8,2	7,9	5,4	3,0	11,4	8,5	5,8	7,9	9,9	10,8	4,4
Кемеровская обл.	19,3	25,7	9,7	7,5	9,4	20,3	35,1	14,3	16,4	11,0	17,7
Новосибирская обл.	12,5	7,3	22,9	8,1	16,3	20,6	27,4	16,9	14,5	19,7	17,7
Омская обл.	7,0	5,4	15,1	9,6	5,8	9,2	15,0	9,6	5,6	6,1	10,6
Томская обл.	9,3	13,5	2,8	5,2	5,2	7,0	2,6	5,2	6,2	5,2	6,4
Читинская обл.	5,9	2,8	1,5	1,7	16,2	2,4	2,3	4,8	5,4	6,2	4,9
И т о г о	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ИНВЕСТИЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Имеющиеся исследования показывают, что между объемами инвестиций и приростами ВРП существует заметная корреляционная связь. Причем различные регионы по-разному откликаются на осваиваемые в них инвестиции [11]. Были рассчитаны вклады федеральных округов в общий прирост ВРП Российской Федерации за 1999–2004 гг. в ценах 1998 г. и сопоставлены с полученными округами за этот период инвестициями в основной капитал в тех же ценах (табл. 6).

Расчет показал, что в России имеется только один федеральный округ с высокой капиталоотдачей – Центральный: получив 24,5% инвестиций, он

Таблица 6

**Показатели капиталоемкости экономического роста федеральных округов РФ
в 1999–2004 гг. (в ценах 1998 г.)***

Федеральный округ	Вклад в прирост ВРП России		Накопленные инвестиции в основной капитал		Капиталоемкость, руб. инвестиций на 1 руб. прироста ВРП
	Млрд руб.	%	Млрд руб.	%	
Центральный	411,0	34,1	951,2	24,5	2,3
Северо-Западный	138,9	11,5	387,3	10,0	2,8
Южный	110,8	9,2	392,5	10,1	3,5
Приволжский	193,5	16,1	656,4	16,9	3,4
Уральский	166,0	13,8	818,5	21,1	4,9
Сибирский	135,2	11,2	405,2	10,4	3,0
Дальневосточный	48,7	4,0	271,9	7,0	5,6
И т о г о	1204,0	100,0	3883,0	100,0	3,2

* Данные за 2004 г. рассчитаны по: **Об итогах** социально-экономического развития Российской Федерации за 2005 г. и задачах экономической политики правительства Российской Федерации на 2006 г. / <http://www.economy.gov.ru>.

обеспечил 34,1% прироста ВРП страны, затрачивая на 1 руб. прироста ВРП страны 2,3 руб. инвестиций в основной капитал. Два округа – Уральский и Дальневосточный имеют пониженную капиталоемкость. Уральский федеральный округ, получив 21,1% инвестиций, внес в прирост ВРП России 13,8% (4,9 руб. на 1 руб. прироста ВРП страны). Вклад Дальневосточного федерального округа в прирост ВРП России составил 4,0% при 7,0% полученных инвестиций (5,6 руб. на 1 руб. прироста ВРП страны). Остальные четыре федеральных округа, в том числе и Сибирский, внесли в прирост ВРП России примерно такое же количество процентов, каков был процент полученных ими инвестиций, затрачивая на 1 руб. прироста ВРП 3,0–3,5 руб. инвестиций в основной капитал.

Аналогичные расчеты были выполнены по системе региональных счетов Сибирского федерального округа за 1999–2003 гг. [12]. Расчеты показали, что в СФО имеется три региона с повышенной капиталоемкостью: Омская и Новосибирская области и Республика Тыва (табл. 7).

Таблица 7

**Показатели капиталоемкости экономического роста регионов Сибирского
федерального округа в 1999–2003 гг. (в ценах 1998 г.)**

Регион	Вклад в прирост ВРП СФО		Накопленные инвести- ции в основной капитал		Капиталоемкость, руб. инвестиций на 1 руб. прироста ВРП
	Млн руб.	%	Млн руб.	%	
Республика Алтай	549,9	0,6	1893,2	0,6	3,4
Республика Бурятия	2262,6	2,5	13007,5	4,1	5,7
Республика Тыва	692,3	0,8	1359,3	0,4	2,0
Республика Хакасия	541,8	0,6	7282,7	2,3	13,4
Алтайский край	7161,1	7,8	22431,6	7,0	3,1
Красноярский край	18833,1	20,5	74883,6	23,4	4,0
Иркутская обл.	3945,2	4,3	28455,4	8,9	7,2
Кемеровская обл.	15796,3	17,2	57576,2	18,0	3,6
Новосибирская обл.	16229,6	17,7	33938,4	10,6	2,1
Омская обл.	13869,8	15,1	25136,1	7,9	1,8
Томская обл.	8072,7	8,8	34433,7	10,8	4,3
Читинская обл.	3737,1	4,1	19130,3	6,0	5,1
И т о г о	91691,5	100,0	319528,1	100,0	3,5

Новосибирская область, получив 10,6% инвестиций, обеспечила 17,7% прироста ВРП округа, затрачивая на 1 руб. прироста ВРП 2,1 руб. инвестиций в основной капитал. Соответствующие показатели Омской области – 7,9%, 15,1% и 1,8 руб. инвестиций на 1 руб. прироста ВРП. Экономика Тывы, получив 0,4% инвестиций, дала 0,8% прироста ВРП округа. На 1 руб. этого прироста в Тыве было затрачено 2,0 руб. инвестиций. Три региона внесли в прирост ВРП России примерно такое же количество процентов, каков процент полученных ими инвестиций. Это – Республика Алтай, Алтайский край и Кемеровская область. Объемы инвестиций в них составили 3,1–3,6 руб. на 1 руб. прироста ВРП. Все остальные регионы имеют пониженную капиталоотдачу: доля полученных ими инвестиций существенно превышает долю их вклада в прирост ВРП округа, а затраты инвестиций на 1 руб. прироста ВРП составили от 4,0 руб. в Красноярском крае до 13,4 руб. в Республике Хакасии.

Анализ динамики отношения объема накопленных инвестиций к приросту ВРП показывает, что капиталоемкость экономического роста в СФО имеет тенденцию к понижению. В 1999 г. на 1 руб. прироста ВРП приходилось 13,8 руб. инвестиций в основной капитал, в 1999–2003 гг. – 3,5 руб., а в 1999–2004 гг. – всего 3,0 руб. Данная тенденция может быть порождена рядом обстоятельств. Во-первых, ее причиной могут быть незначительное количество крупных инвестиционных проектов и длительность сроков их реализации. Отдача от инвестиций, сделанных по этим проектам, наступит не сразу, а лишь по мере их завершения. Новых крупных проектов не имеется, и капиталоемкость экономического роста снижается. Во-вторых, упомянутая тенденция может быть порождена отраслевыми структурными сдвигами в экономике, поскольку опережающее развитие некапиталоемких производств с высокой долей добавленной стоимости способствует снижению капиталоемкости экономического роста. Последнее обстоятельство, по нашей оценке, и обусловило тенденцию снижения капиталоемкости экономического роста в Сибирском федеральном округе. Дело в том, что капиталоемкость роста промышленности, сельского хозяйства и транспорта, как показал анализ, не снижается. Доли же участия в производстве ВРП округа таких отраслей, как торговля, хозяйства населения и строительство, растут [13]. Производство валовой добавленной стоимости (ВДС) этими тремя отраслями является в СФО наименее капиталоемким. Торговля, получив 1,4% инвестиций, обеспечила 12,9% прироста ВРП округа, затратив на 1 руб. прироста НДС всего лишь 40 коп. инвестиций. Хозяйства населения, не получив никаких инвестиций, при помощи подручных средств сумели на личных подворьях и дачных участках обеспечить 8,5% прироста ВРП. Доля строительства в инвестициях в основной капитал составила 2,5%, вклад этой отрасли в прирост ВРП округа – 6,9%, затраты инвестиций на 1 руб. прироста НДС – 1,4 руб.

Экономический рост промышленности и организованного сельского хозяйства в Сибирском федеральном округе имел повышенную капиталоемкость. Промышленность внесла в экономический рост в СФО наибольший вклад – 45,8%, но и получила 47,9% инвестиций. На 1 руб. прироста НДС в этой отрасли было использовано 3,3 руб. инвестиций. Вклад сельского хозяйства (без хозяйств населения) в прирост ВРП округа составил 3,4%, его доля в инвестициях – 4,6%, затраты инвестиций на 1 руб. прироста НДС – 4,5 руб. Наиболее капиталоемким было производство НДС на транспорте и в прочих отраслях. Причем если на транспорте на 1 руб. при-

роста ВДС приходилось 6,3 руб. инвестиций, то в прочих отраслях – 74,9 руб. Последнее вполне объяснимо тем, что в составе прочих отраслей присутствуют коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование и наука, создающие базовые условия для жизнеобеспечения и развития людей. Мы разделяем точку зрения, высказанную О.С. Пчелинцевым, что к такого рода отраслям принцип самоокупаемости неприменим. Они и не должны обеспечивать свое воспроизводство только за счет собственных доходов [14]. Поэтому сводить результаты их деятельности к объемам производимой ими валовой добавленной стоимости, на наш взгляд, методологически неверно.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ И ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

Ввиду высокой экономической неоднородности в Российской Федерации имеются как инвестиционно избыточные, так и инвестиционно дефицитные регионы. В инвестиционно избыточных регионах объемы сбережений превосходят объемы инвестиций, направляемых в их экономику. В инвестиционно дефицитных – наоборот. Исследование инвестиционного потенциала регионов РФ было выполнено Л.В. Мельниковой. Оно показало, что к инвестиционно дефицитным регионам следует отнести Дальневосточный, Южный и Уральский федеральные округа. Центральный и Сибирский федеральные округа являются инвестиционно избыточными, а Приволжский – самодостаточным. В СФО, по заключению Л.В. Мельниковой, избыточные инвестиционные ресурсы имеют Республика Хакасия, Алтайский и Красноярский края, Иркутская, Новосибирская и Омская области. В основу анализа были положены два показателя: объем расчетных инвестиционных ресурсов региона и их доля, направленная на инвестиции в основной капитал [15].

Первый из этих показателей рассчитывался путем вычитания из ВРП соответствующего региона фонда оплаты труда работников и суммы налогов, направляемых в региональный бюджет. Применение данного показателя вместо показателя валового сбережения объясняется, на наш взгляд, тем, что необходимые для расчета валовых сбережений регионов данные Росстатом не публикуются. Публикуются лишь данные об объемах конечного потребления домашних хозяйств в регионах, но нет данных о расходах на конечное потребление государственных учреждений, оказывающих

коллективные услуги. Опубликованные в 2005 г. Новосибирскстатом данные по системе региональных счетов СФО восполнили указанный пробел для этого округа. Это позволило нам выполнить расчет валовых сбережений регионов, входящих в состав СФО, за 1999–2003 гг. и, в развитие подхода Л.В. Мельниковой, проанализировать их инвестиционный потенциал на иной информационной основе.

Сбережения регионов рассчитывались как разность ВРП и расходов на конечное потребление товаров и услуг. Расчет показал, что доля сбережений в ВРП округа в текущих ценах уменьшилась с 30,7% в 1999 г. до 22,7% в 2003 г. и была в анализируемый период постоянно ниже, чем рассчитанная по такому же алгоритму доля сбережений по Российской Федерации (табл. 8). Рост долей сбережений произошел только в Томской, Омской и Новосибирской областях (+9,5, +9,1 и +2,4 п.п. соответственно).

Таблица 8

**Динамика сбережений в регионах Сибирского федерального округа
в 1999–2003 гг. (в текущих ценах), % к ВРП регионов,
и в РФ (в текущих ценах), % к использованному ВВП**

Регион	1999	2000	2001	2002	2003	Прирост
Республика Алтай	14,9	20,1	18,4	2,9	–2,5	–17,4
Республика Бурятия	12,6	7,7	13,9	9,8	7,2	–5,4
Республика Тыва	–11,7	–20,1	–24,7	–22,5	–21,3	–9,6
Республика Хакасия	41,1	41,0	34,2	32,9	30,5	–10,6
Алтайский край	2,9	7,7	3,9	–7,5	–11,8	–14,7
Красноярский край	50,0	57,0	50,9	37,2	37,7	–12,3
Иркутская обл.	33,9	37,0	32,3	30,4	29,4	–4,5
Кемеровская обл.	32,6	33,9	26,8	18,9	18,7	–13,9
Новосибирская обл.	5,8	12,1	15,7	7,5	8,2	2,4
Омская обл.	19,8	24,8	21,7	30,7	28,9	9,1
Томская обл.	35,2	41,8	46,3	43,2	44,7	9,5
Читинская обл.	34,5	37,9	29,3	8,2	1,8	–32,7
СФО	30,7	36,3	31,6	23,6	22,7	–8,0
РФ	32,0	38,7	34,5	31,1	32,0	–

В остальных субъектах эта доля уменьшилась, и особенно существенно – в Республике Алтай (–7,4 п.п.), Кемеровской области (–13,9 п.п.), Алтайском и Красноярском краях (–14,7 и –12,3 п.п. соответственно). Наибольшие доли сбережений в 2003 г. имели Томская область (44,7%), Красноярский край (37,7%) и Республика Хакасия (30,5%). Наименьшие доли были у Читинской и Новосибирской областей (1,8 и 8,2% соответственно) и у Республики Бурятия (7,2%). Три субъекта СФО – Республика Алтай, Республика Тыва и Алтайский край в 2003 г. не имели сбережений, т.е. потребляли больше, чем имели доходов. Причем Тыва находилась в таком состоянии на протяжении всего анализируемого периода, Алтайский край – в 2002 и 2003 гг., а Республика Алтай попала в данную категорию только в 2003 г. Из этого можно заключить, что в Сибирском федеральном округе имеет место тенденция роста числа регионов, живущих за счет других.

Наибольшие сбережения имели место в Красноярском крае – 37,9% общего объема валовых сбережений, накопленных в СФО за 1999–2003 гг. (в ценах 1998 г.) (табл. 9). Далее с большим отставанием следуют Иркутская, Кемеровская, Томская и Омская области (17,2, 14,3, 10,3 и 9,2% соответственно). Замыкают список с ничтожно малыми и отрицательными накоплениями Республика Бурятия, Республика Алтай, Республика Тыва и Алтайский край. Сопоставление объемов сбережений с объемами инвестиций, направленных в основной капитал, показывает, что в СФО имеются два региона с высоким избытком инвестиционных ресурсов: Красноярский край и Иркутская область. Имея 37,9% сбережений всего округа, Красноярский край освоил 23,4% общего объема инвестиций. Сальдо накопленных сбережений (+) и накопленных инвестиций в основной капитал (–) за 1999–2003 гг. превысило в крае объем инвестиций в 1,6 раза и составило в ценах 1998 г. 116,3 млрд руб. Доля Иркутской области в общем объеме сбережений СФО составила 17,2%, а в инвестициях – 8,9%. Накопленные в этом регионе сбережения превысили объемы накопленных инвестиций в ценах 1998 г. на 58,5 млрд руб., что превосходит объем инвестиций в основной капитал в 2,1 раза. Значительно меньший избыток инвестиционных ресурсов имеется в Омской, Томской и Кемеровской областях, а также в Республике Хакасии. Все остальные регионы СФО являются инвестиционно дефицитными.

В целом выполненный анализ подтверждает вывод Л.В. Мельниковой о наличии в Сибирском федеральном округе значительного избытка инвестиционных ресурсов. Вместе с тем отнесение ею Новосибирской области

Таблица 9

**Сбережения и инвестиции в основной капитал в регионах Сибирского
федерального округа в 1999–2003 гг. (в ценах 1998 г.)**

Регион	Сбережения		Накопленные инвестиции в основной капитал		Сбережения минус ин- вестиции, млн руб.
	Млн руб.	%	Млн руб.	%	
Республика Алтай	951,7	0,2	1893,2	0,6	–941,5
Республика Бурятия	6261,7	1,2	13007,5	4,1	–6745,8
Республика Тыва	–2287,3	–0,5	1359,3	0,4	–3646,6
Республика Хакасия	14884,8	3,0	7282,7	2,3	7602,1
Алтайский край	–1933,5	–0,4	22431,6	7,0	–24365,1
Красноярский край	191225,7	37,9	74883,6	23,4	116342,1
Иркутская обл.	86909,0	17,2	28455,4	8,9	58453,6
Кемеровская обл.	71912,9	14,3	57576,2	18,0	14336,7
Новосибирская обл.	21571,1	4,3	33938,4	10,6	–12367,3
Омская обл.	46490,7	9,2	25136,1	7,9	21354,6
Томская обл.	51982,2	10,3	34433,7	10,8	17548,5
Читинская обл.	16279,4	3,2	19130,3	6,0	–2850,9
И т о г о	504248,4	100,0	319528,1	100,0	184720,3

и Алтайского края к инвестиционно избыточным регионам следует признать неверным.

Наличие в Российской Федерации значительных денежных капиталов, для вложения которых в реальном секторе экономики нет выгодных ниш, как было показано нами ранее [16], обуславливается низкой рентабельностью и убыточностью значительной части отраслевых внутреннеориентированных производств. Инвестиционные вложения в них невыгодны, являются высокорискованными, и поэтому посредством рыночных институциональных механизмов они неосуществимы. Те же причины лежат и в основе избытка накапливаемых в СФО сбережений – избытка относительно выгодных для инвесторов вариантов их вложения, но не относительно потребностей в них со стороны производителей.

Литература

1. **Вальтух К.К.** Необходима мобилизационная экономическая стратегия // ЭКО. – 2000. – № 11.
2. **Ханин Г.И.** Экономические программы, прогнозы или маниловщина и самообман (по поводу «экономической доктрины» журнала «Эксперт» и доклада Андрея Белоусова) // ЭКО. – 2006. – № 4.
3. **Бессонов В.А.** Проблемы анализа российской макроэкономической динамики переходного периода. – М.: ИЭПП, 2005.
4. **Лавровский Б.Л.** Экономический рост и региональная асимметрия: эмпирический анализ. – Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2005.
5. <http://www.gks.ru/wps/portal>.
6. **Белоусов А.Р.** Этапы становления российской модели воспроизводства // Проблемы прогнозирования. – 2001. – № 2.
7. **Литвинцева Г.П.** Кризис инвестиций как результат несоответствия структурно-технологических характеристик экономики ее институциональному устройству // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 6.
8. **Плышевский Б.П.** Системность инвестиционного кризиса / http://politeconomy.ng.ru/research/2000-06-20/6_system_crisis.html.
9. **В России** «юридически рождены» шесть особых экономических зон / http://www.finiz.ru/cfin/tmp1-art_news/id_art-979912.
10. **Лобанов В.А., Литвинцева Г.П.** Направления и проблемы нового этапа налоговой реформы в Российской Федерации // Налоговый вестник Сибири. – 2004. – № 2 (14).
11. **Суспицын С.А.** Восприимчивость региональных экономик к инвестициям в основной капитал // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4.
12. **Показатели** системы национальных счетов Сибирского федерального округа: Статистический сборник / Новосибирскстат. – Новосибирск, 2005.
13. **Литвинцева Г.П.** Производство и использование валового регионального продукта субъектами Сибирского федерального округа в 1998–2003 гг. // Актуальная статистика Сибири. – 2006. – № 1.
14. **Пчелинцев О.С.** Двенадцать лет преобразований экономики России: Правильно ли был поставлен диагноз? // Проблемы прогнозирования. – 2003. – № 3.
15. **Мельникова Л.В.** Движение региональных инвестиций: диффузия роста или углубление неравенства? // ЭКО. – 2006. – № 1.
16. **Литвинцева Г.П.** Парадокс российской экономики: избыток денег и кризис инвестиций // ЭКО. – 2002. – № 5.

© Литвинцева Г.П., 2006

СЫРЬЕВАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ НЕФТЕПРОВОДА ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ – ТИХИЙ ОКЕАН

**А.А. Герт, П.Н. Мельников, О.Г. Немова, К.Н. Волкова,
М.Ю. Соболев, Н.А. Супрунчик**

Уточненная трасса нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) пройдет от Усть-Кута по левому берегу р. Лены через Талакан, Ленск, район Олекминска (там будет построен переход на правый берег р. Лены), Алдан, Нерюнгри, Тынду и далее на Сковородино, Хабаровск до бухты Перевозная в Приморском крае. При общей протяженности нефтепровода свыше 5 тыс. км более 1000 км трассы будет проложено по территории Иркутской области, около 1600 км – через Республику Саха (Якутия), а оставшаяся часть пройдет через Амурскую область, Хабаровский и Приморский края. Осуществление этого проекта позволит вовлечь в освоение запасы и ресурсы нефти Иркутской области, Якутии и Красноярского края, интенсифицировать геолого-разведочные работы на нефть и газ на территории Сибирской платформы.

Несмотря на удлинение трассы нефтепровода, сроки его строительства не изменятся, и по завершении к концу 2008 г. первого этапа строительства, а именно после сооружения участка Тайшет – Сковородино, планируется первые два года осуществлять поставки нефти по системе ВСТО на экспорт в страны Азиатско-Тихоокеанского региона по комбинированному трубопроводно-железнодорожному маршруту. Подача нефти будет производиться с западно-сибирских и восточно-сибирских месторождений (рис. 1, табл. 1).

На начальных этапах выход нефтепровода на проектную мощность предполагается осуществить в значительной мере за счет нефти месторождений Западной Сибири и Большехетской зоны Красноярского края, поставляемой из системы западно-сибирских нефтепроводов в систему ВСТО в объеме до 24 млн т в год. Для обеспечения такого объема поставок западно-сибирской нефти необходимо как можно скорее начать освоение нераспределенного фонда недр на территориях, прилегающих к системе действующих нефтепроводов, идущих из Западной Сибири до Иркутска (Александрово-Устьимский район на юго-востоке Западной Сибири). Из Большехетской зоны компания «Роснефть» решила перекачивать по систе-

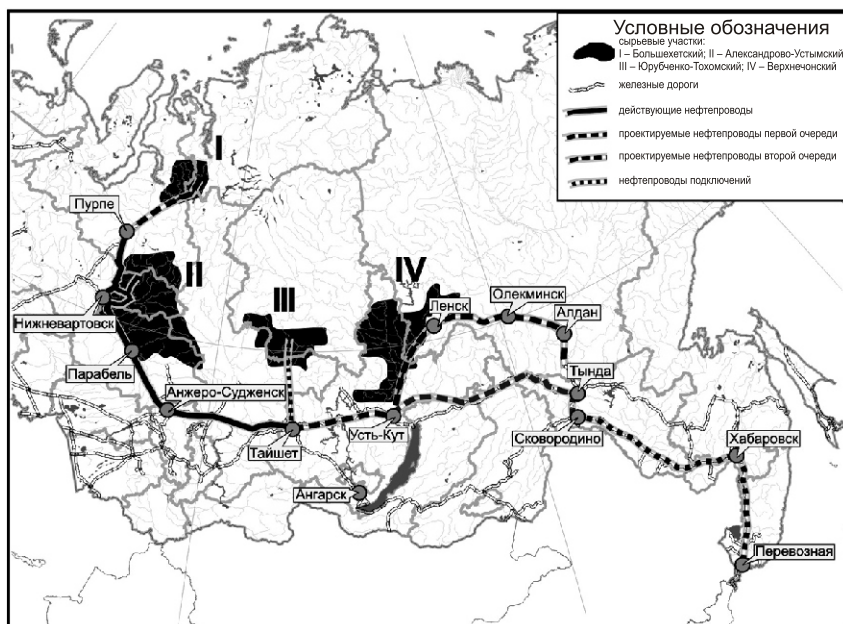

Рис. 1. Сырьевая база трубопроводной системы Восточная Сибирь – Тихий океан

Таблица 1

**Объемы поставок нефти по трубопроводной системе
Восточная Сибирь – Тихий океан, млн т**

Поставки	2009	2010	2011	2015	2020	2025
Всего	9,0	23,2	42,6	61,3	80,0	80,0
В том числе:						
комбинированным трубопроводно-железнодорожным транспортом	9,0	23,2	0,0	0,0	0,0	0,0
нефтепроводным транспортом	0,0	0,0	42,6	61,3	80,0	80,0
Из них:						
из Западной Сибири	5,0	10,0	24,0	24,0	24,0	0,0
из Восточной Сибири	4,0	13,2	18,6	37,3	56,0	80,0

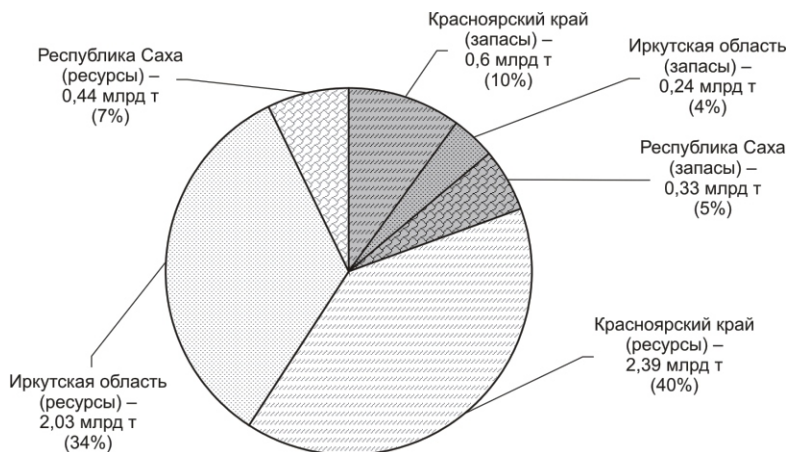

Рис. 2. Нефтяной потенциал юга Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия)

ме ВСТО нефть с Ванкорского месторождения, для чего предполагается прокладка нефтепровода протяженностью 550 км до Пурпе¹. С окончанием второго этапа строительства нефтепровода в 2011 г. предполагается значительный рост поставок восточно-сибирской нефти, которая к 2025 г. должна полностью заменить нефть Западной Сибири.

Восточная Сибирь имеет все основания стать главной сырьевой базой для обеспечения оптимальной загрузки новой нефтепроводной системы. Здесь открыт и разведан ряд уникальных и крупных по запасам месторождений нефти и газа, имеется значительный ресурсный потенциал (рис. 2). Группы месторождений территориально вытянуты цепочкой, что позволяет создать единый транспортный коридор для нефти и газа и минимизировать затраты на освоение. Основными перспективными районами нефтедобычи здесь являются Талакано-Верхнечонский и Юрубчено-Куюмбинский. К моменту завершения первого этапа строительства в конце 2008 г. планируется начало интенсивной разработки Талаканского и Верхнечонского месторождений, рядом с которыми пройдет нефтепровод. К этому времени предполагается также построить нефтепровод-подключение от Юрубчено-Тохомского и Куюмбинского месторождений. Таким образом,

¹ См.: Сапун А. Политический маршрут Ванкора // Нефтегазовая вертикаль. – 2005. – № 14.

в 2009 г. могут быть начаты поставки нефти с базовых месторождений в систему ВСТО, которые к 2015 г. достигнут 30 млн т, а вместе с поставками с соседних более мелких месторождений – 37 млн т.

Длительная и стабильная добыча нефти на уровне 25–30 млн т в год может быть обеспечена за счет освоения базовых месторождений. Однако без учета всех разведанных, выявленных запасов и перспективных и прогнозных ресурсов сырьевая база может оказаться недостаточной для обеспечения рентабельности строительства такой крупной транспортной системы, как ВСТО, поскольку освоение нескольких, даже уникальных по запасам, месторождений не может покрыть потребности восточных регионов страны вместе с экспортом на долгосрочную перспективу. В то же время в результате проведения в полном объеме необходимого комплекса геолого-разведочных работ суммарный прирост запасов категории C_1 может составить около 1,8 млрд т, в том числе за счет запасов C_2 – 0,38 млрд т, ресурсов C_3 – 0,48 млрд т и D_1 – около 1,0 млрд т (рис. 3). Таким образом, учет перспективных и прогнозных ресурсов углеводородного сырья потенциально может обеспечить увеличение нефтедобычи в Восточной Сибири до 50–80 млн т в год. Как видно из рис. 4, после 2020 г. более половины поставок в систему ВСТО предполагается осуществлять за счет перспективных и прогнозных ресурсов нефти Сибирской платформы.

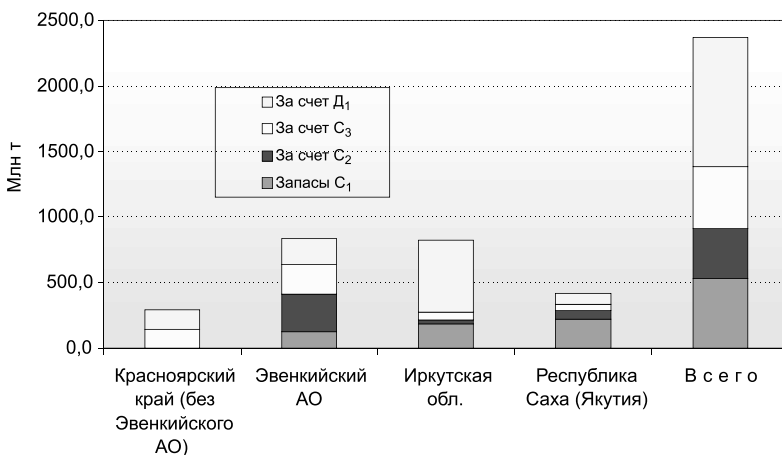

Рис. 3. Возможный прирост запасов нефти по югу Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия)

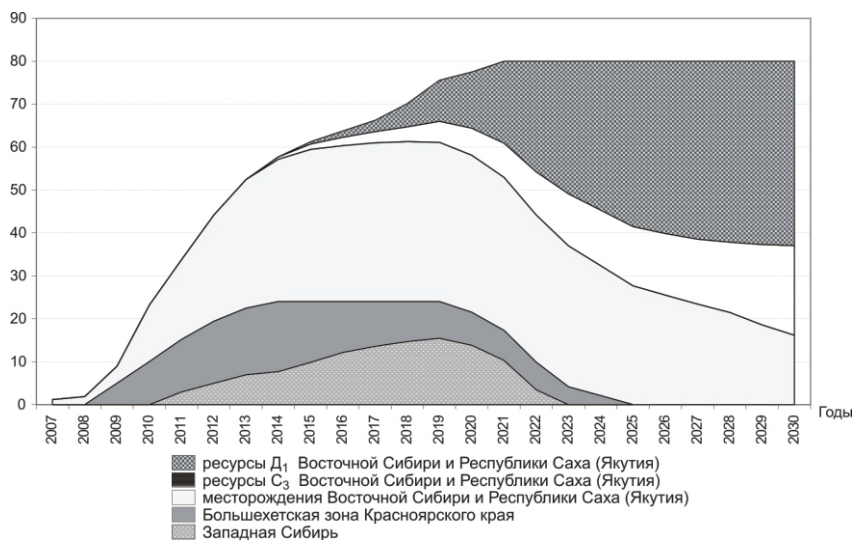

Рис. 4. Структура поставок нефти в систему Восточная Сибирь – Тихий Океан

Для того чтобы решить задачу максимальной загрузки проектируемого нефтепровода ВСТО, необходим комплексный подход к планированию недропользования на рассматриваемых территориях. В этой связи в 2005 г. Министерством природных ресурсов РФ была разработана и утверждена Программа геологического изучения и предоставления в пользование месторождений углеводородного сырья Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия). Целью программы является ресурсное обеспечение трубопроводной системы ВСТО посредством обоснования рациональной последовательности геолого-разведочных работ и лицензирования недр на территориях Сибирской платформы. В качестве составных частей данной программы выступают программа лицензирования недр Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) и программа геолого-разведочных работ, проводимых за счет средств государственного бюджета.

В настоящее время в распределенном фонде недр находится 87% извлекаемых запасов и 78% ресурсов нефти. До 2025 г. на этих объектах планируется прирастить более 900 млн т запасов нефти промышленных категорий (табл. 2). Нефтяной потенциал нераспределенного фонда не столь значителен и составляет 1,25 млрд т, причем на выявленные запасы катего-

Таблица 2

Распределение нефтяного потенциала фонда недр Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия), млн т

Нефтяной потенциал по регионам	Распределенный фонд недр		Нераспределенный фонд недр	
	$C_1 + C_2$	$C_3 + D_1$	$C_1 + C_2$	$C_3 + D_1$
Извлекаемые запасы и ресурсы нефти:				
Красноярский край	597,0	1647,7	1,7	745,5
Иркутская обл.	232,0	1827,5	3,8	197,7
Республика Саха (Якутия)	180,0	291,9	150,2	151,5
В с е г о	1009,0	3767,1	155,7	1094,7
Ожидаемый прирост запасов нефти до 2025 г.	349,0	564,2	30,3	579,6

рий $C_1 + C_2$ приходится лишь 12% их общего объема, и находятся они главным образом в Якутии. Тем не менее в перспективе эти территории должны сыграть существенную роль в сырьевом обеспечении системы ВСТО. Прирост запасов нефти промышленных категорий на участках недр нераспределенного фонда прогнозируется на уровне 550 млн т к 2020 г. и 610 млн т к 2025 г. При этом основной прирост здесь будет получен в результате изучения перспективных и прогнозных ресурсов.

Предоставление в пользование лицензионных участков будет способствовать скорейшему изучению недр, подготовке в необходимых объемах запасов нефти промышленных категорий, вовлечению в освоение перспективных территорий. Согласно плану лицензирования, разработанному в Сибирском научно-исследовательском институте геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС), всего на территории Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) выделено более 200 перспективных лицензионных участков, составляющих коммерчески доступную сырьевую базу, которая будет осваиваться в первую очередь. Была выполнена оценка ресурсного и экономического потенциалов по каждому участку, позволившая определить очередность их лицензирования. Наиболее перспективные, а также уже подготовленные к лицензированию участки предлагается распределить в течение ближайших двух лет. Участки, предлагаемые к лицензированию в более поздние сроки, как правило, слабо изучены сейсморазведкой и глубоким бурением, на их территории нет выявленных

запасов и перспективных ресурсов углеводородов. В связи с этим инвестиционная привлекательность этих территорий в настоящее время невысока. Для ее повышения предлагается на слабоизученных участках выполнить за счет госбюджета цикл геолого-разведочных работ.

Оценка экономической эффективности бюджетного финансирования начальных стадий процесса подготовки запасов на участках недр показывает, что, как правило, такие мероприятия выгодны государству. Результаты региональных работ способствуют более эффективному проведению последующих геолого-разведочных работ, снижению геологических рисков, повышению инвестиционной привлекательности участков и увеличению разовых платежей при проведении по ним конкурсов и аукционов. Общие затраты на подготовку запасов (геологоразведку) базовых месторождений нефти достигнут к 2030 г. 2,3 млрд долл. США (удельные затраты составят около 1 долл. за баррель). Затраты же на подготовку запасов всех рассматриваемых объектов за этот же период будут равны приблизительно 21,4 млрд долл.² (удельные затраты – 1,4 долл. за баррель), из которых бюджетное финансирование может составить около 5 млрд долл.

Основная часть запасов и значительная часть ресурсов нефти сосредоточены в регионах первоочередного освоения. Это зоны, территориально прилегающие к крупным разведанным месторождениям, которые могут послужить базой для освоения нефтегазовых ресурсов, – Талаканскому, Верхнечонскому и Юрубчено-Тохомскому. Их расположение и степень подготовленности позволяют выделить два перспективных центра нефтедобычи: **Талакано-Верхнечонский** и **Юрубчено-Куюмбинский**. Создание этих центров является на данном этапе первоочередным шагом в развитии добывающей отрасли на востоке страны. Кроме того, осуществление проекта создания системы ВСТО по новому маршруту и территориальное расположение крупных углеводородных объектов позволяют прогнозировать в дальнейшем создание еще двух перспективных центров нефтедобычи: **Собинско-Тэтэринского** и **Ботуобинского**.

Планирование развития центров нефтедобычи должно осуществляться с учетом перспективных и прогнозных ресурсов территорий, прилегающих

---

² Для справки: общая сумма финансирования геолого-разведочных работ на Сибирской платформе вместе с тематическим сопровождением только за счет средств федерального бюджета в 2005 г. составила 1,305 млрд руб. Всего же вместе с расходами на эти цели недропользователей предусматривалось 19 млрд руб. (данных о фактических затратах недропользователей на геологоразведку нет).

к основным месторождениям. В этой связи контуры перспективных центров целесообразно определять границами нефтегазовых зон, выделенных в рамках упомянутой выше программы и располагающих наибольшим ресурсным потенциалом. Для целей планирования геолого-разведочного процесса и прогноза нефтедобычи за счет перспективных и прогнозных ресурсов территория Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) была разделена на 12 нефтегазовых зон. Сырьевую базу Юрубчено-Куюмбинского центра помимо запасов C_1 и C_2 формируют ресурсы $C_3 + D_1$ зон 2 и 3, Собинско-Тэтэринского – зон 5 и 8, Талаканско-Верхнечонского – зон 7 и 9, Ботуобинского – зоны 11 (рис. 5). Освоение ресурсного потенциала выделенных центров станет основой сырьевого обеспечения нефтепроводной системы ВСТО. Поставки нефти из зон, находящихся вне указанных центров, начнутся не ранее 2020 г. (рис. 6).

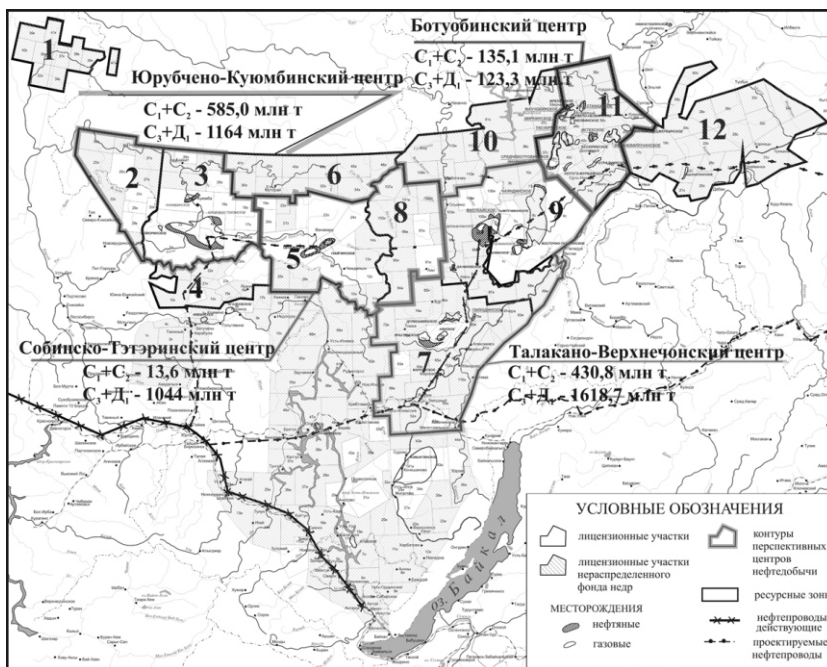

Рис. 5. Перспективные центры нефтедобычи в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия)

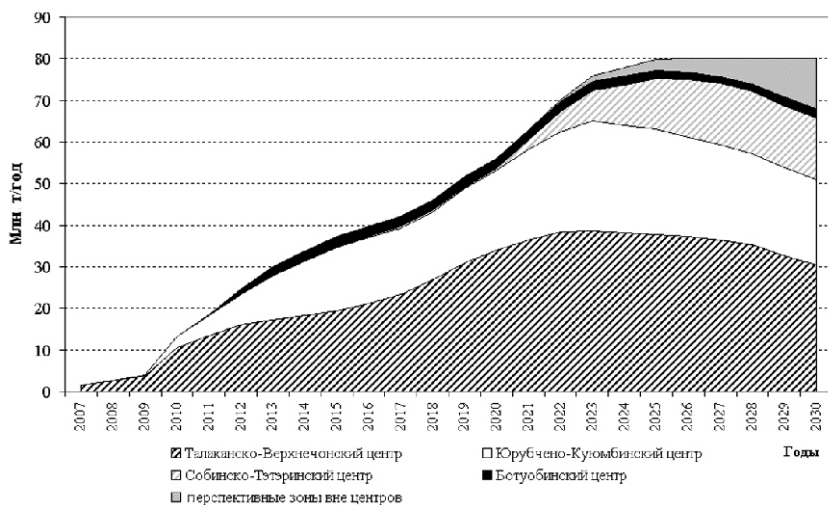

Рис. 6. Объемы поставок нефти по перспективным центрам нефтедобычи Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия)

Строительство нефтепроводной системы ВСТО и развитие Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса (ВСНГК) как главной сырьевой базы данного проекта будет иметь большое социально-экономическое значение для восточных регионов страны. Для большинства территорий, охватываемых проектом, развитие отраслей нефтяного комплекса может стать основой их экономического роста и хозяйственного развития. В результате его реализации для регионов могут быть получены следующие прямые и косвенные социально-экономические эффекты:

- организация новых производств по добыче и переработке углеводородного сырья;
- обеспечение занятости местного населения;
- значительные денежные поступления в местные бюджеты от реализации добытого углеводородного сырья;
- потенциальные возможности развития вспомогательных отраслей промышленности и строительства;
- возможность перевода промышленных объектов на более дешевые энергоносители.

В 2004 г. СНИИГГиМС и Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН выполнили комплексную социально-экономическую оценку вариантов трасс магистрального нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан³. По результатам расчетов одним из наиболее эффективных вариантов был признан вариант трассы, с которым практически совпадает скорректированный и принятый на данный момент к реализации маршрут нефтепровода. Оценка вариантов проводилась как с точки зрения отраслей, непосредственно участвующих в реализации проекта ВСНГК (нефтедобыча, трубопроводный транспорт), так и с позиций общественной эффективности, учитывающей бюджетные поступления от проекта и мультипликативные эффекты, выражающиеся в приросте занятости населения и развитии смежных отраслей (строительства, транспорта, перерабатывающих производств и др.). Расчеты показали, что социально-экономический эффект от освоения нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири и Якутии за 20 лет составит 35 трлн долл. США, в том числе 14 трлн долл. – это косвенные эффекты в смежных отраслях. Совокупные налоговые доходы в бюджетную систему Российской Федерации только от нефтедобычи в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) за этот период превысят 10 млрд долл. Около трети их общего объема поступит в бюджеты регионов и муниципальных образований, что позволит увеличить качество и экономическую безопасность функционирования систем жизнеобеспечения, социальной сферы городов, поселений и муниципальных предприятий Восточной Сибири.

* * *

Формирование Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса является обязательным условием эффективного функционирования нефтепроводной системы Восточная Сибирь – Тихий океан в долгосрочной перспективе. Подготовку необходимой сырьевой базы как основы ВСНГК должна обеспечить реализация разработанной в Министерстве природных ресурсов РФ программы геологического изучения и освоения нефтегазовых ресурсов региона при законодательном, организационном и финансовом участии государства. Исходя из фактически достигнутых объемов добычи

---

³ См.: Герт А.А., Оглы А.А., Харитонов В.Н. и др. Восточный коридор нефтепроводов: сравнительная экономическая эффективность вариантов // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 4.

нефти в 2004–2005 гг. (около 500 тыс. т в год) можно с определенной долей уверенности говорить, что запланированная программой динамика разработки месторождений перспективных центров достаточно реальна с учетом вовлечения месторождений нераспределенного фонда и что к 2020 г. программные мероприятия по обеспечению запланированных уровней нефтедобычи будут осуществлены.

© Герт А.А., Мельников П.Н., Немова О.Г.,
Волкова К.Н., Соболев М.Ю., Супрунчик Н.А., 2006

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОСТРОЙКИ АМУРО-ЯКУТСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ

И.А. Попов

Перспективы социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) во многом связаны с Амуро-Якутской железнодорожной магистралью (АЯМ). Для реализации этого инфраструктурного проекта в полном объеме необходимо достроить участок Беркакит – Томмот протяженностью 360 км, находящийся во временной эксплуатации, и довести железную дорогу до пос. Кердем (правый берег р. Лены), построив для этого еще 375 км пути. Кроме того, предполагается после сооружения участка Томмот – Кердем проложить 70 км железнодорожного пути до пос. Нижний Бестях и построить железнодорожный мост через р. Лену протяженностью 3 км, доведя таким образом АЯМ до конечной точки – г. Якутска.

Показатели экономической эффективности достройки Амуро-Якутской магистрали, полученные по официально принятой методике и приведенные в работе «Проекттрансстрой» [1], говорят о том, что достроенная магистраль будет эффективной. Проект принят к исполнению, и его завершение в полном объеме намечается к 2010 г. Целесообразность строительства дороги проектировщики аргументируют следующим образом:

- существенно уменьшится транспортная составляющая в цене производимой в Якутии продукции;
- переход районов южной и центральной части республики на круглогодичное транспортное обслуживание снизит потребность в досрочном завозе и консолидации на складах грузов и, как следствие, снизится потребность в самих складских комплексах;
- основная нагрузка по досрочному завозу в районы Крайнего Севера Якутии в перспективе переключится с порта Осетрово на глубоководный порт Нижний Бестях. Таким образом, будет решена проблема завоза грузов на север за одну навигацию, что не всегда получается при завозе из порта Осетрово в часто повторяющиеся годы низкой воды в верховьях р. Лены;
- изменится общая схема ввоза и вывоза грузов, а также будут удешевлены внутрирегиональные перевозки.

Решение перечисленных выше проблем несомненно актуально для развития транспортного комплекса Республики Саха (Якутия). Однако количественная оценка этих проблем во всех известных нам расчетах и обоснованиях отсутствует, причем из-за многоаспектного характера проблем она вряд ли может быть получена методами, внушающими доверие.

Наш анализ показателей экономической эффективности достройки Амуро-Якутской магистрали, приведенных в упомянутой работе «Проект-трансстрой», позволил сделать противоположный вывод: с коммерческой точки зрения из-за тупикового характера магистрали и недостаточной ее грузонапряженности достройка АЯМ экономически неэффективна.

Аргументация «Проекттрансстрой» относительно социальной и экономической целесообразности завершения строительства АЯМ дополняется оценками мультипликативного эффекта [2]. Полученный косвенный эффект суммируется с прямым экономическим эффектом от реализации проекта, и таким образом получаем некую интегральную оценку – аналог оценки народно-хозяйственного эффекта проекта. Наш анализ числовых моделей, по которым проводились подобные расчеты применительно к интересующему нас проекту, показал, что из-за сравнительно небольшого масштаба проекта величины мультипликативного эффекта, выражаемого в приросте ВВП, столь незначительны, что находятся в пределах точности счета.

Заметим также, что попытки рассчитать мультипликативный эффект по некоторым другим крупномасштабным транспортным проектам, разработанным для Сибири и Дальнего Востока, используя метод аналогий, пред-

ставляются неудачными. Дело в том, что правомерность аналогий, прежде чем использовать их в расчетах, следует строго доказать, что требует специальных исследований и верификации полученных в них результатов.

В настоящей статье предлагается оценка потенциальной экономической эффективности построенной Амуро-Якутской магистрали с учетом возможных сетевых экономических эффектов, возникающих при включении магистрали в развивающуюся по определенным сценариям опорную железнодорожную сеть Якутии. Методологической основой применяемого здесь подхода к оценке служит идея, касающаяся содержания категории экономической эффективности [3]. Идея состоит в том, что используемые в настоящее время показатели экономической эффективности (отношения результатов к затратам) характеризуют результативность инвестиционных проектов. Эти показатели эффективности проектов выражают результативность совокупности ресурсов, используемых в данном проекте и так или иначе соизмеренных. Предлагается различать результативность фактическую и потенциальную. Потенциальная эффективность выражает достижимую в проекте максимальную (потенциальную) результативность использования не только ресурсов, прямо потребляемых в проекте, но и благоприятных сочетаний факторов, относимых обычно к внешней среде инвестиционного проекта. К таким факторам стратегического характера мы относим прежде всего сценарии развития опорной железнодорожной сети Республики Саха (Якутия). Построенная Амуро-Якутская магистраль может быть при развитии упомянутой сети вписана в различные ее конфигурации. Естественно, в соответствии с законами сети потенциальная эффективность АЯМ может быть неодинаковой из-за различной грузонапряженности магистрали в разных сценариях-конфигурациях. Возможные сценарии схематически показаны на рис. 1.

Сценарий «Якутск» заключается в том, что по завершении строительства АЯМ становится «тупиковой» железнодорожной веткой. Основным видом ввозимых в республику грузов в данном сценарии будут ресурсы, предназначенные для внутреннего потребления, основным видом вывозимых грузов – сырьевые ресурсы.

Сценарий «Магадан» заключается в продолжении АЯМ путем строительства железнодорожной ветки Якутск (Нижний Бестях) – Магадан. Это позволит улучшить транспортное обслуживание северо-восточных районов Якутии и Магаданской области и создаст предпосылки для строительства нового железнодорожного выхода на Тихоокеанское побережье. Соответственно произойдет перераспределение грузов между различными

Рис. 1. Фрагмент опорной железнодорожной сети в районе Амуро-Якутской магистрали

I – достраиваемый участок АЯМ (сценарий «Якутск»); II – железнодорожная линия Якутск – Магадан (сценарий «Магадан»); III – Трансконтинентальная магистраль через Берингов пролив (сценарий «ТКМ»)

видами транспорта и к местным перевозкам по АЯМ прибавится большой объем транзитных грузов. Это позволит существенно увеличить загрузку магистрали и положительно скажется на эффективности ее работы. Кроме того, продолжение строительства АЯМ будет одним из этапов сооружения Трансконтинентальной железнодорожной магистрали (ТКМ).

В сценарии «ТКМ» предусматриваются строительство и ввод в эксплуатацию до 2030 г. Трансконтинентальной железнодорожной магистрали через Берингов пролив, которая свяжет Азию и Северо-Американский континент [4]. На территории России ТКМ проектируется от Якутска (Нижний Бестях) до Уэлена с ответвлением к Магадану. Соединившись с Амуро-Якутской железнодорожной магистралью, ТКМ получит выход на Транссиб и БАМ. При реализации данного сценария АЯМ становится

критическим соединением ТКМ с сетью существующих российских дорог. Соответственно основной грузопоток по АЯМ будет формироваться за счет транзитных грузов.

Все названные сценарии входят в состав *первого метасценария*, в рамках которого, по предположению, все варианты достройки Амуро-Якутской магистрали осуществляются независимыми инвесторами, т.е. проекты финансируются «из других денег» относительно тех денег, которые вкладываются в проект достройки АЯМ. Подобный *метасценарий* может реализоваться в случае привлечения, например, иностранных инвесторов. В таком метасценарии грузонапряженность АЯМ радикально увеличивается и, следовательно, увеличивается потенциальная эффективность магистрали (вследствие задействования потенциала внешней среды).

На сегодняшний день существует несколько вариантов достройки АЯМ. В наших расчетах были рассмотрены три варианта. Первый вариант – «Мост» – предусматривает завершение строительства магистрали с выходом ее на правый берег р. Лены в районе пос. Нижний Бестях и последующее строительство совмещенного железнодорожно-автомобильного моста через р. Лену с выходом магистрали к г. Якутску. Данный вариант позволит решить проблему сезонности при перевозке грузов на левый берег р. Лены, возникающую при строительстве паромно-ледовой переправы, а также обеспечит столице республики прямой выход на железнодорожную сеть России.

Второй вариант – «Переправа» – предусматривает завершение строительства магистрали с выходом ее на правый берег р. Лены в районе пос. Нижний Бестях с последующим строительством речного порта и организацией паромно-ледовой переправы в районе Нижнего Бестяха для обеспечения перевалки на речной транспорт грузов, поступающих по железной дороге.

Третий вариант – «Кердем» – предусматривает завершение строительства с выходом магистрали на правый берег р. Лены в районе пос. Кердем без последующей организации переправы на левый берег реки. Этот вариант в наших расчетах использовался как «нулевой». Его осуществление маловероятно, но он послужил точкой отсчета для других вариантов.

Была проведена оценка эффективности описанных выше вариантов в сценариях «ТКМ» и «Магадан» по показателю чистого дисконтированного денежного дохода (ЧДД). Расчетный период реализации проекта принимался равным 40 годам. Нормы дисконта, используемые при расчете вариантов каждого сценария, принимались равными 4,5, 10 и 14%. Соответственно

Таблица 1

Основные показатели проекта достройки Амуро-Якутской магистрали

Вариант	Капитальные вложения, млн руб.	Эксплуатационные расходы, млн руб.	Грузооборот, млн т·км	Выручка, млн руб.	ЧДД при норме 4,5%, млн руб.	ЧДД при норме 10%, млн руб.	ЧДД при норме 14%, млн руб.
<i>Сценарий «Якутск»</i>							
«Мост»	49227	95484	208437	376312	13093	–15531	–20874
«Переправа»	44805	95484	208437	376312	16343	–13373	–19244
«Кердем»	37327	72776	132872	239887	–3698	–19117	–21506
<i>Сценарий «Магадан»</i>							
«Мост»	49227	301674	895737	1617164	241662	64501	20857
«Переправа»	44805	301674	895737	1617164	244912	66659	22488
«Кердем»	37327	278966	820172	1480739	224871	60914	20225
<i>Сценарий «ТКМ»</i>							
«Мост»	49227	507864	1583037	2858015	470232	144532	62589
«Переправа»	44805	507864	1583037	2858015	473482	146691	64219
«Кердем»	37327	485156	1507472	2721590	453441	140946	61956

ЧДД для каждого из вариантов при рассмотрении его в каждой версии каждого сценария имел три значения в зависимости от используемой нормы дисконта. Расчеты проведены в рублях в ценах 2004 г. Результаты расчетов для каждого варианта в каждом сценарии представлены в табл. 1.

Результаты расчетов, приведенные в табл. 1, были сведены в оценочную матрицу по показателю чистого дисконтированного дохода (табл. 2). Анализ оценочной матрицы позволил сделать вывод, что среди сравниваемых вариантов имеется доминирующий, а именно, вариант «Переправа». Данный результат свидетельствует о том, что даже в метасценарии, когда все прибыли в рамках интересующего нас проекта получаются за счет строительства ТКМ и ветки на Магадан другими инвесторами, сооружение дорогостоящего моста через р. Лену в г. Якутск является менее предпочтительным вариантом. А тот факт, что сооружение такого моста, тем не менее, предполагается начать, говорит о том, что во внимание принимается не только коммерческая эффективность, отражаемая показателем ЧДД, но

Таблица 2

Оценочная матрица по показателю ЧДД

Вариант	Сценарии								
	«Якутск»			«Магадан»			«ТКМ»		
	4,5%	10%	14%	4,5%	10%	14%	4,5%	10%	14%
«Мост»	13093	–15531	–20874	241662	64501	20857	470232	144532	62589
«Переправа»	16343	–13373	–19244	244912	66659	22488	473482	146691	64219
«Кердем»	–3698	–19117	–21506	224871	60914	20225	453441	140946	61956

учитываются также и неформализованные эффекты, перечисленные в начале данной статьи.

Во *втором метасценарии* строительство АЯМ рассматривалось поочередно как начальный этап сооружения Трансконтинентальной железнодорожной магистрали через Берингов пролив и как начальный этап строительства железнодорожной линии Якутск – Магадан. По результатам проведенных нами расчетов по этим «составным» проектам были построены эпюры затрат и результатов (рис. 2 и 3). Исходные данные для расчетов

Рис. 2. Эпюра затрат и результатов «составного» проекта «АЯМ-ТКМ»

Рис. 3. Эпюра затрат и результатов «составного» проекта «АЯМ-Магадан»

взяты из статьи Е.В. Нехорошкова [5]. Из расчета показателей ЧДД по этим проектам при льготной норме дисконта 4,5% видно, что оба проекта дают положительный ЧДД: в первом случае – 2357,5 млрд руб., во втором – 224,4 млрд руб.

***

Приведенная трактовка понятия «потенциальная эффективность проекта» не отвергает общепринятых трактовок, а дополняет их. Но в любом случае ясно, что замыкаться при оценке проектов только на показателях экономической эффективности неправомерно. В анализе необходимо учитывать и другие, трудноизмеримые эффекты, которые в существующей практике учитываются на интуитивном уровне. Проект достройки Амуро-Якутской магистрали и принятые инвестиционные решения свидетельствуют одновременно об актуальности данной проблемы и об отсутствии исчерпывающих научно обоснованных рекомендаций по ее удовлетворительному разрешению.

Литература

1. **Методические** рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (вторая редакция) / Рук. авт. кол. В.В. Коссов, В.Н. Лившиц, А.Г. Шахназаров – М.: Экономика, 2000.
2. **Корректировка** технико-экономического обоснования строительства железнодорожной линии Беркамит – Томмот – Якутск в Республике Саха (Якутия). – М.: ОАО «Проекттрансстрой», 2004. – Т. 1, ч. 2.
3. **Сухотин Ю.В., Дементьев В.Е., Петров А.И.** О категории эффективности общественного производства // Экономика и математические методы. – 1986. – Т. XXII, вып. 1.
4. **Концепция** развития транспортного комплекса РФ: северо-восточный вектор / Под ред. К.Л. Комарова. – Новосибирск: СГУПС, 2003.
5. **Нехорошков Е.В.** Транссиб – АЯМ – Трансконтиненталь: система магистралей XXI века в экономике России // Внешнеэкономические связи России. – 2004. – № 8.

© Попов И.А., 2006

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГООБЕСПЕЧЕНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В.Н. Чурашев, В.М. Маркова

Статья подготовлена по результатам исследования, выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00256)

Общепризнанным является представление, что Сибирь, обладающая гигантским потенциалом энергоресурсов, надолго будет оставаться главной энергетической базой России. Это утверждение не вызывает возражений, если речь идет о Сибири в ее исторически сложившемся понимании – с Тюменской областью в ее составе и об энергетике, понимаемой как совокупность всех видов трансформации энергии от источников получения природных энергетических ресурсов до приемников энергии включительно. Но ситуация несколько меняется, если рассматривать только территорию Сибирского федерального округа (СФО) и не все энергоресурсы, а только электроэнергию.

Изменение места СФО в электроэнергетике страны за период реформирования ее экономики можно увидеть из табл. 1 и 2. Доля округа в общероссийском производстве и потреблении электроэнергии остается относительно стабильной и находится на уровне 19–22%. За период 1990–2004 гг. динамика показателей производства и потребления электроэнергии в СФО мало отличалась от динамики соответствующих общероссийских показателей, разве что глубина спада была чуть меньше, а возврат на дореформенный уровень здесь ожидается раньше, чем в других регионах. Период после 1997 г. характеризовался преимущественно приростами электропотребления с годовыми темпами от 0,5 до 5%.

Территорию Сибирского федерального округа обслуживает объединенная энергосистема (ОЭС) Сибири, одна из крупнейших в России (уста-

Таблица 1

Рост производства электроэнергии по территориям России

Территория	Объем, млрд кВт·ч			Структура, %			Темп, %		
	1990	2000	2004	1990	2000	2004	1990	2000	2004
Россия, всего	1118,2	877,8	931,9	100,0	100,0	100,0	100,0	78,5	83,3
Европейская часть	856,9	643,8	695,9	76,6	73,3	74,7	100,0	75,1	81,2
Сибирский ФО	214,0	195,2	195,9	19,1	22,2	21,0	100,0	91,2	91,5
Дальневосточный ФО	47,3	38,8	40,1	4,2	4,4	4,3	100,0	82,0	84,8

Таблица 2

Рост потребления электроэнергии по территориям России

Территория	Объем, млрд кВт·ч			Структура, %			Темп, %		
	1990	2000	2004	1990	2000	2004	1990	2000	2004
Россия, всего	1073,2	863,7	924,2	100,0	100,0	100,0	100,0	80,5	86,1
Европейская часть	803,3	626,8	685,0	74,9	72,6	74,1	100,0	78,0	85,3
Сибирский ФО	224,4	195,4	199,6	20,9	22,6	21,6	100,0	87,1	88,9
Дальневосточный ФО	45,5	41,5	39,6	4,2	4,8	4,3	100,0	91,2	87,0

новленная мощность ее электростанций – около 46 млн кВт). Она имеет ряд особенностей, важных в свете осуществляемой реформы отрасли.

Во-первых, это большая доля ГЭС в структуре установленной мощности ОЭС. В 2004 г. она составляла 49%, тогда как доля ТЭЦ – 32%, КЭС – 19%. Гидроэлектростанции в большей степени задействованы в покрытии пиковой и полупиковой частей суточных графиков нагрузок, но покрывают также значительную долю базовой части графика электрической нагрузки энергообъединения Сибири.

Во-вторых, особенностью ОЭС Сибири является низкий коэффициент использования мощности конденсационных электростанций, в том числе высокoэкономичной Березовской ГРЭС-1. При работе ОЭС Сибири в условиях самобаланса вынужденная разгрузка КЭС производится в летний и паводковый периоды для предотвращения потери энергоресурса на ГЭС.

В-третьих, в структуре ОЭС Сибири высокая доля теплофикационных мощностей, обеспечивающих теплоснабжение городов в суровых климатических условиях, и, соответственно, большая доля выработки ТЭЦ в теплофикационном режиме в балансах электроэнергии.

В-четвертых, СФО имеет самую высокую (по сравнению с остальными федеральными округами) электроемкость производства (выпуска) и валового регионального продукта, превышающую среднероссийские показатели в 2 раза. Существенная доля потребления электроэнергии принадлежит крупным энергоемким производствам, созданных во времена плановой государственной экономики в составе региональных ТПК с привязкой к конкретным источникам электроэнергии с низкой себестоимостью ее производства. Сказывается также низкий уровень газификации хозяйства и жилищно-коммунальной сферы.

В-пятых, обширные территории не охвачены централизованным электроснабжением.

Организационная структура электроэнергетики в недавнем прошлом имела следующий вид:

- 11 АО-энерго, 10 из которых находились в структуре холдинга РАО «ЕЭС России»;
- шесть федеральных электростанций, обеспечивавших до четверти установленной мощности СФО;
- крупный независимый энергопроизводитель – «Иркутскэнерго», на долю которого приходится до 30% от общего объема установленных мощностей и выработки электроэнергии.

Сейчас в результате реформирования в ОЭС Сибири помимо государственных «Федеральной сетевой компании» и «ГидроОГК» (Новосибирская и Саяно-Шушенская ГЭС) представлены новые, в перспективе независимые компании, которые в будущем станут объектами и субъектами инвестирования. Это ОГК-3 (Гусиноозерская и Харанорская ГРЭС), ОГК-4 (Березовская ГРЭС-1), ОГК-6 (Красноярская ГРЭС-2), ТГК-11 (Омская и Томская области), ТГК-12 (Кемеровская область, Алтайский край и Республика Алтай), ТГК-13 (Красноярский край, Республика Хакасия и Республика Тыва), ТГК-14 (Республика Бурятия и Читинская область), «Новосибирскэнерго», «Иркутскэнерго», «Красноярская ГЭС».

На территории Сибирского федерального округа издавна выделялись четыре зоны с различным балансом энергопотребления. *Западная зона*, куда входят Омская, Новосибирская, Томская, Алтайская и Кузбасская энергосистемы, традиционно энергодефицитна. Так, Томская область и Алтайский край получают сегодня по договорным оптовым поставкам из других энергосистем до 70% необходимой энергии. *Центральная зона*, включающая Красноярскую и Хакасскую энергосистемы (раньше они были объединены в одну), энергоизбыточна. Всегда была энергоизбыточной *Иркутская энергосистема*, уникальность которой заключается в том, что из ее 13 ГВт установленной мощности около 9 ГВт составляет каскад Ангарских ГЭС. Наконец, энергонедостаточна *крайняя восточная зона*, в которую входят Бурятская и Читинская энергосистемы.

Энергодефицитные восточные и западные регионы Сибирского федерального округа получают в настоящее время энергию по ЛЭП из центральной части Сибири, где имеется ее избыток. В свою очередь, энергоизбыточные системы продают электричество и за пределы округа.

Из сопоставления показателей табл. 1 и 2 видно, что объемы потребления электроэнергии на территории СФО в 1990–2004 гг. немного превышали объемы производства, но особой тревоги это не вызывало. Поскольку в ОЭС Сибири имелись резервы мощностей на ТЭС, а рост производства электроэнергии в округе обгонял рост потребления, казалось, что при прогнозируемом среднегодовом темпе роста электропотребления на уровне 2–2,5% надежность перспективного электроэнергетического баланса округа не вызывала сомнений.

Поэтому среди проблем электроэнергетики Сибири помимо присущего всем энергосистемам России большого морального и физического старения оборудования руководством отрасли главной проблемой называлась ее неразвитость из-за больших расстояний магистрального сетевого хозяй-

ства, что в сравнении с Уралом и европейской частью России затрудняло организацию необходимых перетоков электроэнергии для восполнения энергодефицита в отдельных районах страны. Еще недавно, в 2005 г., на Первом энергетическом конгрессе Сибири стратегической задачей электроэнергетики региона провозглашалось «развитие межсистемных линий электропередачи 500–1150 кВ для усиления надежности параллельной работы объединенной энергетической системы Сибири с энергетическими системами европейской части России и с объединенной энергетической системой Дальнего Востока», с тем чтобы из энергоизбыточных регионов Сибири выдать около 30 млрд кВт·ч в западном направлении¹.

Отдельно поднимался вопрос об экспорте электроэнергии в Китай. Впервые поставлять электроэнергию из России в Китай в середине 1990-х годов предложила компания «Иркутскэнерго». Для этого было необходимо построить ЛЭП длиной 2600 км из Иркутской области в КНР. В 1999 г. переговоры были заморожены. В настоящее время электроэнергию в КНР в «рамках приграничной торговли» экспортирует РАО «ЕЭС России». Провинция Хэйлунцзян в 2004 г. получила свыше 300 млн кВт·ч российской электроэнергии, к 2009–2010 гг. планируется увеличить поставки по этому контракту до 5 млрд кВт·ч. В последнее время китайская сторона проявляет заинтересованность в оценке возможностей существенного наращивания импорта электроэнергии из России, который выйдет далеко за уровень приграничного сотрудничества. В выступлении на Сибирском энергетическом конгрессе директора Департамента ТЭК Минпромэнерго России А.Б. Яновского прозвучало, что идут переговоры о поставках от 20 до 50 млрд кВт·ч в год.

При таких амбициозных заявках на электроэнергию Сибири, к сожалению, мало кто из участников конгресса обратил внимание на выступление В.В. Колмогорова, генерального директора АО «Иркутскэнерго» – энергосистемы, где, по общепринятым представлениям, сосредоточены основные избытки электроэнергии. Между тем В.В. Колмогоров сообщил, что уже в 2010 г. Иркутская область будет иметь отрицательное сальдо по электроэнергии. В некоторых других районах Сибирского федерального округа необходимость ограничивать промышленные предприятия в потреблении энергии может возникнуть уже зимой 2006/2007 г.

Ранее к выводу об угрозе для СФО так называемой «проблемы 2009 г.» пришли сотрудники Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, участвовавшие в разработке новой версии Страте-

---

¹ См.: Нефтегазовая вертикаль. – 2005. – № 5. – С. 16–20.

гии экономического развития Сибири². Промышленность Сибири традиционно базируется на добывающих и перерабатывающих отраслях народного хозяйства, требующих больших энергетических затрат. В перспективе предусматривается восстановление спроса на электроэнергию в этих отраслях, а также в строительстве, на транспорте, в машиностроении. Высокий внешний спрос на сырьевые ресурсы Сибири постепенно трансформируется во внутренний спрос по технологическим цепочкам смежных секторов экономики. На основе показателей **стратегических инвестиционных проектов**, которые являются ключевыми элементами Стратегии развития Сибири и каждый из которых требует для реализации более миллиарда рублей, осуществлялся прогноз объемов электропотребления и максимальной потребляемой мощности новых крупных потребителей по субъектам Федерации, входящим в состав СФО. Из предложенных государственными и частными компаниями проектов экспертным путем было отобрано более трех десятков, реализация которых намечается в ближайшие годы.

Отобранные проекты являются достаточно энергоемкими. Прогноз объемов электропотребления проводился либо на основе проектных данных, либо на основе данных о вводе мощностей по предприятиям-потребителям и удельных норм расхода электроэнергии, либо на основе данных по объектам-аналогам.

Выдерживалась ориентация на внедрение энергосберегающих технологий. Так, например, обычно для производства 1 т алюминия на российских заводах требуется 16–18 тыс. кВт·ч электроэнергии. Разработка в компании «РУСАЛ» электролизера РА-400 и запуск его на Саяногорском алюминиевом заводе позволили сократить расход электроэнергии до 13,8 тыс. кВт·ч. В дальнейшем РА-400 будет устанавливаться на всех новых алюминиевых заводах компании.

Рассматривались два возможных уровня электропотребления, соответствующих **минимальному** и **максимальному** спискам проектов.

В минимальный список входят проекты, предусматривающие только развитие действующих объектов:

- *по угольной промышленности*: расширение разреза Березовский-1 в Красноярском крае;
- *по цветной металлургии*: программа увеличения выпуска на действующих предприятиях «РУСАЛа» за счет технического перевоору-

---

² См.: Кулешов В.В. Стратегические проекты развития важнейших хозяйственных комплексов Сибири // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1.

жения на заводах Кемеровской и Иркутской областей, Красноярского края, расширения мощностей на Саяногорском алюминиевом заводе в Республике Хакасии и на Иркутском алюминиевом заводе;

- *по машиностроению*: 1) организация производства современных грузовых железнодорожных вагонов на действующих заводах в Омской и Кемеровской областях, Алтайском крае и Республике Хакасии; 2) модернизация действующих и создание новых мощностей по производству угольного, горно-шахтного и горно-рудного оборудования в Кемеровской области.
- *по транспортному комплексу*: строительство автомагистрали «Байкал».

Общий объем потребления электроэнергии по варианту с минимальным списком проектов составит в 2010 г. 9,9 млрд кВт·ч, из которых более 80% будет приходиться на алюминиевые заводы.

В максимальном списке проектов в дополнение к вышеуказанным проектам предусматривается следующее:

- *по нефтегазовому комплексу*: 1) формирование нефтегазового комплекса Восточной Сибири, куда войдут Непско-Ботуобинский, Байкитский, Ангара-Ленский, Ванаварский и Сузунский (Лодочно-Ванкорский) районы; 2) строительство Володинского ГПЗ с включением его в Томский нефтегазохимический комбинат; 3) формирование Южно-Сибирского комплекса глубокой переработки углеводородного сырья; 4) проектирование и формирование газохимического комплекса на юге Восточной Сибири;
- *по угольной промышленности*: 1) программа развития Кузнецкого бассейна; 2) освоение Элегестского месторождения (строительство трех шахт и двух обогатительных фабрик); 3) программа развития месторождений Восточной Сибири – строительство Никольского разреза;
- *по лесопромышленному комплексу*: строительство Читинского и Лесосибирского ЦБК.
- *по транспортному комплексу*: строительство нефтепровода ВСТО (Восточная Сибирь – Тихий океан); 2) строительство нефтепровода ТВЧЗ (Талакан – Усть-Кут); 3) строительство нефтепровода ЮТЗ (Юрубченское – Нижняя Пойма); 4) строительство газопровода Ковыкта – Чита – Забайкальск – Харбин – Далянь – Сеул; 5) строительство железной дороги к Элегестскому месторождению; 6) стро-

ительство Северосибирской железной дороги; 7) строительство автомагистралей с выходом на страны Центральной Азии;

- *по цветной металлургии*: 1) строительство Тайшетского, Хакасского и Богучанского алюминиевых заводов; 2) программа возмещения выбывающих мощностей по добыче и модернизации производства ГМК «Норильский никель»; 3) реализация проектов в Кодаро-Удоканском минерально-сырьевом комплексе – освоение Чинейского месторождения медно-платиновых руд и Удоканского месторождения медных руд;
- *по черной металлургии*: строительство электрометаллургического завода по выпуску стального проката в Новосибирской области.

Объемы и структура потребления электроэнергии по максимальному списку проектов в отраслевом и территориальном разрезах показаны на рис. 1, 2.

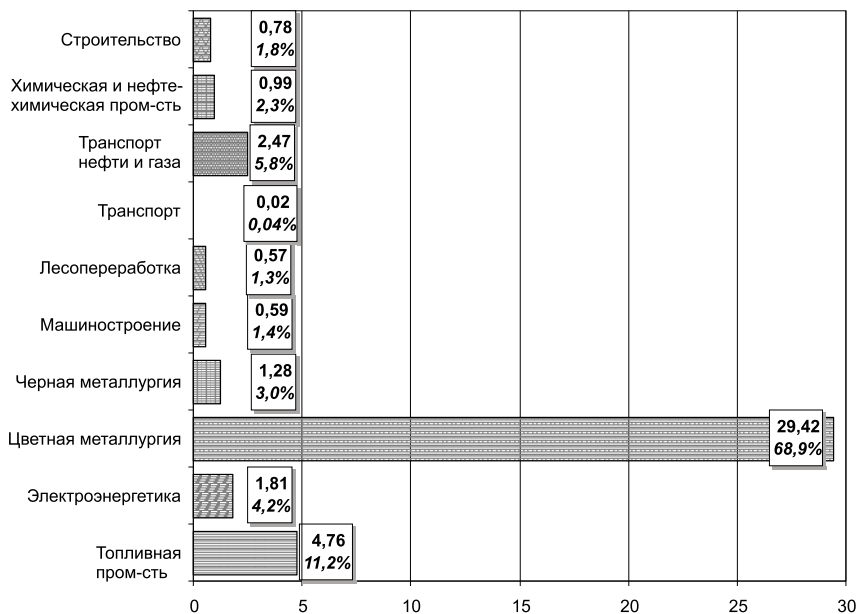

Рис. 1. Объемы потребления электроэнергии по максимальному списку проектов в отраслевом разрезе, млрд кВт·ч

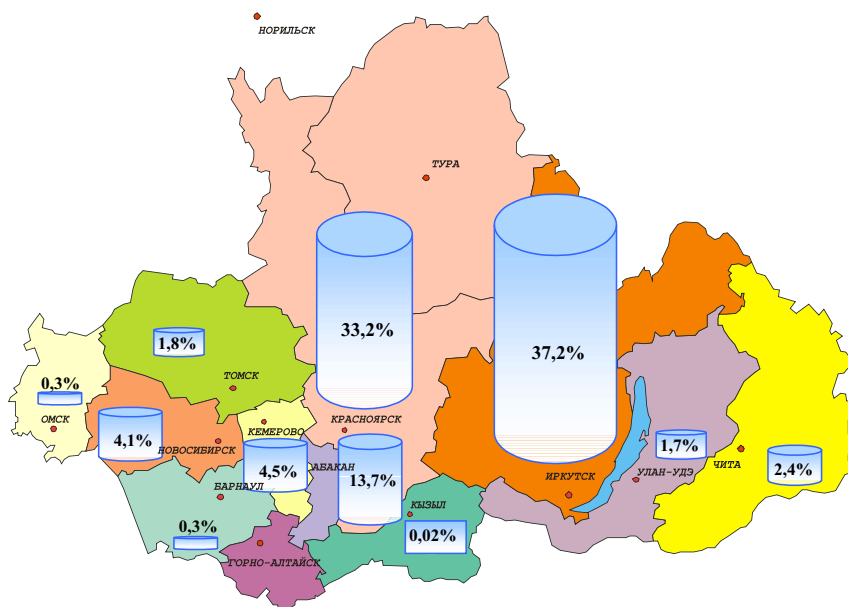

Рис. 2. Структура потребления электроэнергии по максимальному списку проектов в региональном разрезе

Общий объем потребления электроэнергии по варианту с максимальным списком проектов составит в 2010 г. около 42,1 млрд кВт·ч. Доля алюминиевых заводов в потреблении электроэнергии достигнет 69%, доля нефтегазового сектора и трубопроводного транспорта нефти и газа превысит 11%.

Наибольшую долю в электропотреблении в 2010 г. будут иметь проекты, реализуемые на территории Иркутской области и Красноярского края – 37,8 и 33,2% соответственно. Существенный прирост электропотребления ожидается также на территории Республики Хакасии (доля от общего потребления – 13,2%), в Новосибирской и Томской областях. В этих регионах к концу рассматриваемого периода планируется ввести в эксплуатацию энергоемкие производства: электрометаллургический завод (Новосибирская область), алюминиевый завод (Республика Хакасия), газоперерабатывающий завод (Томская область).

Объявленные компаниями планы развития энергоемких производств (в первую очередь в цветной металлургии, лесохимической промышленнос-

ти и нефтегазовом комплексе) предъявляют новые требования к программе ввода энергогенерирующих мощностей в ОЭС Сибири. Бывшие АО-энерго сейчас заняты разработкой инвестиционных долгосрочных программ.

Крупнейшим энергетическим проектом Красноярского края является Богучанская ГЭС, строительство которой ведется с конца 1970-х годов. Согласно партнерскому соглашению между РАО «ЕЭС России» и компанией «РУСАЛ» предусматривается достижение мощности к 2011 г. на уровне 3000 МВт (девять гидроагрегатов по 333 МВт) со среднемноголетней выработкой 17,8 млрд кВт·ч., из которых большая часть будет направлена на удовлетворение нужд нового алюминиевого завода.

РАО «ЕЭС России» продолжит реализацию крупных инвестиционных проектов по вводу конденсационных энергоблоков на Березовской ГРЭС-1 в Красноярском крае (ввод мощности 800 МВт до 2010 г.) и Харанорской ГРЭС в Читинской области (ввод мощности 215 МВт до 2010 г.).

«Иркутскэнерго» рассматривает возможность строительства двух ТЭЦ общей мощностью 1,5 ГВт. В результате расширения мощностей действующих ТЭЦ возможен прирост в производстве электроэнергии на уровне около 11,4 млрд кВт·ч.

Со стороны «Кузбассэнерго» предлагаются модернизация Томь-Усинской ГРЭС, замена двух турбин на Ново-Кемеровской ТЭЦ, модернизация Кемеровской ГРЭС, ввод новых мощностей на Кузнецкой ТЭЦ, строительство новой Прокопьевско-Киселевской ТЭЦ. В результате энергомощности Кузбасса могут суммарно прирасти в 1,5 раза.

В планах «Новосибирскэнерго» строительство двух новых электростанций. Один из вариантов – Новосибирская ТЭЦ-6, которая размещается на существующей площадке на незначительном удалении от Новосибирска. Данная площадка уже частично освоена: построена подстанция, сооружены подъездные пути, внешние инженерные коммуникации. Для строительства ГРЭС рассматривается несколько площадок: в Кемеровской области – в районе Прокопьевска и Белово, в Новосибирской области – на границе с Алтайским краем (пос. Петухи) и в г. Куйбышеве.

Специалистами «Томскэнерго» представлено несколько инвестиционных проектов развития для ГРЭС-2 и ТЭЦ-3. ГРЭС-2 расположена в активно застраиваемой части города, и увеличение ее мощности позволит подключить к теплу дополнительное количество потребителей. Реализация инвестиционного проекта по установке паровой теплофикационной турбины и турбогенератора увеличит мощность станции на 50 МВт. Второй инвестиционный проект более масштабный: установка газовой турбины мощностью 150 МВт и котла-утилизатора займет около трех лет. После

воплощения этих проектов в жизнь мощность ГРЭС-2 вырастет до 1026 Гкал/ч. Уже готов инвестиционный проект по монтажу парогазовой установки на Томской ТЭЦ-3. Предполагается, что за три года там будут установлены две газовые и одна паровая турбина, а также два котла-утилизатора. В итоге мощность станции вырастет на 450 МВт.

Имеются также проекты ввода новых агрегатов на Барнаульской ТЭЦ-3 (мощность 540 МВт, годовая выработка 3,2 млрд кВт·ч), Улан-Удэнской ТЭЦ-2 (соответственно 780 МВт и 4,3 млрд кВт·ч), Красноярской ТЭЦ-3 (720 МВт и 4,0 млрд кВт·ч), Омской ТЭЦ-6 (900 МВт и 4,95 млрд кВт·ч).

Продолжаются споры о целесообразности строительства ГЭС на Катунь. С учетом замечаний государственной экспертизы по Катунской ГЭС разработан проект Алтайской ГЭС, в котором предполагается использовать энергию естественного стока. По существу, Алтайскую ГЭС можно отнести к малым гидростанциям. Высота плотины составит 50 м, мощность станции – 140 МВт, среднемноголетняя выработка электроэнергии – 0,85 млрд кВт·ч. В связи с тем, что сток реки не будет регулироваться, зимой будет покрываться 50% потребности Республики Алтай в электроэнергии, а летний избыток намечается продавать в Китай. Общая стоимость проекта – 0,1 млрд долл. США, ГЭС предполагается построить за три года. Заказчиком строительства хочет быть специально созданное ОАО «Горно-Алтайская ГЭС», в котором правительству Республики Алтай принадлежит 10% акций. Алтайская ГЭС не фигурирует в Схеме развития ОЭС Сибири до 2015 года, – требуется дополнительное технико-экономическое обоснование с учетом ее экологического влияния.

Аналогичное обоснование, видимо, необходимо и для проекта Крапивинской ГЭС (Кемеровская область), которой также нет в Схеме развития ОЭС Сибири до 2015 года.

Необходимым условием реализации крупных проектов генерации энергии является соответствующее развитие электросетевого хозяйства ОЭС Сибири. Параллельно с вводом новых генерирующих мощностей намечается строительство новых линий электропередачи, особенно на направлениях Сибирь – Урал, что создаст предпосылки для формирования единого рынка электроэнергии на всей территории России.

Анализ перспективной балансовой ситуации по электроэнергии на территории Сибирского федерального округа показывает, что при максимальной реализации потенциала энергосбережения в регионе (около 25% от существующего уровня потребления) и широком техническом перевооружении основного энергетического и электротехнического оборудования объ-

емы электропотребления по варианту с максимальным списком новых проектов превысят прогнозируемые отраслевой схемой потенциальные возможности производства, даже без учета поставок электроэнергии из ОЭС Сибири в европейскую часть России и на экспорт. К тому же нельзя забывать и о необходимости поддерживать резерв энергетических мощностей на уровне 10–15%.

Для ликвидации возникающего в Сибирском федеральном округе дисбаланса электроэнергии необходимо либо пересмотреть список намечаемых к строительству энергоемких производств, либо предпринять более форсированное развитие генерирующих источников, и в первую очередь ГРЭС, работающих на канско-ачинских углях с использованием новых энерготехнологий³.

Конечно, реализация такой инвестиционной программы потребует громадных средств. По нашим предварительным расчетам, только на создание генерирующих мощностей для покрытия нагрузки стратегических инвестиционных проектов на территории СФО необходимо до 2012 г. вложить от 60 до 150 млрд руб., что на порядок выше нынешнего уровня инвестиций. Должны быть задействованы различные формы финансирования: тарифы, плата за присоединение, государственные и частные инвестиции, первичное размещение акций или их дополнительная эмиссия, долгосрочные займы и др. Кстати, в «Новосибирскэнерго», которое уже достаточно давно вынуждено самостоятельно изыскивать средства и на развитие генерации, и на расширение и модернизацию сетей, источники инвестиционных ресурсов уже много лет остаются неизменными: около 80–84% поступлений обеспечивается за счет амортизационных отчислений, 8–10% – это средства из прибыли, еще 5–8% – заемные средства, преимущественно банковские кредиты.

Для вновь организованных энергетических компаний выбор рациональной схемы финансирования должен стать первоочередной задачей. Если сегодня не начать вкладывать средства в новые электростанции и сети, то завтра нехватка электроэнергии станет тормозом для развития промышленности и всей экономики Сибирского региона. При неблагоприятных условиях, например при низкой водности, дефицит электроэнергии в Сибири может возникнуть уже зимой 2007/2008 г.

© Чурашев В.Н., Маркова В.М., 2006

---

³ См.: **Чурашев В.Н., Чернова Г.В.** Проблемы развития угольной теплоэнергетики Сибири // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 4.

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА СЖИЖЕННОГО ГАЗА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПОТРЕБЛЕНИЮ БЕНЗИНА

С.Н. Чирихин

Рост цен на бензин ставит вопрос о поиске равноценной замены данного топлива на альтернативное. Наиболее реальный заменитель – природный газ, который имеет два главных преимущества перед бензином: экологичность и более низкую цену.

В 2000–2004 гг. мировой парк автомобилей, работающих на природном газе, ежегодно увеличивался на один миллион. Серийное производство метановых автомобилей освоили все ведущие автомобильные компании мира. Сегодня в мире на этом виде топлива работает более 3,5 млн автомобилей.

По численности метановых автомобилей (40 тыс. единиц) Россия сегодня занимает 11-е место в мире (всего автомобилей в России 25 млн единиц). В основном на газе работают маршрутные такси, а также автопарки различных государственных организаций, например машины коммунальных служб. Количество построенных в 2004 г. АГНКС составило 212, их суммарная проектная мощность – около 2 млрд куб. м газа в год. Причем 87% этих АГНКС находятся в собственности ОАО «Газпром», и в 2004 г. им реализовано более 150 млн куб. м газа.

Если раньше в России строились в основном станции большой производительности (на 250 и 500 заправок в сутки), то теперь более целесообразным представляется уплотнение сети АГНКС за счет станций малой (до 100 заправок) и средней (100–150 заправок) производительности.

Относительно новым энергоносителем на российском топливном рынке стал сжиженный углеводородный газ (СУГ). «Газпром» создал комплекс технологического оборудования для получения, хранения, транспортировки и регазификации СУГ. Этот энергоноситель открывает совершенно новые возможности для газоснабжения коммунально-бытовых и промышленных потребителей, удаленных от магистральных и распределительных газопроводов. Газомоторное топливо на основе СУГ может производиться с последующей транспортировкой в любом месте, где имеются источники природного газа. Оно может быть получено и из нефтяного по-

путного газа, свалочного газа и биогаза. Малотоннажное производство СУГ может быть организовано на АГНКС и газораспределительных станциях. Используя потенциал перепада давления, на дросселирующих установках можно получать до 1 т СУГ в час. При этом установки производительностью до 500 кг в час вообще не требуют электроэнергии.

Основным стимулом для развития рынка сжиженного углеводородного газа как автомобильного топлива является рост цен на бензин и дизельное топливо, что вызывает увеличение спроса на газ и создает предпосылки для высокой окупаемости проектов перевода транспорта на газ и строительства газовых заправочных станций. Стоимость переоборудования легкового автомобиля для работы на газе составляет от 8,5 тыс. руб. Окупаемость этих вложений зависит от пробега и разницы в цене газа и бензина. Правильно отрегулированное оборудование позволяет экономить около 50% на каждой заправке.

Следует отметить, что при соблюдении правил эксплуатации газомоторного транспорта не создает дополнительных проблем для его владельца. Ограничение, по сути, одно: необходимо регулярно и своевременно проводить диагностику газовой магистрали, что не требует существенных материальных и временных затрат. Кроме того, существует ряд косвенных обстоятельств, которые обычно не учитываются при оценке достоинств газобаллонного автомобиля, – это сокращение вредных выбросов до норм, составляющих десятые доли ПДК, увеличение пробега между заменами масла и общего пробега автомобиля (приблизительно в 1,5–2 раза), отсутствие детонации, снижение уровня шума работающего двигателя и др.

Таким образом, следует признать перспективность использования природного газа в качестве альтернативы автомобильному бензину в складывающихся экономических условиях. Насколько эта альтернатива реальна и доступна потребителю, определяется прежде всего состоянием рынка.

СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОПТОВЫХ И РОЗНИЧНЫХ РЫНКОВ СЖИЖЕННОГО УГЛЕВОДОРОДНОГО ГАЗА

Сжиженный углеводородный газ в Российской Федерации производится на трех видах предприятий: на нефтехимических, нефтеперерабатывающих и газоперерабатывающих заводах. Их доли в структуре производства СУГ в 2003 г. составили 45, 29 и 26,1% соответственно. На нефтеперерабатывающих и некоторых нефтехимических предприятиях сжиженный

газ является фактически дополнительным продуктом при получении бензинов и других продуктов. Сжиженный газ, производимый предприятиями газопереработки и частично предприятиями нефтехимии, является главным продуктом для реализации и/или последующей переработки в продукцию более высоких переделов.

Производство СУГ носит сезонный характер, пик его приходится на октябрь. В среднем в месяц в 2004 г. производилось 573 тыс. т. Всего товарное производство в Российской Федерации в 2004 г. составило 6883 тыс. т. Не учтенные статистикой дополнительные объемы СУГ оцениваются в 0,2–1 млн т. Сфера производства СУГ являлась высококонцентрированной с неразвитой конкуренцией. Реализуется СУГ по четырем основным направлениям: сырье для нефтехимии, коммунально-бытовые нужды, экспорт и свободный нерегулируемый рынок. Последний включает реализацию СУГ в качестве газомоторного топлива. Емкость нерегулируемого рынка в 2004 г. составила 1601 тыс. т, из этого объема использовано в качестве газомоторного топлива около 700 тыс. т. Спрос на СУГ, реализуемый по коммерческим ценам, значительно растет в летние месяцы. Это связано как с переездом граждан во второе жилище, так и с увеличением спроса со стороны автовладельцев. Данный сектор рынка развивается наиболее динамично.

В разных регионах России развитие розничного рынка СУГ происходило неравномерно. В европейской части страны сеть АГЗС достаточно развита. В Москве в силу ряда обстоятельств основная часть АГЗС расположена за пределами Московской кольцевой автомобильной дороги, что, безусловно, сдерживает развитие рынка СУГ, хотя значительная часть пассажирского транспорта переведена на сжиженный газ. Причем правительство Москвы выступало одним из инициаторов этого переоборудования.

В целом в последние годы потребление природного газа автомобильным транспортом в России стабильно растет на 14–20% в год. В настоящее время в России более 400 АГЗС. В Центральном федеральном округе лидером в использовании газомоторного топлива является Тульская область, где объем его потребления увеличился до 8,2 млн куб. м в год. В 4 раза вырос объем реализации природного газа для транспорта в Рязанской и Ярославской областях, примерно в 2 раза – в Московской и Владимирской, в 1,5 раза – в Смоленской, Курской и Белгородской областях.

За Уралом центром переоборудования и эксплуатации автотранспорта, работающего на СУГ, традиционно считается г. Омск, где еще в советское время было переоборудовано до 60% государственного транспорта.

По причине размещения непосредственно в городе одного из крупнейших российских нефтеперерабатывающих заводов Омск и сегодня остается лидером в развитии данного направления среди всех городов, расположенных за Уралом. Количество АГЗС оценивается в интервале от 30 до 50. Стоимость переоборудования автомобилей низкая, очень развита конкуренция как между установщиками оборудования, так и между владельцами АГЗС. Рынок близок к насыщению. Имеется собственное производство газа, баллонов, в основном используется дешевое отечественное и белорусское оборудование.

Проявлением стимулирующих подходов к развитию рынка стали разработка и последующая реализация целевой региональной программы «Внедрение на предприятиях Омской области технологий использования природного газа в качестве моторного топлива». Первым участником программы явилось автотранспортное предприятие «Апрес» (более 2000 единиц подвижного состава). В качестве потенциальных участников рассматриваются ведущие перевозчики – «Облавтотранс», муниципальные пассажирские предприятия города. Планируемый перевод 70 тыс. транспортных единиц Омской области на метан позволит региональному бюджету сэкономить до 12 млн руб. в год.

На первом этапе газовые заправочные станции нового поколения будут построены на федеральных дорогах и выездах из города для заправки транзитного транспорта. На втором этапе предполагается использование компрессорных заправок для обслуживания ведущих региональных и городских перевозчиков и сельского транспорта.

Перевод 70 тыс. омских автомобилей с бензина на метан может существенно повлиять на заправочный бизнес «Сибнефти», занимающей в области около 90% розничного бензинового рынка.

Новосибирская область в данной сфере экономики – самый инертный регион в Сибири. Сегодня на рынке газовых заправок здесь работает 21 АГЗС, среди них наиболее крупные – «Сибцентрлайн» (четыре АГЗС), «Газаппаратура» (три АГЗС), «Гранд» (две АГЗС). Интерес к розничному газовому рынку проявляют «Сибгаз», «Сибирьгазсервис» и другие частные предприятия.

Емкость мелкооптового и розничного рынков области составляет около 24 тыс. т в год. Действует четыре газовых хранилища с ежемесячной емкостью 4500 т. Рынок АГЗС ненасыщенный, но конкурентный за счет относительно небольшого количества транспорта, переоборудованного для работы на СУГ.

Администрация Новосибирской области была готова в 2004 г. предоставить ООО «Новосибирскгазснаб» поддержку из бюджета в форме субсидирования ставки банковского кредита, привлеченного компанией на три года для осуществления масштабного проекта создания АГЗС на территории региона. Полная стоимость проекта составляла 60 млн руб. Проектом предусматривались строительство по одной АГЗС в каждом из 30 районов области и перевод муниципального транспорта на сжиженный газ. Поставка газа должна была осуществляться с Омского НПЗ автомобильными газовозами. Экономия бюджетных средств могла составить 76 млн руб. Помимо муниципального транспорта «Новосибирскгазснаб» планировал продавать газ и частным автовладельцам. Однако окончательное решение о бюджетной поддержке развития системы газовых заправочных станций на территории области до сих пор не принято.

В целом можно констатировать, что представители региональной власти не обеспечили благоприятный климат субъектам регионального рынка СУГ, несмотря на то что была разработана (еще в 1999 г.) и номинально действует Программа по развитию рынка газомоторного топлива в Новосибирской области на 2000–2005 годы. Развитие новосибирского рынка СУГ идет с очень большим трудом. Те предприятия, которые сейчас представлены на рынке, создавались «с нуля», сначала убеждая автовладельцев переоборудовать автомобили для работы на газе, а потом решая проблемы с землей и расположением АГЗС. Согласовать размещение АГЗС в Новосибирске сейчас уже практически невозможно якобы из-за отсутствия подходящих площадок. Стоимость участка в черте города с согласованиями составляет до 50% от стоимости проектирования и строительства. Таким образом, в Новосибирской области речь может идти не то чтобы о развитии рынка газомоторного топлива, а скорее, о его торможении.

В Новосибирской области АГЗС по типовому проекту мощностью 10 тыс. л в сутки и сметной стоимостью 10 млн руб. (стоимость специального оборудования – 2,0 млн руб., единовременный взнос за участок – 1,0 млн, разработка проектной документации – 0,5 млн, получение согласований и разрешений – 0,9 млн, строительно-монтажные работы и материалы, пуско-наладочные работы – 6,0 млн руб.) строится в течение одного года и окупается за один-два года. Проект обладает финансовой привлекательностью, и если региональный рынок СУГ не развивается, на то есть причины в виде различного рода административных барьеров и препятствий. К этому можно добавить, что в принципе на региональном уровне

имеются совершенно реальные механизмы возможного государственного стимулирования инвестиций в строительство АГЗС. Например, в Новосибирской области существует так называемый земельный коэффициент, который применяется в зависимости от объекта строительства, района города или области, расположения и т.д. К автогазозаправочным станциям применяется та же величина данного коэффициента, что и к традиционным АЗС. Эта величина может достигать до 12 (максимальный уровень). Причем она влияет на единовременный взнос за право аренды, который необходимо заплатить еще до начала строительства, на стадии предварительных согласований. Установление пониженного значения этого коэффициента для АГЗС – реальный механизм поддержки инвестиций в рассматриваемое направление бизнеса.

На отмеченные трудности развития рынка СУГ на региональном уровне наслаиваются проблемы, имеющие значение для всей страны: отсутствие законодательной базы (проект закона рассматривается Госдумой), неразвитость институтов регулирования рынка газомоторного топлива, неточность доступных данных о потребностях в СУГ по регионам страны, необходимость строительства хранилищ для СУГ – резервуарных парков.

На федеральном уровне есть понимание необходимости изменения ситуации. В частности, комиссия по газомоторному топливу при Правительстве РФ одобрила проект концепции газификации автотранспорта и сельскохозяйственной техники России до 2020 г. Реализация этого проекта позволит увеличить количество транспорта, работающего на природном газе, к 2011 г. до 190–210 тыс., к 2020 г. – до 1 млн единиц, а число заправочных станций должно составить более 1 тыс.

МОНОПОЛИЗАЦИЯ РЫНКА ГАЗА – ПРЕПЯТСТВИЕ ЕГО РАЗВИТИЮ

К отмеченным трудностям роста рынка СУГ можно добавить проблему его монополизации. Сырьевые и топливные монополии проводят «антирыночную» политику и допускают ежегодное скачкообразное повышение цен на газ, значительно увеличивая прямые издержки АГЗС, которые, в свою очередь, жестко ограничены в свободе увеличения розничной цены и лишены возможности инвестировать средства в развитие своих предприятий. Например, с августа до декабря 2004 г. в России в 2 раза, а в некоторых местах – до 2,5 раза были подняты оптовые цены на сжиженный газ.

По информации Евроазиатской ассоциации газозаправочного бизнеса, в ряд регионов России без предварительного уведомления вообще была прекращена поставка сжиженного газа. При этом ранее подписанные договоры поставщиками игнорировались без привлечения кого-либо к ответственности. В результате в августе 2004 г. практически весь Южный федеральный округ остался без сжиженного газа. Критическая ситуация складывалась в Курганской, Свердловской, Воронежской и других областях России. По мнению экспертов, удвоение цен на СУГ не было вызвано увеличением себестоимости, так как в указанный период тарифы на электроэнергию, железнодорожные перевозки практически не менялись. Понятно, что российские инвесторы, желающие вкладывать средства в развитие рынка СУГ, не могут этого делать в условиях непредсказуемого роста цен.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС) на постоянной основе ведет наблюдение за данным рынком и при выявлении нарушений антимонопольного законодательства предпринимает необходимые меры. В настоящее время злоупотребления доминирующим положением на рынках газа выявляются антимонопольным органом по всей технологической цепочке (транспортировка газа по газотранспортным и газораспределительным мощностям, переработка попутного нефтяного газа на газоперерабатывающих мощностях, реализация природного и сжиженного углеводородного газа).

Основным видом нарушения антимонопольного законодательства на рынках газа является злоупотребление доминирующим положением: его доля в общем количестве выявленных нарушений на рынках газа составляет около 86%. Так, в 2003 г. антимонопольным органом всего было возбуждено 95 дел по фактам злоупотреблений доминирующим положением на рынках газа, в 2004 г. – 63 дела и выдано 32 предписания о прекращении нарушений.

Одним из основных условий развития конкуренции на рынках газа является обеспечение для всех участников рынка недискриминационного доступа к инфраструктурным объектам: мощностям по переработке газа, газотранспортным и газораспределительным сетям. Отсутствие доступа к мощностям по переработке газа может оказывать негативное влияние на возможности вовлечения в хозяйственный оборот ресурсов нефтяного попутного газа и, соответственно, на перспективы использования потенциала нефтяных компаний. В целях пресечения нарушений Закона «О конкуренции» в 2005 г. по результатам рассмотрения сделок с участием группы лиц компаний ОАО «Газпром» и ОАО «АК «Сибур» антимонопольным орга-

ном было выдано указанной группе лиц предписание, обязывающее обеспечивать третьим лицам доступ к газоперерабатывающим мощностям на недискриминационных условиях.

Антимонопольным органом выявлялись нарушения, связанные с доступом к газотранспортным мощностям. ОАО «Газпром» затягивало предусмотренные законодательством сроки рассмотрения заявок независимых организаций на транспортировку газа по ГТС «Газпрома» либо вовсе не принимало по ним решения. Это создавало независимым организациям препятствия в доступе на рынок реализации сетевого газа. При этом в соответствии с законодательством подавать заявки на получение доступа к ГТС не требуется. В результате независимые организации не обеспечивали выполнение договорных обязательств по поставкам газа не по своей вине. В октябре 2004 г. ФАС рассмотрела дело о прекращении «Газпромом» приема газа независимых производителей в газотранспортную систему по признакам нарушения ст. 5 и 6 Закона «О конкуренции». По итогам рассмотрения дела антимонопольным органом было принято решение признать факты нарушения «Газпромом» Закона «О конкуренции» и выдано предписание о прекращении нарушения антимонопольного законодательства. Решение и предписание антимонопольного органа были исполнены.

Злоупотребления доминирующим положением выявляются антимонопольным органом не только на рынке сетевого газа, но и на рынке СУГ. Федеральной антимонопольной службой был проведен анализ причин существенного роста в августе–октябре 2004 г. оптовых и розничных цен на СУГ. Было установлено, что в сентябре 2004 г. оптовые цены на СУГ были повышены раньше отпускных, а процент надбавки к отпускной цене заводов-производителей в этот период существенно увеличился. Рост отпускных и оптовых цен на СУГ существенно превышал показатели роста цен на продукты-заменители (бензин, дизельное топливо) и сырье (нефть, газ природный), а также другие ценовые показатели в отрасли. По результатам проведенного анализа антимонопольным органом было возбуждено дело в отношении группы лиц ОАО «Газпром», ОАО «Газэнергосеть», ОАО «АК «Сибур» и ЗАО «Сибур-Газсервис» по признакам нарушения Закона «О конкуренции» и выдано предписание перечислить в федеральный бюджет доход, полученный в результате нарушения антимонопольного законодательства, в размере 154 млн руб.

Приведенные примеры – частные случаи среди множества аналогичных дел. Очевидно, что для кардинального улучшения ситуации необходи-

мы масштабные меры по развитию конкуренции на рынке газа, среди которых можно назвать

- обеспечение для независимых потребителей и производителей недискриминационного доступа к мощностям и услугам на рынках газа;
- развитие инфраструктуры рынка газа;
- расширение конкурентного сегмента рынка (сбыт газа);
- ограничение распространения ОАО «Газпром» своей рыночной власти на смежные рынки.

Решению данных задач должно способствовать совершенствование организационных основ отношений в области использования газа в качестве топлива. Из отмеченных направлений прежде всего необходимо развивать механизм недискриминационного доступа к услугам по транспортировке газа по газотранспортным и газораспределительным сетям, а также к услугам по технологическому присоединению к газотранспортным и газораспределительным сетям. Для этого в законодательном порядке следует предусмотреть детализацию процедуры оказания услуг по транспортировке газа, закрепление принципов и порядка доступа в условиях ограниченной свободной мощности, порядка приема и учета газа, транспортируемого по газотранспортной системе, принципов экономической балансировки объемов газа в газотранспортной системе, порядка предоставления информации, правил технологического присоединения, а также стандартов раскрытия информации.

Безусловно, отмеченные проблемы необходимо решать на федеральном уровне. Но от того, что принятие соответствующих мер затягивается, страдают в первую очередь регионы. Поэтому до окончательного разрешения назревших вопросов необходимо предпринимать энергичные шаги на региональном уровне, успешность чего и демонстрирует Омская область. А именно, нужно снизить административные барьеры на пути строительства АГЗС, стимулировать инвестиционную активность участников рынка газа, демонополизировать рынок, усилить эффективность антимонопольного контроля в отрасли.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СЕВЕРА РОССИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

А.В. Истомин, В.С. Селин, Е.И. Зайцева

Основными процессами, изменившими экономические и пространственные системы регионов России на протяжении последних 15 лет, стали формирование нового геополитического и экономического пространства, демонтаж административно-плановой экономики и переход к преимущественно рыночным методам хозяйствования, открытие национальной экономики для внешнего рынка. Регионы, создававшиеся и развивавшиеся в нерыночной логике, при помещении их в рыночную среду не смогли соответствовать принципам и масштабу экономических и социальных процессов открытого рынка. Часть субъектов Федерации и городов оказались не в состоянии обеспечивать конкурентоспособность собственного хозяйства. В первую очередь не нашли себя в новой экономике те поселения, которые исторически возникли в связи с решением старых геополитических задач, – центры военно-промышленного комплекса, военные городки, закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), монопрофильные поселения, полностью зависящие от технологии градообразующих предприятий, и др. Однако сырьевые комбинаты, как правило, являющиеся основой монопрофильных поселений Севера, в большинстве своем сумели «вписаться» в рыночную конъюнктуру, особенно в начале XXI в., когда цены на большинство видов сырья выросли. Что касается ЗАТО, то усиленная поддержка со стороны федерального бюджета поставила их в привилегированное положение.

Мурманская область по числу упомянутых образований не имеет аналогов в России, поэтому рассмотрение некоторых тенденций ее социально-экономической динамики будет интересным с позиций общей концепции встраивания регионов в рыночную среду.

Отметим специфику Мурманской области: она полностью расположена на территории Крайнего Севера, на побережье в Арктической зоне Рос-

сии. Про северные территории пишется много и часто, – другой вопрос, что мер по их реальной поддержке практически не принимается. Во всяком случае, дотации из федерального бюджета в расчете на одного жителя республикам Северного Кавказа, или Татарстану, или Башкортостану выделяются в несколько раз большие, чем дотации северным территориям.

Привычно звучит, что Север играет ключевую роль в национальной экономике, с населением около 8% от населения страны формируя до трети ее национального дохода и более половины экспортных поступлений. Однако редко вспоминается, что Север крайне неоднороден, что в него входят как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, занимающие первые места в рейтингах социально-экономического положения, так и Эвенкийский и Корякский автономные округа, находящиеся на последних местах. С этих позиций Мурманская область является, наоборот, достаточно характерной для Севера как по экономическим тенденциям, так и по уровню жизни населения.

Спад промышленного производства в северных регионах происходил более низкими темпами, чем в целом по России. Это объясняется в основном двумя обстоятельствами. Во-первых, в регионах Севера, за исключением Архангельской области, практически отсутствовали крупные предприятия военно-промышленного комплекса, а по ним экономические преобразования ударили наиболее сильно. Во-вторых, в условиях снижения спроса на сырье со стороны ВПК большинство добывающих предприятий сумели переориентироваться на экспорт с его положительной динамикой спроса.

Из данных табл. 1 видно, что максимальный спад производства был пройден Россией в 1998 г., когда объем промышленного производства составил 46% по отношению к уровню 1990 г. На Севере этот показатель был примерно на 10 п.п. выше, т.е. Мурманская область с ее 61% примерно соответствовала среднему уровню. Однако и темпы последующего роста производства были в целом по северным территориям значительно ниже, чем в среднем по стране, и составили в 2004 г. по отношению к 2000 г. около 20%, тогда как в целом по России достигли 30%. При этом необходимо иметь в виду, что население районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей за 15 лет уменьшилось почти на 2 млн чел., или более чем на 15%. В Мурманской области сокращение населения составило 32%, а это значит, что уже в 2003 г. регион превзошел дореформенный уровень промышленного производства в расчете на одного работающего.

Исторически сложившаяся система расселения и территориальная организация хозяйства России предопределили закрепление сырьевой специ-

Таблица 1

**Индексы производства промышленной продукции в субъектах Федерации
Севера России (1990 г. – 100%)**

Субъект РФ	1991	1995	1998	2000	2004
Республика Карелия	95	56	45	60	64
Республика Коми	94	57	52	56	62
Республика Саха (Якутия)	98	75	78	87	90
Архангельская обл.	95	58	57	90	118
Камчатская обл.	92	47	42	38	33
Магаданская обл.	97	61	58	77	78
Мурманская обл.	97	61	61	70	71
Сахалинская обл.	103	58	49	58	60
Корякский АО	93	44	44	54	52
Ненецкий АО	99	77	97	124	215
Таймырский АО	124	64	51	87	128
Ханты-Мансийский АО	89	58	57	67	80
Чукотский АО	92	48	43	44	86
Эвенкийский АО	93	59	25	26	11
Ямало-Ненецкий АО	99	75	73	74	91
В с е г о по России	92	50	46	54	70

ализации страны. Наиболее конкурентоспособными на мировом рынке оказались ее сырьевые зоны. Они «стягивают» на себя проектные мощности, поглощают свободные капиталы, квалифицированную и мобильную рабочую силу. В частности, большинство производственных и инфраструктурных проектов последнего десятилетия нацелены на обеспечение транзитной экономики. Опасно не видеть, что такой отток ресурсов является препятствием для структурных преобразований экономики, для перехода ее к инновационному типу развития. Но еще опаснее заблуждаться по поводу того, что положение могут исправить некие «рыночные механизмы». Необходимо понимать, что в ближайшей перспективе только сырьевые отрасли, сконцентрированные на Севере, могут выступать заказчиками для высокотехнологичных отечественных предприятий металлургии

и машиностроения. Нужно только создать условия и стимулы для расширения внутреннего рынка, для модернизации и реновации отраслей, обеспечивающих сырьевой комплекс и перерабатывающих его продукцию. Для того чтобы повысить комплексность и глубину самой переработки, опять же нужны достижения последнего, пятого, технологического уровня.

К тому же устойчивость и конкурентоспособность отечественной экономики как в настоящее время, так и в период намечаемых структурных преобразований могут быть обеспечены только преимуществами, связанными с относительно невысокими ценами на сырье, причем эти преимущества растут вместе с ростом технологического уровня производства. Обеспечить такую динамику северные регионы смогут при стабильности их социально-экономического положения, поэтому вернемся к показателям этого положения.

Естественно, что такие относительные показатели, как индексы, не говорят об абсолютных размерах дифференциации уровня экономического развития. Можно отметить, что в Ханты-Мансийском автономном округе в 2004 г. ВРП на душу населения достигал 140 тыс. руб., а в Ямало-Ненецком – приближался к 200 тыс. руб. при среднем по стране, равном 60 тыс. руб. При этом в уже упоминавшихся Корякском и Эвенкийском автономных округах ВРП не доходил до 20 тыс. руб. Даже в таких индустриально развитых районах, как Республика Саха (Якутия) и Мурманская область, он составлял немногим более 70 тыс. руб., что, естественно, ставило вопрос о возможности поддержания воспроизводственных процессов и, в первую очередь, уровня жизни населения.

Одним из основных инструментов сглаживания неравномерностей социально-экономического развития территорий выступают межбюджетные отношения. Не вдаваясь здесь в детали их действия и их категории, отметим только, что конечной их целью является выравнивание количества и качества предоставляемых бюджетных услуг, а через заработную плату работников бюджетной сферы – и уровня реальных доходов населения.

Среди важных аспектов межбюджетных отношений – распределение дотаций из фонда финансовой поддержки субъектов Федерации, который образуется в составе федерального бюджета в целях выравнивания их бюджетной обеспеченности. Основной принцип методики распределения заключается в том, что дотации выделяются исходя из уровня расчетной бюджетной обеспеченности путем сопоставления индекса налогового потенциала и индекса бюджетных расходов региона. Чем меньше этот уровень, тем большую долю получит регион из фонда в расчете на каждого

жителя. Распределение дотаций осуществляется в два этапа. При этом объеме средств, необходимый для доведения уровня расчетной бюджетной обеспеченности субъекта до принятого в качестве первого критерия, теоретически гарантируется. На первом этапе этот уровень принимается, как правило, не очень высоким: на 2005 г. – 60%. Но дополнительно устанавливается показатель «степени сокращения» отставания расчетной обеспеченности субъектов Федерации от определенного в качестве первого критерия – 85%. То есть фактически выравнивание осуществляется только до 50% среднего уровня налоговых доходов субъектов Федерации.

На втором этапе бюджетная обеспеченность определяется с учетом дотации, полученной на первом этапе, а в качестве критерия принимается уже 100%. Но проблема заключается в том, что никто не собирается доводить обеспеченность до необходимой величины, т.е. до средней по Федерации. На этом этапе делятся остатки, т.е. разница между общим объемом дотаций из Фонда финансовой поддержки регионов и той суммой, которая была распределена на первом этапе. Следовательно, фактически выравнивание производится до некоторой промежуточной величины, например 70 или даже 60%. По Мурманской области в 2005 г. размер средств, недостающих до среднего уровня, составил 3235 млн руб., а получила область немногим более 1 млрд руб.

Недостаток средств в конечном счете отражается на доходах работников бюджетной сферы и населения региона в целом. А поскольку большинство северных территорий дотационные, то на них такое выравнивание сказывается очень существенно.

Данные табл. 2 показывают, что в подавляющем большинстве северных регионов соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума значительно ниже среднероссийского показателя. Это соотношение можно считать наиболее объективным параметром, так как, с одной стороны, оно учитывает большинство видов доходов всех групп населения, а с другой – отражает цены на товары и услуги, сложившиеся в соответствующем регионе.

Можно отметить, что профильными органами государственной власти методично разрушается ранее действовавшая система государственных гарантий. Существенный вклад в это внес Закон № 122 от 22 августа 2004 г. В частности, он отменил все ранее действовавшие положения Закона «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» в части льготного установления процентных надбавок для молоде-

Таблица 2

Показатели уровня жизни в субъектах Федерации Севера России

Субъект РФ	Соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума	Доля граждан с доходами ниже прожиточного минимума
Ханты-Мансийский АО	4,24	11,8
Ямало-Ненецкий АО	4,88	7,6
Республика Саха (Якутия)	2,39	23,8
Республика Коми	2,35	21,5
Республика Карелия	1,98	20,0
Ненецкий АО	2,22	31,5
Сахалинская обл.	1,71	33,3
Мурманская обл.	1,91	24,5
Чукотский АО	1,85	43,9
Таймырский АО	3,49	31,8
Корякский АО	1,21	47,7
Магаданская обл.	1,91	25,5
Камчатская обл.	1,92	34,4
Архангельская обл.	1,83	27,9
Эвенкийский АО	1,91	68,7
В среднем по РФ	2,39	24,0

жи (лиц, не достигших 30 лет). Несмотря на неоднократные обещания, так и не выплачиваются эти надбавки к стипендиям студентов высших учебных заведений. Таким образом, снижены стимулы для привлечения молодежи в северные регионы и ее закрепления в них.

С другой стороны, несмотря на неоднократные поручения, сделанные на самом высоком уровне, так и не решен вопрос о выплате районных коэффициентов к пенсии лицам, выезжающим из районов Крайнего Севера, что серьезно сдерживает отток этой категории населения. То есть официально провозглашенные принципы миграционной и трудовой политики реализуются «с точностью до наоборот». Этому содействует и крайне неэффективная реализация программы переселения, что будет показано ниже.

Средний размер пенсий, начисленный в этих регионах, с учетом принятых пенсионным законодательством ограничений только на 18% превышает средний размер пенсий по стране. При этом северные регионы на душу населения перечисляют в федеральный пенсионный фонд на 70% больше, т.е. являются донорами этого фонда. В этой связи дискриминация с выплатой коэффициента к пенсиям выезжающих северян не имеет никаких разумных объяснений.

Необходимо отметить, что до настоящего времени так и не решен вопрос об установлении на северных территориях максимальной величины пособий по временной нетрудоспособности и по беременности и родам за счет фонда социального страхования с учетом районных коэффициентов и процентных надбавок. Между тем отчисления в этот фонд предприятий и организаций определяются от общего фонда заработной платы, включающего и коэффициенты, и полярные надбавки.

С точки зрения политики формирования доходов необходимо остановиться на одной особенности уже упоминавшейся методики распределения дотаций из федерального Фонда финансовой поддержки регионов. Теоретически районные коэффициенты и процентные надбавки учитываются в ней при расчете индекса бюджетных расходов. Однако в расчетную формулу зачем-то вводится коэффициент расселения, который определяется исходя из удельного веса населения, проживающего в населенных пунктах с численностью постоянных жителей до 500 чел. Естественно, что высокоурбанизированные северные регионы имеют небольшую величину этого коэффициента, соответственно уменьшаются величина данной составляющей и общий размер дотации. Хотя абсолютно неясно, какое отношение коэффициент расселения имеет к районной дифференциации заработной платы по природно-климатическим условиям.

Можно отметить, что снижение действенности дополнительных выплат к заработной плате обостряет уже упоминавшуюся проблему переселения с Крайнего Севера и оптимизации демографической структуры населения. Необходимо напомнить, что в северных гарантиях районный коэффициент и процентные надбавки традиционно выполняли разные функции. Коэффициенты должны были компенсировать увеличение стоимости воспроизводства рабочей силы и проживания в соответствующих районах, а надбавки – обеспечивать закрепление рабочей силы и формировать так называемый отложенный спрос, необходимый в том числе для создания условий для самостоятельного выезда людей при достижении ими пенсионного возраста из неблагоприятных для проживания мест. Если функция

закрепления рабочей силы в новых условиях потеряла смысл, то функция формирования отложенного спроса даже усилилась по причине социально-экономической целесообразности. Однако фактически в настоящее время процентные надбавки являются дополнением к районным коэффициентам для выполнения компенсационной функции.

Как видно из данных табл. 3, дифференциация заработной платы во многих регионах Севера, по существу, соответствует разнице в величине районных коэффициентов, хотя сама зарплата включает в себя и процентные надбавки. Реальный же ее уровень по отношению к величине прожиточного минимума (графа 6) составляет в 11 регионах из 15, полностью отнесенных к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, менее единицы, что практически лишает подавляющее большинство жителей возможности самостоятельно приобретать жилье в средней полосе России. К тому же Федеральный закон от 25 октября 2002 г. «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним

Таблица 3

Территориальные различия в величине районных коэффициентов и уровня заработной платы

Субъект РФ	Величина районных коэффициентов	Различия в величине прожиточного минимума		Дифференциация заработной платы по отношению к Ставропольск. краю	Отношение гр.5/гр.4
		% к уровню Российской Федерации	% к уровню Ставропольского края		
1	2	3	4	5	6
Ханты-Мансийский АО	1,3; 1,5	151,8	171,5	415,9	2,425
Ямало-Ненецкий АО	1,5; 1,8	150,1	169,5	338,0	1,994
Ненецкий АО	1,5	168,7	190,6	235,1	1,233
Республика Коми	1,2; 1,6	123,7	139,7	128,5	0,920
Мурманская обл.	1,5; 1,7	146,0	164,9	147,5	0,920
Корякский АО	1,5; 2,9	220,7	249,4	190,8	0,765
Камчатская обл.	1,6; 1,8	196,5	221,9	180,1	0,812
Архангельская обл.	1,2; 1,4	120,2	135,8	111,3	0,820

местностей» работает крайне слабо. Только за последние пять лет размер субсидий, предоставляемых из федерального бюджета, в сопоставимых ценах сократился в 2 раза. Растет число пенсионеров, что усиливает нагрузку как на региональные, так и на местные бюджеты, поскольку жизнеобеспечение нетрудоспособных граждан в условиях Севера обходится в 3–4 раза дороже, чем в других регионах страны. При этом стоимость услуг жилищно-коммунального хозяйства на Севере выше в 5–6 раз, а доля транспортных издержек в них доходит до 50% при средней по стране на уровне 10%. В целом состояние программного финансирования этого направления не гарантирует решения вопроса переселения даже в ближайшие 100 лет.

По Мурманской области ежегодно уменьшается выделение средств на эти цели из федерального бюджета при его огромном профиците: в 2003 г. было выделено 59,6 млн руб., в 2004 г. – 54,9 млн, в 2005 г. – 44,7 млн руб. По состоянию на 1 января 2005 г. в очереди на получение жилищных субсидий в связи с выездом из районов Крайнего Севера стояла 28581 семья, а выделенных средств хватило только на 150 семей. При этом неработающее население в северных регионах создает, как минимум, две проблемы. Во-первых, повышенные затраты, связанные с предоставлением льгот и субсидированием коммунальных услуг, ложатся дополнительным бременем на бюджеты. Во-вторых, сама возможность привлечения этой части населения к трудовой деятельности здесь ограничена как структурой производственного комплекса, так и отсутствием условий для индивидуального приложения сил в агросфере.

Для решения рассмотренных проблем представляется необходимым на государственном уровне

- учитывать специфику хозяйственных систем Севера и их роль в обеспечении безопасности страны при разработке концептуальных и программных документов по развитию экономики регионов Российской Федерации;
- откорректировать методические положения, касающиеся межбюджетных отношений, с более полным учетом действующей системы государственных гарантий и компенсаций;
- в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 20 января 2005 г. № 44-р обеспечить выполнение предусмотренных на 2005–2010 гг. мероприятий по оптимизации численности населения, проживающего в районах Крайнего Севера и приравненных

к ним местностях, путем создания условий для закрепления квалифицированных кадров и выезда нетрудоспособных лиц;

- при разработке проекта федерального бюджета на каждый очередной финансовый год предусматривать увеличение объемов финансирования мероприятий по реализации Федерального закона от 25 октября 2002 г. «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в объеме не менее 2,5 млрд руб. с учетом недофинансирования первого этапа (2002–2005 гг.) реализации данного закона.

© Истомин А.В., Селин В.С., Зайцева Е.И., 2006

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ: РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

П.В. Суляндзига

Бесклассовый характер общества коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока наложил отпечаток на уклад их хозяйственной жизни. Система традиционного хозяйства этих народов неразрывно связана с природопользованием на территориях их проживания.

Традиционное хозяйство с большими трудностями входит в систему рыночных отношений. Кризис в отраслях традиционного хозяйства привел к ухудшению социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера России. В последнее десятилетие у них наблюдается сокращение занятости. Около половины трудоспособного населения не имеет постоянного места работы. Денежные доходы коренных народов в 2–3 раза ниже среднероссийского показателя. Абсолютное большинство представителей этих народов живут за чертой бедности. В регионах, где проживают коренные малочисленные народы, наблюдается значительная

экономическая асимметрия развития традиционного хозяйства по сравнению с другими секторами экономики, что приводит к поляризации в обществе, возникновению целого ряда социальных проблем. Кроме того, имеется существенный разрыв в развитии традиционного хозяйства в регионах-донорах и дотационных регионах.

Обеспечение коренным малочисленным народам социального статуса, достойного образа жизни безусловно предполагает исследование проблем сохранения и развития традиционного хозяйства и разработку адаптивной стратегии его интеграции в рыночную систему с учетом региональных особенностей. В системе региональной экономики возможности развития традиционного хозяйства являются ключевыми факторами стабильности существования коренных малочисленных народов Севера, материальной основой сохранения их исконной среды обитания и национальной культуры.

РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАЙОНАХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В РОССИИ

Традиционное хозяйство будет иметь перспективу в том случае, если сможет адаптироваться к внешней среде, вписаться в систему рыночных отношений. Организационно-экономические инструменты и механизмы сохранения и развития традиционного хозяйства разнообразны. Они созданы как государственными структурами различного уровня, так и самими коренными малочисленными народами и их организациями с участием коммерческих и различных некоммерческих отечественных и зарубежных организаций.

Среди имеющихся на сегодняшний день организационно-экономических инструментов сохранения и развития традиционного хозяйства основными, по нашему мнению, являются федеральные и региональные целевые программы, система трансфертов, налоговые льготы, компенсационные соглашения, фандрейзинг, а также структуры институциональной поддержки. Каждый из этих инструментов имеет свои особенности и сферы применения, свои сильные стороны и недостатки.

Использование программ позволяет тщательнее учитывать природно-ресурсные и социально-экономические факторы развития регионов, применять механизмы, обеспечивающие более гибкие сроки реализации программных мероприятий, объективнее проводить экспертизу мероприятий, предлагаемых к осуществлению в местах компактного проживания

коренных малочисленных народов. С другой стороны, разработка и осуществление программ возможны и реальны в районах-донорах. В отношении дотационных регионов разработка программ без соответствующего финансового обеспечения останется простой декларацией необходимости решать социально-экономические проблемы этих народов.

Недостатком региональных программ развития коренных малочисленных народов в регионах-донорах является снижение инициативности непосредственно национальных хозяйствующих субъектов. Осознание того, что их проблемы могут быть решены и без их активного участия, порождает у них определенную пассивность.

Возможность и целесообразность введения льгот по налогообложению на региональном уровне определяются, с одной стороны, возможностями регионального бюджета, а с другой – ролью традиционного хозяйства в региональной экономике. Возможность использования существующих федеральных налоговых льгот связана с организационно-правовыми формами осуществления хозяйственной деятельности у коренных малочисленных народов.

Сохранение и развитие традиционного хозяйства являются фактором стабильности для коренных малочисленных народов и условием устойчивого развития регионов их проживания. Если рассматривать сохранение и развитие традиционного хозяйства как стратегическую задачу, то необходимо учитывать, с одной стороны, постоянно меняющиеся условия внешней экономической и правовой среды хозяйствования и, с другой стороны, внутренние противоречия, слабые и сильные стороны традиционного хозяйства.

Потенциальными сильными сторонами традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера России являются

- высокая компетентность коренных жителей, глубокие традиционные знания;
- экологическая чистота продукции;
- уникальность традиционного хозяйства с культурной и исторической точек зрения;
- общинная организация традиционного хозяйства;
- наличие лидеров-предпринимателей из числа коренных малых народов.

К слабым сторонам следует отнести

- физический и моральный износ основных фондов;

- консервативность технологий;
- сложное финансовое положение;
- неконкурентоспособность продукции из-за больших издержек и не-высокого качества;
- узкий ассортимент продукции, малые объемы ее производства и ре-ализации;
- нехватку квалифицированных кадров, некачественный менеджмент;
- нерегламентированную социальную нагрузку на хозяйствующие субъекты.

Сопоставление сильных и слабых сторон традиционного хозяйства показывает, что несмотря на наличие «активов», «пассивы» выглядят очень мощными, а это явно уменьшает шансы традиционного хозяйства на самостоятельное существование без дополнительной поддержки, без создания специальных инструментов адаптации. Остановимся на отмеченных сильных и слабых сторонах подробнее.

Сложное финансовое положение субъектов традиционного хозяйства проявляется в нехватке оборотных средств, в наличии задолженности бюджету, внебюджетным фондам и другим организациям, в отсутствии доступа к дешевым кредитным ресурсам. Нестабильное финансовое положение хозяйствующих субъектов может в конечном итоге привести их к банкротству, смене собственников или ликвидации.

Продукция традиционного хозяйства неконкурентоспособна на рынке из-за высокого уровня затрат на ее производство и реализацию, а также из-за довольно низкого качества. Преодолеть эти недостатки можно только посредством использования для производства более совершенных основных фондов и современных технологий переработки продукции. Кроме того, важным резервом снижения затрат является поиск разнообразных вариантов оптимизации их транспортной составляющей за счет внедрения логистических схем. Другим нерыночным вариантом решения этой проблемы является дотирование транспортных затрат из средств бюджетов, как это делается в ряде регионов.

Ограниченный ассортимент товаров и услуг, предлагаемых субъектами традиционного хозяйства, не позволяет использовать преимущества диверсификации как стратегического направления хозяйственной деятельности. Расширение производственной программы хозяйствующих субъектов может дать дополнительные возможности для обеспечения их устойчивости. Разнообразная производственная программа позволит также преодолеть сезонность традиционного хозяйства.

Ограниченность объемов производства продукции – недостаток, почти непреодолимый для традиционного хозяйства. Интенсификации традиционного хозяйства препятствуют территориальная разобщенность субъектов хозяйствования и ограниченность природных ресурсов.

Нехватка квалифицированных кадров, в том числе управленческих, является преодолимым недостатком. Если будут созданы стимулы для закрепления в национальных селах получившей образование молодежи из числа коренных малых народов (например, через обеспечение жильем), то проблему можно будет решить. Еще одним направлением решения этой проблемы является повышение образовательного уровня работающих практиков как с помощью обычной системы среднего и высшего образования, так и посредством проведения краткосрочных, но интенсивных курсов по требуемым дисциплинам.

Некачественный менеджмент, отсутствие стратегий развития общин коренных малочисленных народов и национальных предприятий также связаны с невысоким образовательным уровнем у менеджеров субъектов традиционного хозяйства.

В национальных селах хозяйствующие субъекты, как правило, являются градообразующими предприятиями, и на них ложится нерегламентированная социальная нагрузка, выражающаяся в необходимости обеспечения функционирования объектов социальной инфраструктуры, организации снабжения, транспортного обслуживания, поддержки социально незащищенных слоев населения. В таких условиях отделить решение социальных вопросов от решения вопросов экономических достаточно сложно. Поэтому хозяйствующие субъекты вынуждены заниматься не очень доходными, но социально значимыми видами деятельности, что снижает итоговую рентабельность хозяйственной деятельности в целом. Степень такой нагрузки на хозяйствующие субъекты зависит от типа региона. В депрессивных и дотационных регионах она достаточно высока.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Зарубежные страны сформировали развитую систему правовых и организационно-экономических инструментов регулирования социально-экономического развития территорий проживания коренных народов Севера. Благодаря этому создана институциональная и материальная основа сохранения традиционного хозяйства. Протекционизм в отношении традицион-

ного природопользования малочисленных народов – типичное явление для современных развитых государств. По условиям хозяйствования в наибольшей степени для России интересен опыт Канады* и США.

В Канаде договор по земельным требованиям инуитов Нунавута закрепил права коренных жителей на ресурсы земли и недр, и в том числе на ресурсы традиционного природопользования, что позволило реализовать эффективный механизм сохранения традиционного жизнеобеспечения, получить финансовую основу для развития традиционного хозяйства как на некоммерческих, так и на коммерческих началах. Договорные взаимоотношения коренных жителей с государством строятся на следующих принципах:

- денежная компенсация за потерю исторических прав на землю в прошлом;
- право на недро- и землепользование в пределах отведенных территорий, в том числе на долю ренты от добычи полезных ископаемых;
- право на биологические ресурсы на территориях традиционного проживания и на часть функций управления этими ресурсами;
- создание организаций коренных народов для закрепления прав коллективной собственности на землю и биологические ресурсы;
- формирование финансовых институтов, осуществляющих функцию сбережения компенсационных выплат и функцию инвестирования получаемых финансовых средств в проекты развития традиционного хозяйства и социальные программы;
- участие коренных народов в инвестиционном проектировании, участие в переговорах с добывающими компаниями при подготовке оценок воздействия промышленных проектов на окружающую среду;
- право на создание коренными народами особо охраняемых природных территорий;
- равное участие организаций коренных народов в правительстве Нунавута и участие коренных народов в формировании государственных структур, регламентирующих и контролирующих процессы природопользования и регионального экономического развития.

В США принятый в 1971 г. федеральный закон «Об удовлетворении претензий коренного населения Аляски» регламентировал претензии народов Севера в виде системы прав на земельные ресурсы, ресурсы дикой

---

* Подробнее см.: **Абеле Ф.** Канадский опыт улучшения положения коренных народов на рынке труда // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 4.

природы и ресурсы недр вокруг 200 национальных сел штата Аляска. В соответствии с этим законом были созданы многочисленные региональные и сельские корпорации, которые получили права собственности на участки земель и недр. Основные принципы взаимоотношений коренных жителей с государством согласно федеральному закону те же, что и в Канаде.

Коренные народы в США получили компенсационные выплаты за использование их традиционных земель в промышленных целях в прошлом, частично за счет ренты от эксплуатации нефтяных месторождений. Эти народы стали акционерами региональных и сельских корпораций. Отдав права собственности на землю и недра специальным корпорациям, а не традиционным общинным советам, государство отделило вопросы, связанные с экономической реализацией прав собственности на землю и частично на недра, от политических требований народов Севера. Упомянутый федеральный закон не признает существование органов национального самоуправления – традиционных общинных правительств. Претензии на политические права были замещены правами на землю и недропользование. Взамен участия в политических процессах (избирательные кампании, работа в органах государственной власти) коренным народам предоставляется возможность получать экономические выгоды от реализации прав на землю и недропользование.

В Канаде и США организационным механизмом обеспечения устойчивости традиционного природопользования, решения экологических проблем и устранения конфликтов между коренными народами, государством и бизнесом является особый режим совместного управления природными ресурсами. Этот режим обеспечивает согласование интересов государственных ведомств и групп пользователей в отношении конкретного земельного участка, включая определение прав и обязанностей для всех пользователей данного земельного участка; регламентацию действий природопользователей и других заинтересованных участников при различных обстоятельствах; описание процедур принятия коллективных решений, затрагивающих интересы государственных служб, организаций и отдельных пользователей.

Необходимость применения режима соуправления возникает на проблемных территориях при катастрофическом сокращении численности популяций, крайне неравномерном распространении биологических видов, сложном характере экологических проблем, наличии конфликтов между различными группами природопользователей, а также в случае земельного планирования и организации сети особо охраняемых природных территорий. Появление режима соуправления является результатом признания не-

обходимости децентрализации управления природопользованием. В зависимости от специфики возникшей проблемы и сложности ее решения режим соуправления устанавливается по административно-территориальным, экосистемным границам или в пределах территорий традиционного природопользования коренных народов Севера.

Режим соуправления имеет определенные сферы применения. Целесообразность его применения зависит от ряда факторов, главными из которых являются

- высокая доля традиционного жизнеобеспечения в общей системе жизнеобеспечения коренных жителей;
- широкая область распространения традиционного природопользования и наличие проблемных ареалов;
- значительная доля народов Севера в общей численности проживающего на данной территории населения и высокая степень их культурной целостности;
- наличие лидеров из числа коренных народов, отстаивающих необходимость сохранения биологических ресурсов как основы традиционного жизнеобеспечения;
- наличие конфликтов между государственным регулированием ресурсов дикой природы и традиционным природопользованием.

Возможны несколько уровней участия коренных народов в процессе соуправления в зависимости от степени делегирования им полномочий по управлению природными ресурсами.

При низком уровне участия коренных народов в соуправлении контроль за природопользованием и управление им почти полностью осуществляются государственными агентствами. Природопользователи из числа коренных жителей только получают информацию: их информируют о принятых нормах и правилах природопользования.

Средний уровень предусматривает следующие стадии:

1) планируемые государственным агентством изменения в нормировании природопользования (квотировании, лицензировании) обсуждаются с местными жителями, с ними проводятся консультации. Коренных жителей информируют о результатах проведенных на территории их проживания научных исследований, связанных с состоянием ресурсов дикой природы. В свою очередь, коренные жители-природопользователи передают информацию о состоянии ресурсов в государственное природно-ресурсное агентство;

2) традиционные знания коренных жителей и полученная от них информация о состоянии ресурсов данной территории используются при выполнении государственным природно-ресурсным агентством научных и учетных работ и при выработке решений по управлению природопользованием;

3) в составе государственных природно-ресурсных агентств из представителей коренных жителей создаются наблюдательные комитеты с правом совещательного голоса и разработки рекомендаций.

Высокий уровень участия коренных народов в соуправлении предусматривает следующие стадии:

1) ряд функций по управлению природопользованием передается на местный уровень в виде государственного заказа на выполнение конкретных природоохранных и учетных работ определенной группой коренных жителей;

2) в составе государственных природно-ресурсных агентств создаются специальные организационные структуры с участием коренных жителей – советы по управлению, которые являются реальным механизмом разделения полномочий при принятии решений в сфере природопользования. В советах по управлению равное представительство сотрудников государственных агентств и коренных жителей. Таким образом, местные жители активно вовлекаются в разработку ресурсной политики и принятие решений;

3) в рамках советов по управлению заключаются отдельные соглашения, которые формализуют права и обязанности каждой группы в управлении ресурсами. Эти соглашения предполагают равные взаимоотношения между государством и пользователями и обязательное совместное принятие решений;

4) осуществляется передача коренным жителям всех полномочий по управлению (включая контроль) немигрирующими биологическими видами данной территории и равноправное разделение с государственным агентством полномочий по управлению мигрирующими видами.

Важными механизмами сохранения и развития традиционного хозяйства и социальной поддержки коренных народов в США и Канаде являются государственные федеральные и региональные программы, а также экономические соглашения с добывающими компаниями, работающими на территории проживания коренных народов.

Государственные программы поддержки коренных жителей и традиционного хозяйства являются элементом системы бюджетного федерализма и по сути представляют собой трансфертные программы. Они предусматривают

- оказание коренным жителям адресной помощи в зависимости от дохода, возраста, статуса;
- создание для коренных жителей новых рабочих мест в федеральных и региональных службах;
- поддержку малого бизнеса коренных жителей в виде субсидий на покрытие издержек производства, дотаций к цене и др.;
- компенсацию коренным жителям высоких цен на товары и услуги.

Основное назначение этих программ – сглаживание разрывов в бюджетной обеспеченности между разными категориями населения и между разными регионами.

Экономические соглашения между добывающими компаниями и организациями коренных жителей в основном включают в себя

- программы занятости коренных народов Севера, предоставляющие коренным жителям возможность работать в добывающей компании и при желании сочетать эту работу с традиционной деятельностью;
- образовательные программы, в рамках которых ведется подготовка коренных жителей для работы в добывающей компании, осуществляется содействие обучению молодежи их числа коренных жителей в вузах (включая выплату стипендий);
- компенсационные программы, возмещающие ущерб традиционным промыслам и биологическим ресурсам от деятельности добывающей компании;
- программы развития малого бизнеса у коренных жителей;
- программы социальной и культурной поддержки, в рамках которых финансируются строительство, ремонт и эксплуатация объектов социальной инфраструктуры, реализация проектов в сфере образования и культуры в национальных селах.

Финансовые инструменты сохранения и развития традиционного хозяйства – это институты, финансирующие социальные программы для коренных народов Севера и экономические программы по сохранению и развитию традиционного хозяйства. К ним относятся траст-фонды, фонды поддержки отраслей традиционной экономики, образовательных программ, пенсионного обеспечения, сберегательный фонд, фонд развития, фонд «круговой поруки», фонд самофинансирования.

Траст-фонд является, с одной стороны, инструментом сбережения целевых средств, выделенных коренным народам или полученных ими,

а с другой стороны, механизмом финансирования различных программ, реализуемых в национальных селах Канады. Начальный капитал фонда формируется из бюджетных средств государства или из прибыли от реализации хозяйственных проектов на территории действия фонда. Существуют две основные стратегии фонда: консервативная – стратегия сбережения и активная – стратегия инвестирования.

Из *фонда поддержки отраслей традиционной экономики* финансируются проекты по развитию оленеводства, охотничьего, морского зверобойного и рыбного промыслов. Основное целевое назначение этих средств – покупка основных фондов, необходимых для отраслей традиционного хозяйства (снегоходов, лодок, моторов и т.д.), а также приобретение оборотных средств (горюче-смазочных материалов и др.).

Фонд образовательных программ финансирует образование будущих предпринимателей и менеджеров из числа коренных народов, предоставляет им стипендии, компенсирует основные транспортные расходы, связанные с организацией обучения.

Фонд пенсионного обеспечения осуществляет ежегодную выплату дивидендов всем жителям национальных сел старше 65 лет.

Сберегательный фонд помещает средства в надежные ценные бумаги (низкорисковые акции и облигации) и объекты недвижимости. Все доходы по активам сберегательного фонда ежегодно реинвестируются. Через 15 лет от одной трети до одной второй ежегодных доходов выплачивается местным жителям в виде дивидендов фонда, а оставшаяся часть доходов снова реинвестируется для защиты капитала фонда от инфляции.

Фонд развития предоставляет займы и инвестиционные ресурсы для финансирования важнейших проектов перерабатывающего и инфраструктурного профилей (строительство рыбозаводов, цехов переработки оленины, местных дорог и др.). На это направление идет около 10% основного капитала фонда развития. Остальная часть средств размещается на депозитах в местных банках, и за их счет финансируются программы инфраструктурной поддержки бизнеса. Постепенно источниками финансирования большинства проектов становятся собственные доходы, а не первоначальный капитал фонда. Часть доходов поступает в региональную или местную корпорацию, с которой фонд тесно связан, и реинвестируется в основной капитал корпорации.

Начальный капитал *фонда «круговой поруки»* формируется из бюджетных средств государства или из средств коммерческих банков, выдан-

ных под государственные гарантии. Принципы управления фондом «круповой поруки» схожи с принципами управления кредитными союзами. Управление фонда осуществляется несколькими группами предпринимателей. В каждой группе как минимум двое участников уже имеют достаточный опыт предпринимательства, более половины участников составляют женщины как группа, в меньшей степени склонная к риску в операциях. Каждая группа сама избирает своего председателя и определяет первых двух получателей кредита.

Сроки кредитования, как правило, составляют 3, 6 или 12 месяцев, ставка кредита устанавливается фиксированной, проценты выплачиваются раз в две недели. При просрочке платежей должник обязан заплатить штраф в размере 3% от непогашенной суммы; срок возврата непогашенной суммы может быть продлен до 12 месяцев. В случае неплатежеспособности заемщика все другие члены его группы несут ответственность по его кредитным обязательствам и погашают их. Представители группы не могут взять новый кредит, если кто-либо в группе нарушил срок погашения кредита. Штрафной срок прекращения кредитования длится два месяца, затем в случае своевременных выплат по двум первым кредитам право на кредит предоставляется следующей паре предпринимателей из группы. Предприниматель имеет право получать большую сумму кредита с каждым новым «кругом» процедуры кредитования.

Одно из важных преимуществ фонда – низкие затраты на обслуживание кредитов. По сути, фонд является самоуправляемым институтом: группы заемщиков самостоятельно осуществляют кредитную политику.

Фонд самофинансирования создается при региональной корпорации развития или национальном предприятии с целью получения ими возможности финансовой самостоятельности и большей независимости от консервативных банковских структур. Первоначальный капитал фонда формируется федеральным правительством, общественными и частными организациями. Главная особенность деятельности фонда самофинансирования – переход к автономности, т.е. создание в перспективе собственных финансовых источников. Для этого применяется стратегия диверсификации кредитной деятельности фонда: привлекается множество надежных клиентов-заемщиков, рассматривается значительное число высокоприбыльных проектов, отбираемых для кредитования на жесткой конкурсной основе (один проект из десяти получает кредит). Важным фактором эффективности работы фонда является сокращение текущих издержек управле-

ния им. В ряде случаев для экономии текущих затрат к управлению фондом привлекаются квалифицированные добровольцы. Число предоставленных кредитов должно быть достаточным, для того чтобы гарантировать возврат денег и компенсировать текущие издержки по управлению фондом.

Фонд предоставляет небольшие краткосрочные займы (сроком до одного-пяти лет) под перспективные проекты. Процентная ставка за кредит устанавливается ниже рыночной. Для удобства предпринимателей из числа коренных народов выплаты основного долга, осуществляемые ежемесячно, минимальны, срок погашения кредита может быть пролонгирован. Фонд может финансировать проекты на долевых началах с частными кредиторами, которых он привлекает выгодными для них условиями софинансирования – предоставлением заемщику большей части необходимых кредитных средств и, соответственно, принятием большей доли риска на себя.

Сопоставление организационно-экономических инструментов взаимодействия государства, бизнеса и коренных народов, которые применяются

Организационно-экономические механизмы взаимодействия государства, бизнеса и коренных народов в странах в Северной Америки и России

Типы механизмов	Северная Америка	Россия
Системы совместного управления природными ресурсами	Применение в недропользовании и управлении ресурсами животного мира	Существует только право участия в экологической экспертизе проектов
Государственные программы социальной поддержки	Федерального значения	Федерального и регионального значения
Частные программы социальной поддержки	Разнообразные программы добывающих компаний	Единичные программы в некоторых регионах (Сахалинская область – «Сахалинская энергия», Приморский край – «Тернейлес», Ненецкий АО – «Лукойл»)
Экономические соглашения	Разнообразные соглашения с добывающими компаниями	В некоторых регионах (Ханты-Мансийский АО, Ненецкий АО) – с компаниями нефтегазового сектора
Специальные финансовые институты	Траст-фонды, фонды «круговой поруки», фонды самофинансирования и др.	Фонды создавались в ряде регионов, часть из них ликвидирована из-за нецелевого использования средств (Ханты-Мансийский АО)

в Североамериканских странах и России, приведено в таблице. Нецелесообразно и некорректно автоматически переносить на российскую почву опыт зарубежных государств в области создания организационно-экономических механизмов социально-экономического развития территорий проживания коренных народов. У России своя история взаимоотношений коренных малочисленных народов и государства, свой путь перехода к системе рыночного регулирования и своя система правового регулирования, в частности в сфере прав собственности на природные ресурсы и на землю, своя специфика условий развития, приведшая к значительной дифференциации социально-экономического состояния регионов. Вместе с тем зарубежный опыт, и в частности отдельные его элементы, такие как заключение экономических соглашений, создание корпораций общин и др., можно использовать (а в некоторых регионах такие элементы уже используются) при разработке мероприятий по управлению социально-экономическим развитием территорий проживания коренных народов Севера.

* * *

Безболезненных форм адаптации коренных малочисленных народов России, их традиционного хозяйства к рыночным реалиям не существует. Жертвы в процессе этой адаптации неизбежны, но Российское государство, руководствуясь высокими гуманистическими ценностями, придерживаясь современных международных конвенций, опираясь на научные и проверенные опытом рекомендации, должно сделать все необходимое, чтобы свести потери к минимуму.

Фундаментальный вопрос сводится к тому, что необходимо создать экономические и институциональные условия, при которых уникальные богатства, находящиеся в недрах на исконных территориях проживания коренных народов, не приведут к полной деградации, строго говоря, владельцев этих богатств. Ответственность за решение этого вопроса лежит прежде всего на государстве, а также на крупных нефтегазовых компаниях.

© Суляндзига П.В., 2006

ВОЗМОЖНОСТИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРА

С.П. Быстрицкий, А.Б. Ермолин, В.К. Заусаев

Северные регионы России различаются по биоклиматическим, социальным, экономическим и другим условиям развития. Общепризнанные принципы устойчивого развития требуют уточнений и детализации применительно к своеобразию регионов. Так, в Хабаровском крае даже близко расположенные районы Охотского побережья – Тугуро-Чумиканский, Аяно-Майский и Охотский имеют разные исходные условия и, следовательно, разные направления устойчивого развития.

В наиболее сложном положении находится Тугуро-Чумиканский район. Его своеобразие определяется следующими моментами:

- суровые природно-климатические условия и их неблагоприятное воздействие на человека. Даже в местах с наиболее мягкими условиями для человека с европейским генотипом проживание здесь в течение длительного времени опасно для здоровья;
- специфический этнический состав населения. Более половины численности наличного населения составляют коренные малочисленные народы Севера. Они исторически здесь проживали и в других местах России в принципе жить не могут;
- очаговый характер расселения коренных малочисленных народов;
- острота социальных проблем. Важнейшими из них являются разбалансированность трудовых, естественно-потребительских и нравственно-духовных ценностей населения, крайняя бедность, низкий уровень общего и профессионального образования, короткий срок жизни, алкоголизация и пауперизация части населения, низкие потребности у людей, что не способствует стремлению искать работу и трудиться;
- низкий уровень развития производства, что не гарантирует полную занятость, не обеспечивает необходимыми доходами население и местный бюджет;
- отсутствие постоянных и надежных путей сообщения между населенными пунктами района с наиболее развитой южной частью Ха-

баровского края, что затрудняет общественную кооперацию труда, угнетает бизнес, человека и власть;

- неразвитость гражданского общества и его институтов, формальное участие населения в решении основных проблем региона, наличие противоречий между пришлым населением и коренными малочисленными народами, дискриминационные тенденции в отношении этих народов, отсутствие механизмов организации диалога власти с населением и бизнесом.

Главным фактором неустойчивости развития Тугуро-Чумиканского района является низкий социальный и экономический уровень. Немногочисленное пришлое население особенно интенсивно начало сокращаться с 1992 г., что привело к значительным отрицательным последствиям в отношении трудового потенциала. Продолжительность жизни составила у женщин 51 год, у мужчин – 42 года, что соответственно на 19 и 15 лет меньше, чем в среднем по Хабаровскому краю.

В результате длительной экономической стагнации сформировался специфический маргинальный тип населения с пониженными и даже искаженными ценностными ориентациями. Поэтому уровень алкоголизации населения чрезвычайно высокий, особенно в местах проживания коренных малочисленных народов Севера. По материалам медицинской статистики, только 53% случаев смерти населения объясняются медицинскими причинами (по болезни), а 47% обусловлены социальными факторами.

Изменения в природно-ресурсном потенциале Тугуро-Чумиканского района привели к сокращению объемов добычи рыбы, диких животных, ягод на протяжении жизни двух поколений населения примерно в 3 раза. К этому имело и имеет отношение также проживающее в районе население, которое продолжает интенсивно уничтожать эти виды природных ресурсов. Уменьшилась материально-техническая база и снизились возможности получения работы на основе старой ресурсно-собираательной концепции развития производства. Новой же концепции для района никто не предложил. Лишь некоторые ее элементы просматриваются в работе отдельных предприятий, осуществляющих стратегию углубления переработки сырья и вовлечения в оборот нетрадиционных для района ресурсов, в том числе леса и золота.

Слабая экономика района, низкая степень занятости местных жителей, нерегулярность получения доходов в сфере самозанятости предопределили обнищание населения. Многие семьи живут на детские пособия.

Но бедность населения – не самое страшное в социальной характеристике Тугуро-Чумиканского района. Более серьезной проблемой являются низкий уровень общего образования населения и отсутствие профессиональной подготовки у молодежи. Многие молодые люди остаются без среднего и начального профессионального образования и не хотят его иметь. Современная семья и у коренного, и у пришлого населения уже не является здесь тем общественным элементом, который может воспитывать ребенка в качестве полноценной личности. Поэтому и экономические проблемы района в значительной мере определяются неспособностью населения осуществлять самовоспроизводство. Причины кроются не только во внешних обстоятельствах, но и во внутреннем состоянии, маргинальности части местных жителей, в понижении потребностей, из-за чего человек не включает свои дополнительные силы для достижения поставленных целей, в том числе для обеспечения образования и профессиональной подготовки своим детям. Вследствие же отсутствия у населения должного образования в районе не может сформироваться и необходимое производство.

При наличии большой доли безработных в Тугуро-Чумиканском районе наблюдается дефицит кадров: не хватает руководителей предприятий, бухгалтеров, инженеров, квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Особенно большие трудности испытывают предприятия рыбной промышленности, которые на локальных рынках труда встречают конкуренцию со стороны личного подсобного хозяйства и теневой занятости. Последняя представлена в районе рыбодобычей, которая в период путины «оттягивает» на себя значительную часть его населения. Ряд предприятий на период путины завозят рабочую силу из других районов Хабаровского края.

Наличные ресурсы и «простое» производство не обеспечивали в прошлом и не обеспечивают сегодня нормальных условий жизнедеятельности для населения района. Значительная часть трудоспособного населения оказалась лишней, и в соответствии с законами рыночной экономики эти люди должны были отсюда уехать. Однако они не могут этого сделать: одни по экономическим причинам, другие – по социальным. Чтобы выжить, люди беспощадно эксплуатируют природные ресурсы, не платят налогов, они не воспроизводят себя как население и как рабочую силу. Тем самым подрывается основа будущего благополучия человека, сообщества людей, региона. Государство вынуждено содержать значительную часть общественного сектора за счет ресурсов, перераспределенных из других регионов. Население привыкает к подобному образу жизни и поддерживает свою маргинальность.

Экономические проблемы Тугуро-Чумиканского района тесно сопряжены с социальными. В таких локальных социоэкономических структурах требуется особая экономика, которая должна организовывать производство товаров и воспроизводство населения. И если в других условиях за «производство» человека отвечают сам человек и его семья, а государство обеспечивает функционирование социальной инфраструктуры, то для данного района этого недостаточно.

Предпринимавшиеся на протяжении всего прошлого века попытки решения проблемы коренных малочисленных народов имели успех только вначале, когда государство осуществляло программное массированное воздействие на все стороны жизни этих народов, отдавая приоритет образованию, культуре, медицинскому обслуживанию, улучшению быта. Впоследствии, когда эти приоритеты ослабли и акценты были сделаны на производственной сфере, социальные проблемы коренных малочисленных народов стали обостряться, достигнув своего пика к настоящему времени. Ряд исследователей считают, что главная ошибка во взаимоотношениях государства и коренных малочисленных народов заключается в том, что государство отошло от политики патернализма, соответствующей фундаментальной потребности этих народов иметь «старшего брата», берущего на себя ответственность и отвечающего за благополучие и развитие соответствующих национальных общин и конкретных лиц. Такие отношения на высоком уровне поддерживались до 40-х годов, на более низком уровне они сохранялись вплоть до 80-х годов, а в настоящее время полностью разрушились. Между тем без восстановления в значительной мере политики патернализма проблему социального развития коренных малочисленных народов, как, впрочем, и других групп люмпенизированного населения, по-видимому, не решить.

Однако новое время требует нового решения указанной проблемы. Очевидно, что восстановление патернализма невозможно на старой основе, т.е. невозможен возврат к старым формам. Патернализм должен соответствовать новым условиям, в которых ведущими звеньями выступают производственные структуры, гражданское общество, местное самоуправление, социально ориентированное государство. Анализ развития Тугуро-Чумиканского района свидетельствует, что происходящие в нем социально-экономические процессы носят преимущественно негативный характер. Ни о каких предпосылках устойчивого развития не может быть и речи. Для начала движения в этом направлении потребуются длительные преобразования, в ходе которых большинство показателей социально-экономического развития должны приобрести динамику положительного роста. Следова-

тельно, концепция устойчивого развития не может сегодня всецело определяться только внутренними возможностями, факторами и силами. При ослабленных внешних связях район остается открытой структурой, на которую значительное влияние оказывают связи и отношения с другими территориями Хабаровского края и другими регионами страны. Более того, внешние факторы развития в определенный момент могут превалировать над внутренними, что характеризует систему как неустойчивую, находящуюся в процессе качественного преобразования¹. Сегодня именно такое состояние наблюдается в Тугуро-Чумиканском районе. Его бюджет на 81,2% формируется за счет перераспределения краевых средств, и только благодаря им деградационные процессы в сферах производства товаров и услуг, воспроизводства человека, формирования у населения нравственно-духовных ценностей не приняли необратимого характера.

Принято считать, что главным звеном качественных преобразований социально-экономических систем любого уровня являются переоценка их ценностных ориентаций и переосмысление целей. Это необходимо и для формирования стратегии устойчивого развития Тугуро-Чумиканского района. Она может и должна быть двухэтапной. На первом этапе с учетом остроты социально-экономических проблем района надо ставить и решать проблемы социально-экономического характера, и прежде всего проблему бедности и нищеты основной части местного населения. Первоочередная цель здесь – это повышение благосостояния населения района. Надо вырвать его из нищеты, уменьшить различия с другими районами Хабаровского края в уровне и качестве жизни по основным параметрам. Только после этого можно ставить задачу перехода района к стратегии устойчивого развития за счет формирования эффективного хозяйственного комплекса, способного обеспечить покрытие ресурсов местных бюджетов и удовлетворение социальных потребностей населения если не полностью, то в значительной мере.

Внешние составляющие цели стратегии устойчивого развития Тугуро-Чумиканского района должны быть связаны с участием в решении задач Дальнего Востока и Российской Федерации. Региональный аспект обусловлен стратегической необходимостью закрепления на Дальнем Востоке значительных контингентов постоянного населения, которое надежнее любой армии закрепляет земли и территории за государством. Федеральный аспект определяется международными обязательствами Российской

---

¹ См.: Заусаев В.К., Леденев М.И., Быстрицкий С.П. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока в условиях формирования рыночных отношений. – Хабаровск: Приамур. геогр. о-во, 1999.

Федерации по содействию развитию коренных малочисленных народов, к которым относится половина населения Тугуро-Чумиканского района.

Таким образом, в связи со специфическим составом населения и внутренняя, и внешняя составляющие цели перехода Тугуро-Чумиканского района к устойчивому развитию в наибольшей мере сопрягаются с решением задач повышения уровня жизни и увеличения численности коренных малых народов. Поскольку эти народы являются преимущественно постоянным населением, это автоматически увеличивает численность его ядра и обеспечивает району статус хотя и северной, но обживаемой постоянным населением территории. Одновременно выполняются обязательства России перед мировым сообществом по сохранению коренных малочисленных народов и поддержке их развития.

Что касается проблем развития коренных малочисленных народов, проживающих в Тугуро-Чумиканском районе, то стратегия устойчивого развития здесь определяется как экономическое обеспечение условий сохранения и развития населения, относимого к малой этнической группе – эвенкам. Отягощающими условиями их существования являются отход от традиционного способа жизнедеятельности и отторжение населением предлагаемых норм и способов участия в нетрадиционном общественном производстве, основанном на механизированном, разделенном, регламентированном инструкциями и правилами труде.

Более успешное решение проблем коренных малочисленных народов в других странах (Норвегии, Швеции, Финляндии, США и др.) основывается на урегулировании земельных отношений государства с представителями этих народов, на сочетании современных и традиционных видов деятельности, ориентированных на обеспечение прожиточного минимума. Подобная политика не вселяет оптимизм. Чаще всего она сводится не к обеспечению устойчивого развития территорий компактного проживания коренных малочисленных народов, а к передаче местными жителями прав на эксплуатацию их земель и ресурсов. Худшим вариантом, который реализуется не только в России, являются безразличие государства к проблемам аборигенного населения и отсутствие регулирования соответствующих процессов.

В мировой науке сформулированы основные положения относительно развития взаимоотношений государства и коренных малочисленных народов. Они сводятся к следующему²:

---

² См.: **Моисеев Р.С.** Дальний Восток: геополитические проблемы региональной стратегии развития. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КИЭП ДВО РАН, 1998.

- состояние общественного развития коренных малочисленных народов оценивается как крайне неудовлетворительное и требующее со стороны государства специальных мер по жизнеобеспечению, сохранению среды обитания, помощи в переходе к более передовым типам хозяйствования;
- эффективное взаимодействие с государством возможно только в форме сотрудничества;
- коренные народы нуждаются в предоставлении им в собственность земель;
- государство имеет право определять формы, методы и средства обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов, оставляя за собой право собственности на нетрадиционные природные ресурсы при предоставляемых этим народам компенсациях.

Однако соотнесение данных положений с условиями Тугуро-Чумиканского района показывает, что они не могут быть реализованы в полной мере из-за его специфики. Безусловно применимо лишь первое положение: району требуется специальная государственная поддержка, без которой проблему устойчивого развития не решить. Помощь в переходе к более передовым типам хозяйствования означает отказ от чистого «традиционализма», включение в систему хозяйства района тех направлений деятельности и форм организации, которые в наибольшей мере принимаются населением. Важно при этом подчеркнуть, что нет никаких оснований поддерживать прежние формы жизнедеятельности, ведущие назад к примитивным формам производства.

Второе направление – смягчение последствий перехода к рынку, который у коренных малочисленных народов осуществляется медленно и с трудом. Развитие взаимоотношений государства и малой этнической группы при решении проблем развития коренных малочисленных народов в форме сотрудничества в условиях Тугуро-Чумиканского района также не приведет к конструктивным результатам: здесь отсутствуют внутренние силы саморазвития, наблюдаются деградиционные явления в составе населения и его культуре, массовые проявления антисоциального поведения, нежелание участвовать в общественном труде. Для того чтобы упомянутое сотрудничество стало возможным, в районе должно быть сформировано гражданское общество или его элементы. А пока здесь есть люди, есть производственные и общественные организации, есть власть, но нет гражданского общества. До того как оно будет создано и укреплено, основным прин-

ципом государственной политики в отношении района должен быть патернализм. Нужно отметить, что этот принцип применим не только к коренным малочисленным народам, но и к постоянному населению, представляющему другие этнические группы, например к русскому населению. Эта часть населения в значительной мере качественно не отличается от аборигенов и также уже нигде не может проживать, кроме как в Тугуро-Чумиканском районе. Для выезда и проживания в других регионах Дальнего Востока и России у этих людей там нет родственников, нет у них и необходимой профессиональной подготовки, соответствующего образования, денежных средств для проезда и закрепления на новом месте. Жизненный опыт их также достаточно узок, возможности получить на месте высокую квалификацию ограничены. Важное место в жизни каждого взрослого человека этой категории населения занимает индивидуальная трудовая деятельность, и прежде всего браконьерское рыболовство.

Состав жителей района позволяет рекомендовать создание специальной зоны «Тугуро-Чумиканский район», имеющей статус национального района, с включением в нее всего постоянно проживающего населения. Это позволяет использовать особые способы организации социохозяйственной системы и управления ею и обеспечить формирование более однородной этнической структуры населения. Различия между этническими группами будут сохраняться только на уровне развития отдельных элементов их национальной культуры.

Принципиально важным моментом являются отношения собственности на землю. Очевидно, что в Тугуро-Чумиканском районе земля в качестве «кормящего ландшафта» не обладает необходимой производительностью и не может обеспечить жизненными ресурсами даже аборигенное население. Кроме того, в районе уже нет того населения, которое могло бы полностью использовать потенциал оленьих пастбищ и охотничьих угодий. Поэтому вопрос о собственности на землю в этих условиях трансформируется в проблему ресурсного обеспечения социально-экономического развития района.

В действующей системе управления природными ресурсами последние поделены между собственниками, а функции управления их использованием рассредоточены по огромному количеству министерств и ведомств России. Администрация и другие организации Тугуро-Чумиканского района, как и всех районов Хабаровского края, имеют незначительные возможности в плане управления природными ресурсами. Поэтому для реализации стратегии устойчивого развития национальный район должен обла-

дать особыми правами в отношении деятельности и использования ресурсов на своей территории и в прилегающих акваториях. Вопрос о привязке национальных общин к сугубо традиционным видам деятельности, что закреплено в действующем законодательстве Хабаровского края, является анахронизмом и не вытекает из анализа и понимания нового состояния, в котором находятся большинство коренных малочисленных народов.

Ресурсов традиционного природопользования недостаточно для решения экономических и социальных проблем коренных малочисленных народов. В сферу особого пользования в Тугуро-Чумиканском районе должны войти земли, лес и его ресурсы, недра, объекты охотничьего промысла и спортивной охоты, биологические объекты рек и прилегающих морских заливов, водные ресурсы поверхностных водотоков и подземных месторождений, объекты рекреации и туризма. И хотя государство оставляет за собой право собственности на недра, в национальных районах это право должно быть ограничено. Использование же ресурсов, расположенных в национальном районе, для решения других государственных задач должно, во-первых, опираться на согласие жителей района на такие действия и, во-вторых, сопровождаться солидными компенсациями.

Сегодня выявлены по крайней мере три направления экономического развития Тугуро-Чумиканского района, которые могут дать если не всплеск, то, во всяком случае, увеличение производства в относительно недалекой перспективе (пять-шесть лет). Такими направлениями являются более полное использование биологических ресурсов прилегающих акваторий Охотского моря, увеличение добычи золота и развитие лесозаготовок.

Несмотря на то что рыбная промышленность и в прошлом была главной отраслью экономики района, возможности ее количественного и качественного роста далеко не исчерпаны. Это касается лосося, нерестовой сельди, краба, тюленя, белухи, морской капусты. Главная задача здесь – организация эффективного предпринимательства, которое за счет высокоприбыльных продуктов будет увеличивать общие масштабы производства и, тем самым, величину налогов, поступающих в различные бюджеты.

Второе направление развития экономики района связано с увеличением добычи золота. Для этого есть предпосылки, и только их реализация позволит обеспечить современный уровень налогооблагаемой базы района.

Развитие лесозаготовок – вполне реальная перспектива в отношении существенного роста производства в районе: возможно получать до 450–500 тыс. куб. м деловой древесины в год.

Использование названных традиционных и нетрадиционных ресурсов для социально-экономического развития Тугуро-Чумиканского района предполагает не только наделение ими местных предприятий, но и широкое привлечение бизнеса из других городов и районов Хабаровского края. Это позволит Тугуро-Чумиканскому району решать множество важных задач устойчивого развития: осуществлять диверсификацию производства, привлекать высококвалифицированных специалистов, повышать квалификацию местных кадров.

Общее исходное положение относительно развития трудового потенциала района заключается в том, что на собственной населенческой базе при любых внешних инвестициях район не сможет сегодня перейти к стратегии устойчивого развития. Достаточно длительный срок он должен будет ориентироваться на предприятия и организации, использующие временную рабочую силу. Задачами такого типа структур и производств должно быть не только быстрое пополнение бюджета района, но и создание условий для профессиональной и квалификационной подготовки (и переподготовки) местного населения. Без развития производства, ориентированного на местный труд, ни о каком устойчивом развитии района говорить нельзя.

Стратегия устойчивого развития Тугуро-Чумиканского района в рамках старой системы отношений, когда национальные районы были брошены на произвол рыночных сил, в принципе неосуществима. Требуется поставить новую инновационную задачу организационно-экономического типа с учетом местных особенностей района, что позволило бы если не решить ее до конца, то хотя бы существенно продвинуться по пути ее решения.

Таким образом, цели перехода Тугуро-Чумиканского района к стратегии устойчивого развития на первом этапе могут быть сформулированы следующим образом:

- вывод района из депрессивного состояния, обеспечение роста уровня и качества жизни населения (до среднего по субъекту Федерации) на основе усиления государственной поддержки и повышения деловой активности бизнеса;
- формирование новых структур управления, обеспечивающих оптимизацию взаимоотношений государства и населения, развитие институтов гражданского общества и их активную деятельность;
- подготовка правовой базы для коренной реконструкции системы экономических отношений с последующим созданием специаль-

ной экономической зоны «Тугуро-Чумиканский национальный район».

На втором этапе необходимы

- формирование и запуск правовых, институциональных и организационных механизмов специальной экономической зоны «Тугуро-Чумиканский национальный район»;
- совершенствование экономической структуры района, развитие нетрадиционных отраслей и предприятий;
- преобразование социальной инфраструктуры и повышение качества жизни; обеспечение полного цикла расширенного воспроизводства человека, включая получение им среднего и профессионального образования;
- переход на стратегию устойчивого развития, обеспечивающую более высокие рост социально-экономического потенциала района, уровень и качество жизни населения, рост общей его численности.

В мировой истории нередки случаи, когда отдельные регионы деградируют в социально-экономическом плане в связи с исчерпанием используемых эффективных ресурсов. При этом если не найдены и не реализованы альтернативные факторы экономического развития, население постепенно покидает такие регионы, что является нормальным поведением рыночно ориентированного человека в рыночных условиях. В отношении Тугуро-Чумиканского района можно утверждать, что население само по себе (без мер государственной поддержки) отсюда никуда не уедет (и этого не нужно), что оно будет сокращать свои потребности, будет нищенствовать и пьянствовать, укорачивая свою жизнь. Поэтому ключевым моментом программы социально-экономического развития района является ее направленность на решение социальных проблем, прежде всего на повышение действительных потребностей постоянного населения. Рост действительных, развивающих человека потребностей вызывает у него желание работать, учиться, повышать квалификацию, вступать в производственные связи. Это длительный путь нового социального развития, но иначе проблему обеспечения устойчивости развития многих районов проживания коренных малочисленных народов Севера решить невозможно.

НАШИ АВТОРЫ

Суспицын Сергей Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН, Новосибирск, susp@ieie.nsc.ru

Селиверстов Вячеслав Евгеньевич, кандидат экономических наук, заместитель директора ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, sel@ieie.nsc.ru

Ершов Юрий Семенович, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Ибрагимов Наимжон Мулабоевич, кандидат экономических наук, старший преподаватель, заместитель декана экономического факультета Новосибирского государственного университета, Новосибирск

Мельникова Лариса Викторовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск,

Михеева Надежда Николаевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, mikheeva@ecrin.ru

Важенина Ирина Святославовна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики (ИЭ) УрО РАН, Екатеринбург, isvazhenina@mail.ru

Важенин Сергей Григорьевич, кандидат экономических наук, заведующий отделом ИЭ УрО РАН, Екатеринбург, svazhenin@mail.ru

Головина Светлана Георгиевна, кандидат экономических наук, доцент, проректор Курганской государственной академии им. Т.С. Мальцева, Курганская обл., Кетовский район, golovinasg@ksaa.kurgan.ru

Суслов Никита Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Суслов Виктор Иванович, член-корреспондент РАН, профессор, заместитель директора ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, suslov@ieie.nsc.ru

---

Фомин Дмитрий Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Костилов Константин Константинович, директор государственного унитарного предприятия Новосибирской области «Областной земельный фонд», Новосибирск

Воронов Юрий Петрович, кандидат экономических наук, заместитель председателя Новосибирской торгово-промышленной палаты, Новосибирск

Дворянов Алексей Александрович, ассистент Университета Аугсбург, Германия, alexei.dvorianov@gmail.com

Калугина Земфира Ивановна, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, zima@ieie.nsc.ru

Фадеева Ольга Петровна, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, fadeeva@ieie.nsc.ru

Журавель Нинель Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, chusik@academ.org

Меркульев Алексей Владимирович, магистрант Новосибирского государственного университета, Новосибирск

Козырева Галина Борисовна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, kozyreva@krc.karelia.ru

Литвинцева Галина Павловна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, glitvin@rol.ru

Герт Александр Андреевич, доктор экономических наук, заместитель генерального директора Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС), Новосибирск, gert@online.nsk.su

Мельников Павел Николаевич, кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отделом СНИИГГиМС, Новосибирск

Немова Ольга Григорьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник СНИИГГиМС, Новосибирск

Волкова Ксения Николаевна, научный сотрудник СНИИГГиМС, Новосибирск

Соболев Михаил Юрьевич, младший научный сотрудник СНИИГГиМС, Новосибирск

Супрунчик Надежда Алексеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник СНИИГГиМС, Новосибирск

Попов Игорь Анатольевич, аспирант Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск, popov@stu.ru

Чурашев Виктор Николаевич, кандидат экономических наук, заведующий сектором ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, tch@ieie.nsc.ru

Маркова Виталия Михайловна, кандидат экономических наук, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, 369@ieie.nsc.ru

Чирихин Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, начальник отдела Управления федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области, Новосибирск, Novosib-UFAS@mail.ru

Истомин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, заведующий отделом Института экономических проблем (ИЭП) Кольского научного центра РАН, г. Апатиты Мурманской области, ier@ier.kolasc.net.ru

Селин Владимир Степанович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЭП КНЦ РАН, г. Апатиты Мурманской области, ier@ier.kolasc.net.ru

Зайцева Екатерина Ивановна, консультант Комитета по бюджету и налогам Мурманской областной думы, Мурманск

Суляндзига Павел Васильевич, кандидат экономических наук, первый вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, Москва

Быстрицкий Станислав Пахомович, кандидат экономических наук, заместитель директора ГУ «ДальНИИ рынка», Хабаровск, market@inst.khv.ru

Ермолин А.Б., научный сотрудник Дальневосточного филиала Всероссийского НИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. Б.М. Житкова, Хабаровск

Заусаев Вадим Константинович, доктор экономических наук, профессор, директор ГУ «ДальНИИ рынка», Хабаровск